

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«КУБАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

На правах рукописи

Зелюка Павел Александрович

**УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ИНСТИТУТ ЗАМЕНЫ НАКАЗАНИЯ:
ГЕНЕЗИС, СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ**

5.1.4 – Уголовно-правовые науки (юридические науки)

ДИССЕРТАЦИЯ
на соискание ученой степени
кандидата юридических наук

Научный руководитель:
доктор юридических наук, профессор,
Заслуженный юрист Российской Федерации
Коняхин В.П.

Краснодар, 2026

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
Глава 1. Предпосылки формирования института замены наказания	19
§ 1. Становление и тенденции развития института замены наказания	19
§ 2. Конституционно-правовые основания института замены наказания	52
Глава 2. Институциональные характеристики замены наказания	88
§ 1. Юридическая природа уголовно-правовых предписаний о замене наказания	88
§ 2. Содержание и системные связи уголовно-правового института замены наказания	125
Глава 3. Содержательные характеристики института замены наказания	160
§ 1. Замена неотбытой части наказания более мягким видом наказания	160
§ 2. Замена назначенного судом наказания при уклонении от его отбывания	199
Заключение	236
Список использованных источников	241
Приложения	289

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. Обеспечение исполнения назначенного судом уголовного наказания – важнейший компонент уголовно-правовой практики противодействия преступлениям, от качества которой во многом зависит эффективность реализуемой в стране уголовно-правовой политики и достижение целей уголовного права. Одним из инструментов, используемых для обеспечения исполнения уголовного наказания, выступает институт замены наказания. В Уголовном кодексе Российской Федерации (далее – УК РФ) он рассредоточен во множестве нормативных предписаний, число которых существенно увеличилось по сравнению с ранее действовавшими законами, а неоднократно модернизируемое содержание стало сложнее и многообразней.

Институт замены наказания крайне востребован судебной практикой. В общем массиве оконченных производством в судах первой инстанции представлений и ходатайств материалы о замене наказания в процессе его исполнения более мягким или более строгим видом составляют в последние пять лет около 6%. Ежегодно они рассматриваются в отношении более чем 150000 осужденных, при том что за это же время в стране осуждается не более 600000 человек. Иными словами, вопросы замены наказания возникают в отношении каждого четвертого осужденного.

В судебной и научно-исследовательской практике уже наработаны определенные стандарты толкования и применения норм, составляющих институт замены наказания; ряд принципиальных позиций по этому поводу сформулирован Конституционным Судом России и Верховным Судом России. Однако далеко не все проблемы теоретического и прикладного характера разрешены окончательно.

Прежде всего, нет однозначного представления о том, является ли замена наказания продолжением практики назначения наказания за преступление, служит ли она формой реализации ответственности

(позитивной и негативной) за постпреступное поведение или же выступает самостоятельным способом механистического эквивалентного пересчета одного вида наказания в другой, не связанного с принципами индивидуализации уголовной ответственности и наказания. Не решен вопрос об институциональной природе предписаний о замене наказания, их месте в системе уголовного права и связях с иными уголовно-правовыми конструкциями и институтами. Кроме того, при любом решении вопроса, применение правил замены наказания осложнено несогласованностью их логических и содержательных связей с самой системой уголовных наказаний и санкциями Особенной части УК РФ. Реализация идей прогрессивной системы исполнения наказаний, многократно доказавшей свою эффективность, в современных условиях требует подтверждения, что предполагает разработку нового взгляда на соотношение видов наказаний в ситуации их прогрессивной замены как в сторону увеличения объема репрессии, так и в сторону ее смягчения. Помимо этого, уголовным и уголовно-исполнительным законодательством урегулированы далеко не все аспекты отдельных видов замены наказания, сохраняется нормативная недостаточность закона в части характеристики оснований замены неотбытой части наказания более мягким видом, сохраняется сочетание в законе принципиально различных моделей замены наказания более строгим видом, положения о замене наказаний не безупречны с точки зрения юридической техники, внутриотраслевой и межотраслевой согласованности. Эти и некоторые обстоятельства снижают эффективность уголовного законодательства и практики его применения, подрывают принципы системности права, правовой определенности, законности и справедливости, препятствуют реализации участниками уголовно-правового отношения их конституционных и отраслевых прав и обязанностей.

Актуальность исследования, таким образом, определяется насущной потребностью в преодолении разрыва между наличным состоянием научного знания об институте замены наказания и информацией, необходимой для

совершенствования законодательного регулирования и практики применения норм о замене наказания для более успешного решения задач уголовного права.

Степень научной разработанности темы исследования. Правовая природа замены наказания, основания и порядок ее применения многократно выступали предметом научного анализа. Фундамент современного понимания темы был заложен юристами, специализировавшимися на изучении вопросов уголовного наказания и его исполнения. Его последовательное развитие позволило И.А. Тарханову в 1982 году обосновать институциональный характер предписаний о замене наказания и впервые рассмотреть их в качестве самостоятельного предмета анализа. Как институт современного уголовного права замена наказания подвергалась исследованию в диссертациях А.В. Жукова (2002) и Э.А. Абдуллина (2008). Интерес к изучению проблем теории и практики замены наказания отчетливо сосредоточен в рамках казанской научной школы, где были защищены диссертации Л.Р. Сафиным (2004), М.М. Нурмиевым (2005), А.Р. Гараевой (2007), а также в рамках рязанской школы, где диссертации защитили О.В. Конкина (2000), О.Г. Демидов (2004), И.А. Давыдова (2005), Д.Н. Матвеева (2006), Л.И. Гаманенко (2010).

Однако степень изученности темы явно не соответствует масштабу проблем, которые возникают в связи с применением института замены наказания. Не в полной мере осмысленными в науке остаются вопросы конституционного обоснования замены наказания и понимания ее целей, уголовно-правовая природа, межинституциональные и межотраслевые связи института замены наказания, актуальные современные проблемы применения данного института, вызванные изменениями уголовного законодательства, а также перспективы его развития в условиях трансформации системы наказаний и практики их назначения. На качестве теоретической разработки отражается традиция отдельного юридического анализа правил замены неотбытой части наказания более мягким видом и предписаний о замене наказания более строгим видом. Имеющиеся исследования в области истории

института замены наказания ограничиваются перечислением нормативных актов и изложением их текстов без выявления предпосылок и тенденций развития правового института.

Сохраняется научная дискуссия о правовом статусе деятельности суда в процессе исполнения приговора, является ли она стадий судебного процесса (Л.В. Головкин) или отдельным видом судопроизводства (В.В. Николюк), а также о природе замены наказания, которая признается в различных теоретических построениях мерой уголовно-правового характера (И.Э. Звечаровский), элементом прогрессивной системы исполнения наказания (Ю.М. Ткачевский), обеспечительной мерой (В.М. Степашин). Это порождает различные подходы к конструированию основания замены наказания, определению критериев, которые должен учитывать суд в процессе замены, порядку принятия и содержанию итогового судебного решения.

Таким образом, есть основания утверждать, что в отечественной уголовно-правовой науке имеется определенный пробел в теоретическом осмыслении института замены уголовного наказания, который нуждается в целостном, комплексном восполнении.

Объект исследования составляют общественные отношения, складывающиеся в процессе нормативного закрепления и практической реализации института замены уголовного наказания.

Предмет исследования включает в себя основные тенденции формирования уголовно-правовых предписаний о замене наказания, их институционализацию в структуре современного уголовного права, конституционные и нормативные основы замены наказания, актуальные пробелы, противоречия и иные проблемы законотворческой и правоприменительной замены наказания.

Цель исследования состоит в обосновании системы новых научных положений, раскрывающих единую институциональную природу уголовно-правовых предписаний, регламентирующих замену наказания более мягким и более строгим видом, в аргументации их гарантийной функции и разработке

на этой основе теоретических рекомендаций, направленных на повышение правовой определенности законодательной и единообразия правоприменительной практики замены наказания.

Задачи исследования заключаются в следующем:

- изучить предпосылки, основные направления и этапы становления и развития института замены наказания;
- определить конституционные основы замены наказания и оценить степень соответствия уголовно-правовых предписаний конституционным стандартам уголовно-правового регулирования;
- доказать институциональный характер норм о замене наказания, раскрыть его основные характеристики данного института;
- раскрыть внутриотраслевые и межотраслевые связи института замены уголовного наказания;
- проанализировать практику применения уголовно-правовых норм, регулирующих процесс замены наказания более мягким видом или более строгим в случае злостного уклонения от отбывания;
- определить перспективные направления развития теории и практики конструирования и применения уголовно–правовых норм, составляющих институт замены наказания.

Методология исследования определяется диалектическими принципами всеобщей связи явлений, системности, причинности и историзма, соблюдение которых предъявляет к процессу исследования института замены наказания требования объективности, всесторонности, комплексности, логической определенности, исторической конкретности, связи теории с практикой. На этой основе в работе были использованы познавательные возможности комплекса общенаучных и частно-научных методов:

- дополняющие друг друга методы анализа и синтеза применялись для вычленения, содержательного структурирования и сопоставления доктринальных, нормативных и правоприменительных подходов к толкованию и применению предписаний о замене наказания;

– связанные методы дедукции и индукции – для выявления институциональных признаков и характеристик в группе нормативных предписаний о замене наказания, а также для понимания степени воплощения в этом институте конституционных начал регулирования уголовно-правовых отношений;

– историко-правовой метод применен для выяснения социально-исторических предпосылок, основных тенденций и направлений формирования и развития института замены наказания;

– статистический метод сводки и группировки данных использовался для сбора, обобщения и представления эмпирических данных, касающихся судебной практики применения уголовного закона для решения вопросов замены наказания;

– метод логико-юридического анализа использован в процессе грамматического, системного, телеологического толкования уголовно-правовых предписаний, формирующих институт замены наказания, для уяснения смысла и содержания уголовно-правовых понятий и конструкций;

– метод анализа документов применен для выявления господствующих вариантов судебного толкования уголовно-правовых предписаний, установления проблем и противоречий судебной практики, а также для установления посредством исторического толкования закона намерений законодателя при принятии уголовно-правовых решений;

– социологический метод анкетирования использован для выявления и оценки мнения профессионального сообщества по отдельным актуальным проблемам, составляющим предмет исследования;

– метод моделирования использовался для представления оптимальных решений в части совершенствования теории, законотворческой и правоприменительной практики замены наказания.

Нормативную основу исследования образуют Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 г., с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1.07.2020

г.), устанавливающая принципы взаимоотношений личности и государства в сфере уголовного права, гарантирующая осужденному лицу право просить о смягчении наказания, а также определяющая основания и пределы уголовно-правового ограничения прав граждан; Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 г. № 63-ФЗ, Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 г. № 174-ФЗ, Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации от 8.01.1997 г. № 1-ФЗ, Федеральный закон от 02.10.2007 г. № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве», закрепляющие основания, критерии формы и порядок замены наказания.

В историческом аспекте изучались отдельные памятники российского уголовного права (Русская правда, Соборное Уложение 1649 г., Воинские Артикулы 1715, Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1945 г., Уголовное Уложение 1903 г., Уголовные кодексы РСФСР 1922 г., 1926 г., 1960 г.).

Эмпирическая база исследования включает в себя:

- результаты анализа и обобщения 16 постановлений и 26 определений Конституционного Суда Российской Федерации, принятых в период с 2002 по 2025 гг., по вопросам конституционного толкования уголовно-правовых норм;
- материалы изучения трех законопроектов и сопровождающих их документов, размещенных на официальном Интернет-сайте Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации, и предполагающих корректировку нормативных предписаний о замене наказания;
- итоги обобщения правовых позиций высшей судебной инстанции, отраженные в восьми постановлениях Пленума Верховного Суда Российской Федерации;
- материалы исследования в общей сложности 230 итоговых судебных решений судов первой, апелляционной и кассационной инстанций по вопросам применения института замены наказания (сбор материалов осуществлялся посредством удаленного доступа с использованием СПС «Консультант Плюс» и АИС «Судебные и нормативные акты РФ», а также

непосредственно в архивах судов Краснодарского края, Ростовской области и Республики Адыгея);

– данные, полученные в процессе проведения анкетирования 179 специалистов в области теории практики применения уголовного закона (в исследовании, проведенном дистанционно с использованием сервиса «Яндекс–Формы», приняли участие 149 научно-педагогических работников и 30 судей);

– итоги статистического анализа данных Судебного Департамента при Верховном Суде Российской Федерации о практике применения судами уголовных наказаний и о работе судов общей юрисдикции в период с 2000 по 2025 гг.

Теоретическая основа исследования. Диссертация выполнена в рамках парадигмальных установок, развиваемых научной школой «Институциональные основы уголовного права Российской Федерации», сформированной на кафедре уголовного права и криминологии в Кубанском государственном университете. Основой для построения теории уголовно-правового института замены наказания стала разработанная представителями школы концепция институционального строения и системологических связей уголовного права (В.П. Коняхин, М.С. Жук, Р.Г. Асланян, С.П. Усенко), а также кафедральные результаты разработки учения о наказании и мерах уголовно-правового характера (Л.А. Прохоров, М.Л. Прохорова, А.П. Чугаев, Н.В. Огородникова, В.Н. Куфлева, В.В. Полтавец).

В основе диссертации также: учение о социальных и конституционных основах уголовно-правового регулирования (С.А. Антипов, О.С. Гузеева, А.В. Елинский и др.); теории уголовной ответственности, уголовного наказания и мер уголовно-правового характера (И.Э. Звечаровский, С.И. Курганов, Ю.Е. Пудовочкин и др.); концепции, объясняющие уголовно-процессуальную природу исполнения приговора (В.И. Качалов, В.В. Николук, М.К. Свиридов и др.).

Научная новизна исследования состоит в разработке и аргументации целостной концепции теоретического понимания, нормативного воплощения и судебного применения замены наказания в качестве самостоятельного уголовно-правового института, выполняющего конституционно заданную функцию обеспечения гарантий прав государства и лица, совершившего преступление, как участников уголовно-правового отношения. Новизной отличаются: представленные в работе социально-исторические предпосылки, основные направления и этапы развития института замены наказания в российском уголовном праве; тезис о содержательном влиянии политико-правовой концепции целей уголовного наказания на основания института замены наказания; итоги интерпретации конституционных основ функционирования института замены наказания в контексте принципов верховенства права и прав человека; доказанная в диссертации конституционно предписанная гарантийная, обеспечительная функция института замены наказания; результаты теоретического исследования институциональных характеристик, внутренней структуры, типологической принадлежности и системно-правовых связей института замены наказания; установленные в работе проблемы толкования и применения нормативных предписаний о замене наказания, аргументация перспективных решений по их преодолению на основе идеи ограничения судебного усмотрения.

Основные положения, выносимые на защиту.

1. В истории уголовно-правовых предписаний, регулирующих вопросы замены наказания, с точки зрения их внешнего институционального оформления, выделяются три периода: доинституциональный, охватывающий формирование и развитие права до 1845 года, в течение которого был накоплен опыт нормативного регулирования основных типологических ситуаций замены наказания; институциональный, совпадающий с эпохой действия Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года, в течение которого замена наказания получила статус полноценного уголовно-правового института, структурно обособленного в системе предписаний

Общей части уголовного права; постинституциональный, начавшийся с советских уголовных законов и включающий современность, в рамках которого нормы о замене наказания разрозненно предусматриваются в трех отдельных уголовно-правовых институтах: наказания, освобождения от наказания и преступлений против правосудия.

2. Содержательное наполнение института замены наказания происходило под влиянием динамики господствующей уголовно-политической доктрины, которая определялась сочетанием уголовно-правовой концепции наказания и правил его назначения, юридико-технической концепции конструирования санкций на основе имеющейся системы наказаний, политико-правовой концепцией организации власти и суда. Сообразно этому, институт замены наказания, находившийся до начала XX века под влиянием идей ретрибутивизма, был детерминирован потребностью в преодолении ситуаций физической или юридической невозможности исполнения наказания, а целевым образом ориентирован на обеспечение полного исполнения назначенного судом наказания, исходя из принципов формального равенства и законности, что потребовало от представителей классической школы уголовного права разработки дозированного сопоставления объема кары в наказаниях различного вида. С начала XX века распространение идей консеквенциализма обусловило изменение оснований института замены наказания, в качестве которого стала восприниматься динамика уровня достижения целей исправления осужденного и частной превенции, что потребовало от представителей социологической школы права разработки, сообразно принципам справедливости и гуманизма, правил замены наказания, обеспечивающих ступенчатое, на усмотрение суда, увеличение или уменьшение объема и вида правоограничений в процессе исполнения наказания.

3. В современном праве замена наказания должна определяться не столько стремлением достичь цели наказания, сколько необходимостью создать гарантии реализации права и обязанностей осужденного и государства

как участников уголовно-правового отношения. Замена определенного по приговору суда наказания в случае уклонения от его отбывания более строгим видом призвана гарантировать на всем протяжении уголовно-правового отношения конституционно значимое право государства реализовать в отношении осужденного комплекс предусмотренных уголовным законом правоограничений в целях восстановления справедливости, исправления осужденного и предупреждения новых преступлений. Замена наказания, установленного в приговоре, на более мягкий вид призвана гарантировать в тот же период времени непосредственно закрепленное на конституционном уровне право осужденного просить о смягчении наказания до минимального уровня, позволяющего эффективно достичь цели наказания. Отчетливо коррелируя с принципами формальной законности и гуманизма, эти два направления замены наказания в своей совокупности обеспечивают справедливость уголовно-правового регулирования.

4. Гарантийная функция замены наказания позволяет правильно определить ее природу и провести качественное отличие от близких по содержанию ситуаций, связанных с корректировкой меры воздействия лицу, совершившему преступление. Замена наказания: не является элементом содержания уголовной ответственности (поскольку порождается не преступлением, а постпреступным поведением); не является проявлением самостоятельной посткриминальной ответственности в уголовном праве (в виду недопустимости умножения видов отраслевой ответственности); не является элементом прогрессивной системы исполнения наказания (так как имеет отраслевую, уголовно-правовую природу); осуществляется в стадии исполнения вступившего в законную силу приговора и не предполагает устранение судебных ошибок (чем отличается от изменения наказания в судах проверочных инстанций); осуществляется в пределах нормативных параметров существующего уголовно-правового отношения (чем отличается от изменения наказания при изменении уголовного закона); вызвана

необходимостью оценки постпреступного поведения лица, совершившего преступление (чем отличается от выбора наказания на этапе его назначения).

5. Нормативные правовые предписания о замене наказания обладают всеми основными признаками правового института. Уголовно-правовой институт замены наказания – это система основанных на принципе соразмерности, взаимосвязанных, самостоятельных, обладающих отраслевой чистотой, уголовно-правовых предписаний, функционально ориентированных на целостную и беспробельную корректировку применяемых к осужденному в рамках уголовно-правового отношения мер государственного принуждения в качестве правового последствия совершения им позитивных или негативных посткриминальных действий. По своим видовым характеристикам институт замены наказания является регулятивным, функциональным, внутриотраслевым институтом Общей части уголовного права со сложной структурой, элементами которой выступают субинститут замены наказания более строгим видом и субинститут замены наказания более мягким видом.

6. Основные проблемы теории и практики применения уголовно-правовых предписаний о замене неотбытой части наказания более мягким видом predeterminedены неразрешенной конкуренцией двух моделей толкования сути данного субинститута: предполагает ли он переназначение уголовного наказания в обновленных условиях с учетом общих правил его индивидуализации или же заключается в строгом математическом пересчете одного вида наказания в другой. Как компонент института замены наказания, замена неотбытой части наказания более мягким видом наказания основывается на идеях: а) сопоставимости и взаимозаменяемости видов наказаний в системе наказаний, которая позволяет обеспечить эквивалентную замену одних правоограничений иными правоограничениями; б) прогрессивной системы исполнения наказания, которая позволяет смягчать уровень карательных правоограничений по мере достижения целей исправления лица, совершившего преступление; в) последовательности и

планомерности в улучшении правового статуса лица, совершившего преступление, по мере его исправления.

7. Оптимизация нормативной основы субинститута замены наказания более мягким видом диктуется необходимостью ограничения пределов судебного усмотрения в части выбора вида и размера заменяющего наказания. В этом отношении целесообразно установить дифференцированный и двухступенчатый порядок замены наказания, который включает в себя: а) замену неотбытой части лишения свободы (в том числе отбываемого за особо тяжкое преступление) наказанием в виде принудительных работ; б) замену принудительных работ (назначенных судом или отбываемых в порядке замены ими лишения свободы) наказанием в виде ограничения свободы. При этом в процессе замены необходимо строго и последовательно использовать установленные законом коэффициенты пересчета, согласно которым одному дню лишения свободы соответствует один день принудительных работ, а одному дню принудительных работ – два дня ограничения свободы.

8. Система уголовно-правовых предписаний о замене наказания более строгим является несбалансированной и противоречивой; основные проблемы состоят: а) в одновременном использовании двух принципиально различных моделей реагирования на злостное уклонение от исполнения наказания – модели ответственности за преступление и модели замены наказания; б) в пробельности правового регулирования, определяемой отсутствием предписаний о замене некоторых видов наказания; в) в установлении различного подхода к реагированию на однотипные наказания, назначенные в качестве основных либо дополнительных; г) в отсутствии четких и однозначных критериев замены наказания более строгим видом; д) в наследовании системой замены наказания недостатков системы видов наказаний.

9. Оптимизация нормативной основы субинститута замены наказания более строгим видом предполагает: необходимость исключения проблемы выбора заменяющего наказания; обеспечение исполнимости заменяющего

наказания; соблюдение начал соотносимости строгости наказаний. Система правил замены наказаний должна быть согласована с системой наказаний и санкций, а потому должна учитывать решение вопроса о сохранении или исключении из системы наказаний дополнительных их видов, видов, предназначенных только для военнослужащих, и ареста. При сохранении существующей системы наказаний, оптимизация правил замены может предполагать: а) допустимость замены дополнительного наказания более строгим основным наказанием с установлением специальных правил их сложения; б) установление правила о замене наказания в виде штрафа только обязательными или исправительными работами (в зависимости от наличия у осужденного основного места работы); в) установление правила о замене обязательных и исправительных работ единственным заменяющим более строгим наказанием в виде принудительных работ; г) сохранение в качестве единственного наказания, заменяющего принудительные работы, лишения свободы; д) установление правила о замене ограничения свободы исключительно арестом (а в случае исключения ареста из системы наказаний – лишением свободы).

Теоретическая значимость исследования заключается в том, что оно подтверждает перспективные познавательные возможности концепции институционального строения уголовного права. Обоснование единой институциональной природы совокупности нормативных правовых предписаний, регламентирующих вопросы замены наказания более мягким или более строгим видом, дало возможность обосновать тождество конституционных оснований различных вариантов замены наказания с точки зрения создания гарантий реализации прав участников уголовно-правового отношения; позволило провести четкое отграничение замены наказания от содержательно близких процессов назначения наказания и криминализации отклоняющегося поведения; сподвигло к разработке унифицированных правил эквивалентной замены одного вида наказания другим в целях обеспечения исполнимости приговора; обосновало потребность в обсуждении

проблем замены наказания в системной взаимосвязи с процессами оптимизации системы наказаний и санкций уголовно-правовых норм. Теоретические положения работы находятся в содержательном, концептуальном единстве, углубляют и развивают учение о системе уголовного права, учение об уголовном наказании, учение о мерах уголовно-правового характера; тем самым проведенное исследование способствует развитию уголовно-правовой науки в целом.

Практическая значимость исследования состоит в том, что его результаты могут рассматриваться в качестве теоретической основы для повышения эффективности правового механизма обеспечения исполнимости приговора суда в части отбывания назначенного уголовного наказания. Модельные решения, представленные в работе, способны служить платформой для законопроектной деятельности по совершенствованию уголовного закона в части установления системы эквивалентной замены одного наказания другим в процессе его исполнения. Предложенные в работе варианты толкования правовых норм и преодоления правовых коллизий могут быть использованы для разрешения актуальных проблем практики применения уголовного закона в части замены неотбытой части наказания более мягким видом или замены наказания на более строгое в случае злостного уклонения от его отбывания. Итоги обобщения теоретических позиций, материалы документального и статистического анализа могут быть использованы в учебном процессе подготовки специалистов юридического профиля, а также в научно-исследовательской практике.

Апробация результатов исследования. Основные положения диссертации нашли отражение в 10 научных публикациях, в том числе в 7 статьях в изданиях, входящих в перечень ВАК при Минобрнауки РФ. Результаты анализа темы стали предметом обсуждения на 3 научных форумах, в том числе: Всероссийской научно-практической конференции «Уголовная политика и правоприменительная практика» (Санкт-Петербург, 31 октября 2025 г.); III Всероссийской научно-практической конференции «Стратегии

противодействия преступности в условиях изменяющейся реальности» (Севастополь, 21 мая 2026 г.); XV Российском конгрессе уголовного права «XXX лет Уголовному и Уголовно-исполнительному кодексам Российской Федерации: итоги и перспективы» (Москва, 28-29 мая 2026 г.). Материалы исследования используются в учебном процессе юридического факультета имени А.А. Хмырова Кубанского государственного университета, а также Краснодарского университета МВД России.

Структура работы определяется задачами и логикой исследования. Диссертация состоит из введения, трех глав, объединяющих шесть параграфов, заключения, списка использованных источников и приложений.

Глава 1.

ПРЕДПОСЫЛКИ ФОРМИРОВАНИЯ ИНСТИТУТА ЗАМЕНЫ НАКАЗАНИЯ

§ 1. Становление и тенденции развития института замены наказания

Изучение исторических аспектов зарождения, формирования и последующей эволюции уголовно-правовых институтов составляет неотъемлемый элемент реализации диалектического подхода к познанию права, который требует исследовать любое явление как постоянно движущуюся, качественно и количественно меняющуюся, развивающуюся под воздействием множества внешних и внутренних факторов систему. И хотя историко-правовой метод прочно и давно вошел в арсенал уголовно-правовых исследований, его реализация применительно к анализу отдельных уголовно-правовых институтов (в том числе института замены наказания) не отличается необходимой методологической точностью, а потому сопряжена с некоторыми ошибками, которые существенно искажают понимание сущности данного института, его социальной основы и правовых функций.

Одним из существенных недостатков в организации исторического анализа института замены наказания, который отчетливо наблюдается в современной научной литературе, следует признать попытку исследователей обосновать истоки института замены наказания в нормах, не имеющих к этому институту отношения и обладающих принципиально иной правовой природой. Такая ошибка есть результат некритического переноса современных представлений о замене наказания в историческое прошлое. Она отражает опыт наделения любой отмеченной в истории ситуации законодательного изменения наказания статусом элемента института замены наказания, опирающийся на характеристику только одной из лексических единиц в конструкции «замена наказания», а именно, на слово «замена». В этом случае любое предписание об изменении наказания признается частью

института замены наказания без учета тех причин, которые породили данное предписание, и функций, которые оно призвано было выполнять. Все это обуславливает произвольный подход к определению начальной точки исследования и к отбору исторических памятников для изучения, и зачастую выливается в стремлении юристов, увлеченных своей темой, продлить максимально далеко историю уголовно-правовых предписаний относительно замены наказания, оторвав ее от их социально-правовой сущности.

Так, по мнению некоторых исследователей истоки института замены наказания следует усматривать еще в Русской Правде¹, в ее положениях о возможности выплаты выкупа за убийство в случае отсутствия у жертвы родственников, способных к осуществлению кровной мести (ст. 2 Пространной редакции), а также в предписаниях о замене дикой виры выдачей на поток и разграбление (ст. 6, 7 Пространной редакции).

Между тем, внимательный анализ этих положений древнерусского права² свидетельствует, что они не относятся к институту замены наказания и имеют принципиально иное обоснование. В частности, замена кровной мести выкупом не может претендовать на положение о замене наказаний по той простой причине, что кровная месть не может в принципе рассматриваться как уголовное наказание³. Соответствующие положения Русской правды – свидетельство лишь некоторого допущения, терпимости по отношению к кровной мести на начальных этапах формирования государства и права и ее последовательного ограничения вплоть до окончательного вытеснения за пределы права. Что касается замены виры потоком, то это законоположение опять же не о замене наказания, определенного виновному лицу за преступление. Это свидетельство дифференциации уголовной ответственности за различные виды убийств: открытое убийство во время

¹ Жуков А.В. Замена наказания в уголовном праве России: дисс. ... канд. юрид. наук. Самара, 2002. С. 128–129.

² Правда Русская. Т. 2: Комментарии / сост. Б.В. Александров, В.Г. Гейман, Г.Е. Кочин, Н.Ф. Лавров, Б.А. Романов; под общ. ред. Б.Д. Грекова. М.–Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1947. С. 241–254, 287–296.

³ См.: Георгиевский Э.В. Формирование и развитие общих положений древнерусского уголовного права. М.: Юрлитинформ, 2013. С. 223.

ссоры или на пиру наказывается вирой (выплатой денежной суммы общиной), тогда как беспричинное убийство, совершенное не во время какой-либо ссоры, освобождает общину от выплаты виры и наказывается выдачей виновного с женою и детьми на «поток и разграбление».

Равным образом сложно поддержать исследователей, которые начало института замены наказания отсчитывают с нормативных актов XV века – с Новгородской и Псковской судных грамот¹. В ст. 34 Новгородской судной грамоты декларируется возможность обвиненному в течение месячного срока договориться («переговариваться») с судьей и истцом о формах, сроке уплаты судебных пошлин и возмещении убытков. По истечении этого срока, если ответчик к тому же начнет избегать приставов, новгородские власти могли принимать все меры для приведения в исполнение приговора суда («казнить всим Великим Новымгородом»)². В ст. 111 Псковской судной грамоты³ указывается, что если ответчик не выплатит установленную денежную компенсацию в пользу истца, он выдается последнему с головой до полной отработки долга⁴.

Однако указанные предписания опять же – не о замене уголовных наказаний. Они – о возможности подключения публично-правовых механизмов для обеспечения исполнения судебного решения, о возможности применения мер принуждения в отношении лиц, не исполняющих решения суда по гражданскому делу, о неполной отраслевой дифференциации мер

¹ Абдуллин Э.М. Замена наказания в уголовном праве России (юридическая природа, виды, характеристика): дисс. ... канд. юрид. наук. Ульяновск, 2008. С. 17.

² «А кто на кого возьмет грамоту судную, а будет ему дело до судьи или до истца, ино ему переговариватся с ними месяцы, а не почнет переговариватся в тот месяцыно взять на него приставы с веча, да иматъ его в городе и в селе с тыми приставы; а почнет хорониться от приставов, ино его казнить всим Великим Новымгородом». См.: Памятники Русского права. В 8 вып. Вып. второй. Памятники права феодально-раздробленной Руси. XII–XV в.в. / сост. А.А. Зимин. М.: Гос. издат. юрид. лит., 1953. С. 240.

³ Памятники Русского права. В 8 вып. Вып. второй. Памятники права феодально-раздробленной Руси. XII–XV в.в. / сост. А.А. Зимин. М.: Гос. издат. юрид. лит., 1953. С. 300.

⁴ Именно так толкуют данную норму большинство специалистов (см.: Псковская судебная грамота (1397–1467). Подлинная с в переводе на современный язык с примечаниями по установлению переводного текста / сост. И.И. Васильев, Н.В. Кирпичников. Псков: Тип. Губерн. Правления, 1896. С. 59; Мартысевич И.Д. Псковская судная грамота. Историко-юридическое исследование. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1951. С. 111; Лоба В.Е., Малахов С.Н. Уголовное право Псковской феодальной республики. Армавир: РИО АГПА, 2012. С. 51); хотя встречаются и иные толкования (см.: Российское законодательство X–XX веков: В 9-ти т. Т.1. Законодательство Древней Руси / отв. ред. Янин В.Л. М.: Юридическая литература, 1984. С. 385).

правового воздействия. В этом отношении данные нормы гораздо ближе по своему содержанию к ст. 264 – 269 Главы X Соборного Уложения, регламентирующим стадию исполнения судебного решения в гражданском процессе.

Надо отметить, что традиция начинать исследование истории института замены наказания с памятников права X – XV веков является достаточно устойчивой. Она поддерживается во многих специальных научных исследованиях¹. Но, несмотря на свою распространенность, она, как представляется, должна быть, как минимум, поставлена под сомнение и, как максимум, - опровергнута.

Поиск нормативных предпосылок формирования современного института замены уголовного наказания не может быть произвольным². Общие методологические требования к такому поиску исторических предпосылок формирования уголовно-правовых институтов удачно разработаны в рамках научной школы «Институциональные основы уголовного права РФ», традиционно уделяющей особое внимание методологии историко-правового анализа. Ее представителями доказаны, в частности:

- принципиальная возможность изучения истории уголовно-правовых институтов на основе истории уголовного законодательства, опыта его систематизации и кодификации³;

- недопустимость, с одной стороны, оценки содержания и структуры исторических памятников уголовного права с точки зрения современных

¹ См.: Черняков С.А. Эволюция института замены наказания в российском уголовном праве // Законность и правопорядок в современном обществе. 2013. № 14. С. 156–159; Мальчук О.И., Румянцев Н.В. Развитие института замены наказания в России в X-XIX вв // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Образование и педагогические науки. 2016. № 2 (766). С. 99–104; Нистратова И.С. Ретроспективный анализ нормативно-правового регулирования замены неотбытой части наказания более мягким видом наказания // Евразийский юридический журнал. 2021. № 12 (163). С. 331–332.

² Основные положения нашего подхода к решению этого вопроса изложены в ранее опубликованной работе, см.: Зелюка П.А. Становление института замены наказания в российском уголовном праве // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2025. № 3 (69). С. 102–107.

³ Коняхин В.П. Теоретические основы построения Общей части Российского уголовного права. СПб.: Юридический центр Пресс, 2002. С. 18–19; Жук М.С. Становление и развитие институтов российского уголовного права // Lex Russica (Русский закон). 2013. Т. 95, № 7. С. 750–766.

представлений, а с другой стороны, недопустимость игнорирования возможности исторического исследования таких современных уголовно-правовых явлений, которые не имеют прямых аналогов в истории права¹;

- необходимость различения генезиса содержания нормативного регулирования какого-либо участка уголовно-правовых отношений и институционального оформления соответствующих предписаний в качестве того или иного элемента структуры отрасли уголовного права².

Отталкиваясь от этих теоретико-методологических постулатов, необходимо:

- во-первых, четко противопоставить два периода в истории развития уголовно-правовых норм, регламентирующих вопросы замены наказания: доинституциональный и институциональный, принимая при этом во внимание, что впервые самостоятельная структурная единица текста уголовного закона соответствующего содержания (прямое свидетельство сформированности уголовно-правового института) появилась только в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года (отделение четвертое «О замене одних наказаний другими» главы второй «О наказаниях» раздела первого «О преступлениях, проступках и наказаниях вообще»)³;

- во-вторых, признать, что в доинституциональный период на роль содержательных прототипов института замены наказания могут претендовать лишь те нормативные правовые предписания, которые по своему социальному предназначению и роли в механизме уголовно-правового регулирования соответствуют его институциональной природе.

Исходя из этого, исторические предпосылки формирования института замены наказания следует усматривать в тех нормативных предписаниях, которые отражали:

¹ Асланян Р.Г. Теоретико-методологические основы историко-правового анализа системы особенной части уголовного права // Юридический вестник Кубанского государственного университета. 2020. № 4. С. 30–38.

² Усенко С.П. Генезис субинститутов уголовного права // Общество и право. 2023. № 1 (83). С. 33–38.

³ Подчеркнем, что наименование выделяемых периодов обусловлено исключительно наличием или отсутствием формального признака правового института – его внешнего оформления в тексте закона на уровне самостоятельной структурной единицы.

- представления о взаимоотношениях законодательной и судебной власти в определении уголовного наказания, отражающиеся в конструировании санкций уголовно-правовых норм и возможностях суда индивидуализировать наказание;

- представления об окончательности судебного решения и невозможности его исправления в ординарном судебном порядке, следовательно о невозможности изменения, по общему правилу, назначенного судом наказания, и жесткой необходимости его исполнения;

- представления о целях уголовного наказания, его значимости и возможности не только для поддержания государственно-правового порядка, но и для решения иных социальных задач.

Сообразно этим теоретическим суждениям, следует продолжить критический анализ высказанных в науке суждений относительно генезиса института замены наказания и указать, в частности, на теоретическую несамостоятельность попыток связать исследуемый институт:

- с практикой дифференциации уголовной ответственности (Нельзя усматривать замену наказания в предписаниях о дифференциации наказания в зависимости от особенностей совершаемого деяния, в том числе вины, мотивов и целей (как например, в ст. 90 Судебника 1550 г.¹), о дифференциации наказания за одно и то же преступление его соучастникам (как это имело место, например, в статье 12 Главы X Соборного Уложения 1649 г.²),

¹ Статья, в частности, устанавливала: «А которой купец, идучи на торговлю, возмет у кого денги или товар, да на пути у него тот товар утераетца безхитростно, истонет, или згорит, или рать или розбой возмет, и боярин, обыскав, велит тому дати цареву и великого князя [дьяку] полетнюю грамоту с великого князя печатью, посмотри по животом, платитца исцом в ыстину без росту. А хто у кого, взяв, идучи в торговлю, да пропьет или иным каким безумьем тот товар погубит без напрасньства, ино того выдати исцу головою до искупа». См.: Памятники Русского права. В 8 вып. Вып. четвертый. Памятники права периода укрепления русского централизованного государства XV–XVII вв. / под ред. Л.В. Черепнина. М.: Гос. издат. юрид. лит., 1956. С. 258–259.

² Статья гласила: «А который Дьяк норовя кому по посулом, или по дружбе, или кому мстя не дружбу, велит судное дело подьячему написать не так, как в суде было, и как в прежней записке за истцовою и за ответчиковою рукою на писано, и по тому Дьячьему приказу подьячий то судное дело напишет не делом, а сыщется про то допряма: и Дьяку за то учинити торговая казнь, бити кнутом, и во Дьяцех не быти; а подьячего казнити, отсеки рука». Памятники Русского права. В 8 вып. Вып. шестой. Соборное Уложение царя Алексея Михайловича 1649 года / под ред. К.А. Софроненко. М.: Гос. издат. юрид. лит., 1957. С. 79.

- с практикой гуманизации уголовного наказания и его назначения (Как бы не оценивать с позиций сегодняшнего дня, в исторической перспективе безусловно гуманным решением законодателя, хотя и не связанным с институтом замены наказания, стало изменение вида смертной казни для женщин, совершивших убийство мужа, когда закапывание живой по плечи в землю, предусмотренное ст. 14 Главы XXII Соборного Уложения, было заменено указом от 19.03.1689 г. отсечением головы; а равно смягчение и дифференциация наказания для фальшивомонетчиков, когда предусмотренное ст. 1 Главы V Соборного Уложение заливание горла металлом в 1661 году было заменено отсечением левой руки для главных виновников и двух пальцев для пособников¹. В этом же русле расположена последовательная практика смягчения уголовных наказаний для несовершеннолетних²).

Во всех этих случаях изменение наказания осуществлялось в общем нормативном порядке безотносительно того или иного конкретного случая, и по сути являло собой не замену назначенного судом наказания, а изменение параметров наказуемости отдельных преступлений или преступных деяний отдельных категорий лиц. Иными словами – это явления, отражающие общий ход и закономерности развития уголовного права как отрасли. Они связаны с общими, уголовно-политическими процессами дифференциации и гуманизации ответственности, но не с частными вопросами исполнения назначенного судом наказания или его легитимной замены.

Между тем, именно в области проблематики исполнения уголовных наказаний, на наш взгляд, следует усматривать истоки интересующего нас правового института. Если внимательно проанализировать и оценить исторические памятники права на предмет поиска в них предтеч уголовно-правовых норм, регулирующих вопросы замены наказания, то наиболее

¹ См.: Памятники Русского права. В 8 вып. Вып. шестой. Соборное Уложение царя Алексея Михайловича 1649 года / под ред. К.А. Софроненко. М.: Гос. издат. юрид. лит., 1957. С. 45, 436.

² Об этом см., например: Пудовочкин Ю.Е. Ювенальное уголовное право: теоретико-методологические и историко-правовые аспекты. М.: Глобус, 2001.

плотную связь современных законоположений можно наблюдать со следующими обстоятельствами, уходящими далеко в историю:

- во-первых, с безусловным правом главы государства на помилование лиц, совершивших преступление¹. Помилование (слабо дифференцированное в истории от амнистии) включало в себя зачастую – не столько освобождение от всех правовых последствий преступления, сколько именно замену наказания. Как правило, речь шла о замене смертной казни опалой или ссылкой²;

- во-вторых, с вечной проблемой исполнения (а точнее – неисполнения) имущественных взысканий, определенных судебным решением. В Киевской Руси, а потом и в Московском царстве она решалась посредством замены имущественных взысканий личными – отдачей в работы до уплаты долга или правежем³;

- в-третьих, с неявным представлением о том, что уголовное наказание, будучи обращенным к личности виновного общественным средством, способно производить изменения как в самой личности, так и в общественной среде, то есть способно достигать целей, расположенных за пределами самого наказания (Отсюда, как представляется, положения ст. 34. Главы XXI Соборного Уложения о предоставлении возможности покаяния осужденным к

¹ О помиловании см., например: Гришко А.Я. Амнистия. Помилование. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Логос, 2014. С. 54–83.

² Так, например, 30 июля 1638 г. состоялся Указ первого царя из династии Романовых о помиловании осужденных к смертной казни. «Государь царь и великий князь Михайло Федорович всеа Руси по челобитью великого господина святейшего Иосафа патриарха московского и всеа Руси, слушав статейных списков тюремных сидельцов Ивашка мещеряна с товарищи, по потриаршу челобитью их пожаловал; велел им в смерти место живот дать, а велел их сослать в Сибире на житье». См.: Памятники Русского права. В 8 вып. Вып. пятый. Памятники права периода сословно-представительной монархии. Первая половина XVII в. / под ред. Л.В. Черепнина. М.: Гос. издат. юрид. лит., 1959. С. 225.

³ Так, например, ст. 28 Главы X Соборного Уложения предусматривала: «А будет Боярин, или Окольный или Думной человек обезчестит словом Митрополита или Архиепископа или Епископа: и за Митрополище, и за Архиепископле и Епископле безчестье, Боярину и Окольному и Думному человеку платити Митрополиту за безчестье четыре ста рублей, Архиепископу триста рублей, Епископу двести рублей. А будет кому платить нечем: и его за властелинское безчестье отослати ко власти головою, будет сыщется допряма». В тоже время ст. 84 устанавливала: «А будет которому Архимандриту, или Игумену, или Келарю, или Казначей, или рядовым старцем за чье безчестие платити будет нечем: и на них тем людям правити безчестие нещадно до тех мест, как они с истцы учинят сделку, или как в том истцом своим добьют челом». Как видим, здесь предусматривались различные последствия для тех, кто был не в состоянии выплатить положенное возмещение за оскорбление: светские лица подлежали «выдаче головой», а духовные – правежу. Памятники Русского права. В 8 вып. Вып. шестой. Соборное Уложение царя Алексея Михайловича 1649 года / под ред. К.А. Софроненко. М.: Гос. издат. юрид. лит., 1957. С. 148.

смертной казни¹, ст. 15 Главы XXII Соборного Уложения о замене смертной казни иным видом наказания беременным женщинам². Сюда же следует отнести сформировавшуюся при Петре I обширную законодательную и судебную практику замены смертной казни каторжными работами и использования труда осужденных на необходимых государству предприятиях³).

Именно эти три ситуации, опыт их нормативной оценки и регулирования выступают объективным источником формирования уголовно-правового института замены наказания. В достаточно полном и системном виде они были зафиксированы уже в Литовском статуте⁴. Сохраняют они свое генетическое значение и сегодня.

Для полноты исторической ретроспективы, наряду с ними следует указать еще один источник, на который в современных работах по теме не обращается внимание. Речь идет об обусловленной сословной организацией российского общества дифференциации наказаний за одни и те же преступления. Сословный характер общества в уголовном праве проявлялся не только в установлении повышенных санкций за преступления против представителей высших, привилегированных сословий (что наблюдалось еще в Русской Правде), но и в установлении определенных ограничений и изъятий для применения к ним некоторых видов наказаний. Наиболее отчетливо это

¹ Статья гласила: «А которые тати и розбойники доведутся казнити смертию: и их для покаяния посадити в тюрьме в избу на шесть недель, и как им отойдут урочные дни, и таких татей и розбойников казнити». Этот порядок был отменен указом от 20.10.1653 г., в котором предписывалось: «татей и разбойников в покаянную избу не сажать». Но Новоуказными статьями покаянная изба была вновь восстановлена с сокращением одного срока покаяния до 10 дней. Статья 86 Новоуказных статей 1669 года предписывала приговоренным к смертной казни «после сказки (то есть чтения приговора), в покаянной избе поститься неделю до причастия св. тайн, а по причастии св. тайн быти им два дня, а в третий день их вершить» (то есть приводить приговор в исполнение)». См.: Памятники Русского права. В 8 вып. Вып. шестой. Соборное Уложение царя Алексея Михайловича 1649 года / под ред. К.А. Софроненко. М.: Гос. издат. юрид. лит., 1957. С 417.

² В статье провозглашалось: «А которая женка приговорена будет к смертной казни, а в те поры она будет беременна: и тоя женки, покаместа она родит, смертию не казнити, а казнити ее в те поры, как она родит, а до тех мест держати ее в тюрьме: или за крепкими приставами, чтобы она не ушла». См.: Памятники Русского права. В 8 вып. Вып. шестой. Соборное Уложение царя Алексея Михайловича 1649 года / сост. К.А. Сафроненко. М.: Гос. издат. юрид. лит., 1957.

³ Подробнее см. об этом: Упоров И.В. Пенитенциарная политика России в XVIII–XX вв.: историко-правовой анализ тенденций развития. СПб.: Юридический центр Пресс, 2004. С. 114–123.

⁴ Демченко Г.В. Наказание по Литовскому Статуту в его трех редакциях (1529, 1566 и 1588 гг.). Часть первая. Киев: Тип. Императорск. Ун-та Св. Владимира, 1894. С. 215–221, 286–289.

нашло отражение в изъятии их от телесных наказаний. В 1785 году от телесных наказаний было освобождено дворянство и высшие разряды городских сословий, в 1796 году – духовенство. Но отмена для них телесных наказаний не означала отмены преступности и наказуемости совершенного деяния. Просто телесное наказание заменялось иным видом – лишением всех прав состояния и преимуществ, соединенных с ним¹. Такая сословная замена наказания, не имевшая оснований в особенностях обстоятельств конкретного преступления и конкретной личности виновного, закономерным образом отражала специфику общественного строя. Но со временем она была исключена из закона. При этом едва ли можно с уверенностью сказать, что повлияло на это в большей степени – преодоление сословных различий в обществе или осознание неприемлемости телесных наказаний в принципе.

В любом случае замена одних наказаний другими только по причине сословной принадлежности виновного уже в XIX веке оценивалась в науке как нежелательное явление. «Одинаковость наказаний для высших и низших есть требование просвещенного правосознания нашего времени», - писал А.Ф. Бернер. Он же указывал, что «почетное и высокое образование преступника ... не представляют юридической невозможности применения наказания. Ибо позор должен заключаться в преступлении, а не в звании». Не исключая в принципе учета особенностей личности виновного при назначении наказания, он отмечал: «должно и может быть обращено внимание на нравственную и физическую восприимчивость преступника, но последствия этого должны состоять не в выборе другого наказания в уважение к званию и образованию, а только в выборе соответственных занятий и в известных изменениях способа отправления данного наказания»².

¹ Так, по Указу 1754 года, «простолюдин», осужденный к каторжным работам вместо смертной казни, подлежал наказанию кнутом, вырезанию ноздрей, клеймению, заковыванию в кандалы и ссылке на каторгу. «Но есть ли кто из освобожденных от телесного наказания осужден на оную, то в таком случае вместо наказания кнутом, вырезанию ноздрей и поставлению знаков, лишается он своих достоинств и чести». См.: Горегляд О. Опыт начертания российского уголовного права. СПб.: Тип. Иос. Иоаннесова, 1815. С. 44.

² Бернер А.Ф. Учебник уголовного права: Части общая и особенная / с прим., прил. и доп. по истории рус. права и законодательству положит. Н. Неклюдова. Т. 1. Часть Общая. СПб: Изд. Н. Неклюдова, 1865. С. 847–850.

Включение в орбиту исторического анализа ситуаций сословной замены уголовного наказания призвано проиллюстрировать три важнейших характеристики правовых норм, составляющих рассматриваемый институт. Во-первых, как и любые уголовно-правовые нормы, они имеют свое социальное обоснование, отражают тот уклад общественных отношений, которые сложились в определенный исторический отрезок времени. Во-вторых, будучи исторически обусловленными, они являются вместе с тем исторически изменчивыми и преходящими. В-третьих, что, пожалуй, особенно важно, нормы, составляющие институт замены наказания, могут порождаться либо непосредственно потребностями уголовно-правового регулирования (внутренними отраслевыми причинами), как в ситуациях, например, замены имущественных наказаний личными, либо внешними социальными или политическими факторами, расположенными за пределами сугубо отраслевых потребностей уголовного права, как в ситуациях с сословной заменой наказания. Но остаться в рамках отраслевой структуры уголовного права эти нормы могут только в том случае, если они согласуются с общими закономерностями развития именно уголовного права, если отвечают его принципам и доктринальным конструкциям.

Последнее обстоятельство заставляет еще раз обратить внимание на доктринально-идеологические, политико-правовые предпосылки формирования института замены наказания. Разработка специальной системы правил замены наказания не случайно долгое время просто не вызывалась необходимостью. Причина тому видится, прежде всего, в особом сочетании трех концептов:

- уголовно-правовой концепции наказания, которая с точки зрения современной науки тяготела к группе абсолютных теорий, усматривающих в наказании «акт самоцельный и независимый от каких бы то ни было результатов, которые им могут быть вызваны»¹. Наказание представлялось как самим собой оправдываемый институт, как необходимое возмездие,

¹ Фойницкий И.Я. Учение о наказании в связи с тюрьмоведением. М.: Городец, 2000. С. 56.

призванное удовлетворить потерпевшего и обеспечить устрашение всех иных потенциальных преступников. Для этих целей оно должно быть исполнено в полном объеме и всегда, вне зависимости от каких-бы то ни было обстоятельств;

- юридико-технической концепции конструирования санкций на основе имеющейся системы наказаний, в рамках которой существовало крайне ограниченное количество несоотносимых друг с другом, неделимых и невзаимозаменяемых видов наказаний (долгое время только штраф и смертная казнь), из которых, по общему правилу, в санкции предусматривалось только одно, часто либо абсолютно неопределенным, либо абсолютно определенным образом. В таких условиях идея замены наказания или его перерасчета была по факту нереализуемой;

- политико-правовой концепции организации власти и суда, в рамках которой судебная власть не была обособлена от власти административной и была сосредоточена в руках главы государства, обладавшего одновременно высшей законодательной властью¹, что сопровождалось практикой произвольного применения уголовных наказаний и произвольного порядка их исполнения.

Сосуществование этих концепций, их взаимная поддержка и взаимная обусловленность не предполагали необходимости разработки специального порядка замены уголовного наказания. Применительно к истории института смягчения наказания некоторые исследователи отмечают: «для того, чтобы законодатель обратил внимание на необходимость разработки предписаний о смягчении наказания, должны были сложиться определенные условия, связанные с изменением взгляда на природу преступления, трансформацией роли суда в разрешении уголовно-правового конфликта, общим смягчением

¹ Власов В.И. История судебной власти в России. Книга первая (1019–1917). М.: Спутник+, 2003; Прудников А.С., Швец В.М. История становления и развития судебной власти в концепции разделения властей // Вестник Московского университета МВД России. 2016. № 1. С. 52–54.

нравов, хотя бы элементарным признанием ценности личности. В XV – XVI веках таковых условий еще не было»¹.

Эти рассуждения в известной мере справедливы для института замены уголовного наказания. С одним принципиальным уточнением в части хронологии. Анализ показывает, что к XVI столетию, несмотря на все отмеченные политико-правовые препятствия, в отсутствие какого бы то ни было теоретического обоснования были эмпирически апробированы две базовые идеи и практики: замена назначенного судом наказания иным, как правило, более строгим видом в случае его неисполнения, и замена назначенного наказания более мягким по гуманитарным соображениям. Эти две модели во многом определяют последующее развитие института замены наказания. Они задали форму, содержательное наполнение которой будет кардинальным образом меняться под влиянием не столько политико-правовых соображений, связанных с необходимостью безусловного исполнения судебного решения, и возможностью корректировки решения суда постановлениями иных ветвей власти, сколько под влиянием развития уголовно-правовой концепции наказания, его сути, объекта и целевого предназначения.

Именно развитие учения о наказании и утверждение нового взгляда на его социальные функции станет толчком к содержательной эволюции института замены наказания. Соответствующее изменение, связанное с формированием относительных теорий наказания и их отражением в уголовном законодательстве произойдет не ранее конца XIX – начала XX века. До того времени развитие норм о замене наказания оставалось в политико-правовых рамках, заданных абсолютной теорией наказания, и корректируемых укрепляющимися в общественном и правовом сознании представлениями о необходимости гуманизации уголовного права.

¹ Басаев В.А. Развитие института смягчения наказания в уголовной политике Русского государства XV–XVI веков // Молодой ученый. 2015. № 23 (103). С. 721–723.

Веховое значение в их истории (как в истории уголовного права в целом) имеет период первой половины – середины XIX века, когда уголовное право было системным образом трансформировано на основе пандектного принципа изложения нормативных правовых предписаний в рамках самостоятельного кодифицированного акта¹. Первый официальный опыт такого решения был представлен в проекте Уголовного Уложения 1813 года², а затем в существенно переработанном виде воплощен в Томе XV Свода законов Российской империи 1832 года³. Эти документы обобщили накопленный к моменту их создания опыт правовой регламентации замены наказания. Однако анализ текстов памятников права показывает, что законодатель не воспринимал замену наказания в качестве самостоятельной проблемы, требующей акцентированного внимания. Объясняется это, среди прочего, тем фактом, что Том XV Свода законов не создал новых уголовно-правовых предписаний, но являл собой систематизированное объединение свыше полутора тысяч уголовных законов, принятых в России начиная с 1649 года. Соответственно, Свод отражал те представления о замене наказания, которые по большей части сложились на пространстве XVII – XVIII веков.

Нормы, связанные с заменой наказания, известные предшествующим Своду эпохам, не были вычленены из общей массы предписаний и не были закреплены на уровне отдельной структурной единицы текста нормативного акта. На этом основании Свод можно отнести к памятникам доинституциональной истории норм о замене наказания. Статус самостоятельного института эти нормы не приобрели. Но тем значимей становится выяснение вопроса о том, в какие разделы кодекса законодатель поместил интересующие нас предписания. Анализ показывает, что нормативные предписания, связанные с заменой наказания, были

¹ См. об этом подробнее: Зельюка П.А. Развитие института замены наказания в уголовном праве России во второй половине XIX - первой половине XX в. // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2025. № 4 (70). С. 29–34.

² Безверхов А.Г., Коростелев В.С. Проект Уголовного Уложения Российской империи 1813 года. Самара: Самарский университет, 2013.

³ Свод законов уголовных. Т. XV. СПб.: Тип. II Отд. Собств. Его Императорского Величества Канцелярии, 1832.

рассредоточены в трех тематических единицах текста. Во-первых, в Главе второй «О разных родах казней и наказаний». Регламентируя вопросы содержания различных видов наказания, законодатель вместе с тем делал оговорки относительно возможности их применения или исполнения в отношении некоторых категорий лиц или в некоторых ситуациях¹. Во-вторых, в Главе четвертой «О мере наказаний по мере вины», где Отделение шестое «О обстоятельствах, уменьшающих вину и наказание» предписывало специальные правила наказания малолетних и престарелых (ст. 126, 127). В-третьих, в Главе пятой «Об освобождении от наказания, отсрочке и отмене оно», в Отделении втором «О обстоятельствах, по коим наказание отлагается или вовсе отменяется», где закреплялись нормы о помиловании.

Крайне важно подчеркнуть, что такой подход к закреплению предписаний о замене наказания не позволяет однозначно установить их институциональную отраслевую природу. С одной стороны (как в ситуации помилования), эти нормы тяготеют к собственно замене назначенного судом наказания. С другой стороны (как во всех остальных случаях), это нормы, функционально близкие к институту наказания (в части ограничения его применения к некоторым лицам) или назначения наказания (его индивидуализации в процессе применения судом). При таком подходе теряется сама суть процесса замены наказания. Замена – есть ситуация изменения одного, назначенного судом наказания, другим. Когда же такая «замена» происходит на этапе назначения, смещается в область выбора надлежащего наказания, о замене в строгом смысле слова говорить не приходится.

Такое смешение «замены» и «выбора», на наш взгляд, восходило в своих истоках к слабой дифференциации законодательной и судебной власти в принципе, к неопределенности роли суда в применении уголовного закона,

¹ Так, например, ст. 44 Т. XV Свода устанавливала, что преступники из нижнего состояния людей за неважные преступления вместо ссылки на поселение и отдачи в солдаты, если они оказываются негодными к военной службе, подлежат осуждению в крепостные арестантские роты вне Сибири. А ст. 57 провозглашала, что в Грузии, где смиренных и рабочих домов нет, осужденные к временным работам, отсылаются в крепости.

зависимости суда от администрации и необходимости выполнения им ряда управленческих функций. В глобальном отношении эта ситуация стала меняться в середине XIX столетия в связи с проводимыми в стране правовыми и судебными реформами. В интересующем нас аспекте последовательное разграничений функций законодательной и судебной власти нашло отражение в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года¹ и его последующих редакциях.

Сохраняя пандектный принцип изложения нормативного материала, Уложение 1845 года весьма существенно скорректировало институциональное оформление и наполнение уголовного права. Применительно к нашей теме это воплотилось в создании отдельной, самостоятельной структурной единицы текста кодекса, объединившей нормы о замене наказания. Таковым стало Отделение четвертое «О замене одних наказаний другими» Главы II «О наказаниях», включавшее статьи с 72 по 95.

В рамках настоящей работы нет необходимости воспроизводить содержание этой главы целиком. Кратко и только для примера отметим, что она включала в себя предписания о замене каторжных работ ссылкой для престарелых, достигших семидесяти лет (ст. 76), о замене ссылки в Сибирь отдачей в военную службу (ст. 78), о замене заключения в работном или смирительном доме заключением в тюрьме или телесными наказаниями в тех местностях, где еще не созданы работные или смирительные дома или в них недостаточно мест (ст. 84, 86), о замене заключения в тюрьме или кратковременного ареста телесными наказаниями (ст. 87, 88), о замене денежных взысканий в случае невозможности их уплатить заключением в тюрьме (ст. 90) и др. Гораздо важнее в исследовательском отношении понять теоретические основания состоявшейся институционализации норм о замене наказания.

Представляется, что такими основаниями стали следующие постулаты:

¹ Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. СПб.: Тип. II Отд. Собств. Его Императорского Величества Канцелярии, 1845.

- во-первых, тезис о том, что опасность преступления определяет исключительно законодатель, конструируя санкцию статьи Особенной части уголовного закона, в рамках которой суд вправе выбрать наиболее подходящее конкретному случаю наказание, что исключало суд от решения вопросов конструирования санкции, отражая логику разделения полномочий законодательной и судебной власти в сфере уголовно-правового регулирования;

- во-вторых, тезис о том, что любое назначенное судом с соблюдением всех установленных правил законное наказание, должно быть с необходимостью исполнено, что отражало господство абсолютной теории наказания, возводившей наказание в неизбежное и необходимое следствие преступления, полноценное и полное исполнение которого не должно зависеть от каких-либо внешних социальных факторов;

- в-третьих, тезис о необходимости различать понятия «назначаемость» и «исполнимость» уголовного наказания, первое характеризовало зависимую от законодателя деятельность суда, второе – зависимую от суда деятельность органов исполнения наказания, а в совокупности эти понятия отражали особые представления о роли суда в определении наказания – связанного законом, но самостоятельного и ответственного за последствия принятого решения, в том числе ответственного за его надлежащее исполнение;

- в-четвертых, тезис о том, что исполнение судебного приговора представляет собой самостоятельную правовую ценность, что отражало растущее представление о незыблемости судебных решений, о невозможности их неисполнения в государстве, основанном на началах господства права. Исполнение наказания приобретало статус отдельной правоприменительной стадии, которая подлежала судебному контролю и не могла быть произвольно корректируема органами иных ветвей власти. «Согласно существу судебного приговора, - писал по тому поводу Н.С. Таганцев, - определенное судом наказание с того времени, как самый приговор стал *res judicata*, никакому изменению не подлежит. Исполнители обязаны следовать в точности

судебному приговору и исполнять согласные с оным требования прокурора через которого восходят на разрешение суда и все затруднения или сомнения, возникшие при исполнении приговора»¹.

Следствием и отражением этих идей, собственно, и выступал институт замены наказания в том его виде, в каком он был впервые оформлен в Уложении 1845 года. Соответствующие особенности законоположений и их правовая природа вполне явственно признавались в специальной литературе.

Так, Ф. Лист отчетливо противопоставлял дифференциацию наказания (в санкциях и за ее пределами) в сторону его усиления или смягчения как деятельность законодателя и изменение наказания как деятельность суда². И.Ф. Фойницкий столь же четко различал «определение наказания» (индивидуализацию наказания судом) и собственно «замену наказания». Он писал: «В отличие от определения наказания по обстоятельствам, увеличивающим или уменьшающим, повышающим или смягчающим вину, под заменой наказания разумеется назначение судом за данное преступное деяние такого наказания, которое отличается от законом указанного за данное деяние по роду и виду, но одинаковое с ним по строгости. Институт определения наказания существует для приискания тяжести наказания, соответствующей виновности, а институт замены – для невозможности применить в данном случае нормальное наказание и вытекающей отсюда необходимости выбрать вместо него какую-нибудь другую карательную меру»³. Л.С. Белогриц-Котляревский пояснял: «По общему правилу, суд, определяя конкретное наказание за данное преступление, должен принять за основание ту нормальную кару, которая указана в соответствующих статьях закона. Однако из этого положения неизбежны отступления, возникающие при самом постановлении приговора, так и при его исполнении. ... Замена наказания вызывается невозможностью определить следуемое нормальное

¹ Таганцев Н.С. Русское уголовное право. Часть общая. Лекции в 2-х т. Т. 2. СПб.: Гос. тип., 1902. С. 1375–1376.

² Лист Ф. Учебник уголовного права. Общая часть / пер. с 12 перераб. изд. Ф. Ельяшевич; с предисл. М.В. Духовского. М.: Тип. А.П. Мамонтова, 1903. С. 307.

³ Фойницкий И.Я. Учение о наказании в связи с тюремоведением. М.: Городец, 2000. С. 102.

наказание; она бывает двух родов: 1) физическая и 2) юридическая. Первая имеет место, когда применение определенного законом наказания невозможно физически, например, вследствие отсутствия помещения в данном роде заключения или же вследствие имущественной несостоятельности лица, приговоренного к штрафу. В таких случаях практикуется замена данного наказания другим по возможности ему соответствующим... Юридическая же невозможность имеет место тогда, когда применение нормального наказания в виду конкретных условий было бы несправедливо или нецелесообразно¹». И далее он указывал: «Замена по основаниям юридическим должна быть сделана при постановлении приговора по существу, а по физическим может быть сделана и впоследствии», причем «самая замена делается судом не ранее определения конкретного наказания за данное преступление, ибо замене подлежит именно это последнее наказание»². Это было принципиально важно – различить назначенное и замененное наказание, поскольку, как отмечал И.Ф. Фойницкий, «юридические последствия наказания определяются по нормальному наказанию, которому подвергся бы виновный, если бы не было поводов замены, а не тому наказанию, которое пришлось в конкретном случае применить в замену нормального»³. Важные дополнения к сказанному делал А.Ф. Бернер, связывая замену наказания с особым положением суда и его связанностью требованиями закона. Он писал: «Замена наказания подлежит некоторым ограничениям. 1) На нее имеет право только судья; он или определяет ее условно при постановлении приговора или же назначает ее впоследствии после доказательства неприменимости положенного наказания. 2) Судья ни в коем случае не имеет права заменять узаконенное наказание таким, какое чуждо его кодексу. 3) В новейших кодексах определяются те

¹ Сюда автор относил замену каторги по причине дряхлости поселением, замену несовершеннолетним заключения домашним исправлением или отдачей в монастыри, замену арестантских отделений для женщин – тюрьмой и др.

² Белогриц-Котляревский Л.С. Учебник русского уголовного права. Части Общая и Особенная. Киев: Типо-лит. И.И. Чоколова, 1903. С. 322–323. См. также: Познышев С.В. Учение о карательных мерах и мере наказания. М.: Типо-лит. Русского Товарищества печатного и издательского дела, 1908. С. 180–181; Неклюдов Н.А. Общая часть уголовного права (конспект). СПб.: Типограф. И.П. Меркулева, 1875. С. 153–154.

³ Фойницкий И.Я. Учение о наказании в связи с тюремным содержанием. М.: Городец, 2000. С. 103.

случаи, в которых законодатель считает замену наказания возможною и необходимою. Но при этом для других случаев замена уже не может быть допущена, так что если данное наказание не выполнимо, то преступник освобождается от всякого наказания»¹. Наконец, специалисты отмечали, что замена, по сути своей, не должна влиять на смягчение или усиление наказания, определенного судом согласно закону. «При определении наказания, отличного по роду и равного другому по силе, следует уравнивать интенсивность одного наказания экстенсивностью другого. Чтобы сделать это возможным, законы определяют взаимное отношение наказания». Равенство кары в заменяемом и заменяющем наказании, обеспечивало формальное признание того факта, что при замене наказания его строгость остается той же, «нормальной», которая назначена законом.

Обобщенный взгляд на институт замены наказания, который сложился в 1845 году, а затем с определенными уточнениями был воспроизведен в последующих редакциях Уложения о наказаниях уголовных, позволяет заключить, что он во многом являл собой продукт, с одной стороны, порожденный утилитарными соображениями, связанными с необходимостью исполнения наказаний, а с другой стороны, связанный с достижениями классической школы уголовного права, которая не только проповедовала идеи равного воздания наказанием за преступление, но обосновала возможность пересчета различных видов наказаний и их замены, гарантируя при этом равенство объема карательного воздействия в наказаниях разного вида. Законность и формальное равенство стали базовыми принципами, которые и породили институт замены наказания, и обеспечивались им. При этом важно заметить, что они находились также под корректирующим влиянием принципа гуманизма, что прямо отразилось в Уголовном Уложении 1903 года², где рассматриваемые нами предписания были объединены с нормами о смягчении

¹ Бернер А.Ф. Учебник уголовного права: Части общая и особенная / с прим., прил. и доп. по истории рус. права и законодательству положит. Н. Неклюдова. Т. 1. Часть Общая. СПб: Изд. Н. Неклюдова, 1865. С. 847–850.

² Уголовное Уложение. Высочайше утвержденное 22 марта 1903 г. СПб.: Изд. Сенатской тип., 1903.

наказания в рамки одной структурной единицы закона – Отделения VI «О смягчении и замене наказаний» Главы I «О преступных деяниях и наказаниях вообще».

Гуманизм не всегда требует строгого соблюдения начал формального равенства и предполагает совмещение уравнивающего и распределяющего аспектов справедливости. Этим он «поворачивает» строгие логические формулы закона лицом к человеку, к его конкретным особенностям, возможностям, потребностям и т.д. Думается, не будет большой ошибкой признать, что именно идеи гуманизма стали отправной точкой в изменении общего понимания уголовного наказания и его социальных функций, которое нашло отражение в становлении относительных теорий наказания, утверждавших в качестве его основных целей исправление осужденных и предупреждение совершения преступлений.

В рамках настоящей работы нет необходимости детально исследовать этот фундаментальный сдвиг в общей теории наказания. Достаточно будет указать, что признание за уголовным наказанием целей исправления преступников самым существенным образом модифицировало виды и содержание наказаний, привело к появлению альтернативных наказанию мер уголовно-правового воздействия (в частности, условного осуждения и др.), изменило правила назначения наказания, а также нашло свое прямое продолжение в нормах о замене наказания. Ведь если наказание имеет своим объектом личность виновного, если эта личность являет собой не только спектральное (обладает различной степенью опасности), но и динамическое явление (ее опасность может меняться в различную сторону со временем), если наказание направлено (среди прочего или в первую очередь – в разных интерпретациях) к тому, чтобы скорректировать негативные свойства личности и сделать ее безопасной для общества, если наказание может быть оправдано только при условии, что оно достигает поставленных перед ним целей, если учесть все эти обстоятельства, то становится очевидным, что процесс достижения цели наказания (исправления виновного) в процессе

исполнения наказания должен стать элементом уголовно-правового регулирования и частью уголовно-правовой стратегии государства. Уголовное право, традиционно воспринимаемое как право наказания, не может ограничиваться лишь назначением законного и справедливого наказания для того, чтобы считать свою социальную задачу выполненной. Как только цели наказания в своем содержании вышли за пределы права в область социальных отношений, одного лишь факта исполнения наказания самого по себе стало недостаточно для оценки полноты и эффективности уголовно-правового воздействия на преступность. Одним из приоритетных направлений уголовной политики закономерным образом становится оценка динамики исправления лица, совершившего преступление, в процессе применения к нему уголовного наказания, и соответственно, корректировка применяемых государством мер в интересах наилучшего достижения целей наказания.

Этот доктринально-нормативный сдвиг совпадал во времени со сложным периодом социальной и политической истории России начала XX столетия, включавшим войны и революционное переустройство государства и права. Не останавливаясь на тонкостях этого периода, обратимся к итогам революционных преобразований, к советскому законодательству, принимая во внимание, что оно во многом учитывало отмеченные выше достижения социологической школы права в части понимания уголовного наказания и его целей.

Для начала отметим, что советские уголовные кодексы изменили систему наказаний – исходный для формирования института замены наказаний элемент уголовного закона¹. Она стала значительно проще, утратила сословный характер. Виды наказаний в основном своем содержании стали таковы, что возможность их применения меньше всего была поставлена

¹ О трансформации системы наказаний и правил их назначения в первые постреволюционные годы см., например: Князькина А.К., Лупарев Е.Б., Прохорова М.Л. Эволюция системы наказаний – революционная модель, представленная в Руководящих началах по уголовному праву РСФСР 1919 года // Юридический вестник Кубанского государственного университета. 2020. № 2. С. 38–43; Прохоров Л.А., Прохорова М.Л. Основные критерии назначения наказания: регламентация в Руководящих началах по уголовному праву РСФСР 1919 года // Юридический вестник Кубанского государственного университета. 2019. № 4. С. 82–86.

в зависимость от возрастного, полового, сословного, социального и прочего статуса лица, совершившего преступление. Кроме того, из системы наказаний были исключены те виды (за исключением лишения свободы), которые требовали организации специальных мест или учреждений для их исполнения. Наказания стали в значительной степени универсальными. Как следствие, отпала острая необходимость в разработке специальных правил замены наказания, обусловленных невозможностью их исполнения, обнаруженной в самый момент назначения наказания¹. В тех случаях, когда по объективным и общим причинам исполнение наказания оказывалось невозможным в отношении каких-либо лиц, законодатель, отказавшись от идеи замены им наказания, разрабатывал положения об исключении возможности применения данного вида наказания, что компенсировалось практикой конструирования альтернативных санкций, позволявших выбрать оптимальный и возможный вариант наказания в каждом конкретном случае². По сути, изменение системы наказаний в советском праве лишило институт замены наказаний, сформированный в праве дореволюционном, существенной части своего правового обоснования. В том виде, в каком этот институт можно было наблюдать в Уложении 1845 года, в советском законодательстве он уже не встречается. Замена, обеспечивающая формальное равенство объема кары в различных по содержанию видах наказания в интересах обеспечения исполнения наказания, перестала быть практической проблемой, требующей решения и ее обоснование, предложенное классической школой уголовного права, утратило свое значение.

¹ Отголоском «старых» правил о замене могли служить некоторые особые предписания о замене наказаний военнослужащим, сохранившиеся на протяжении всего советского периода развития права. Так, согласно ст. 30 УК РСФСР 1926 г., принудительные работы без лишения свободы в отношении военнослужащих рядового и младшего начальствующего состава кадров Рабоче-Крестьянской Красной армии заменялись содержанием в штрафных частях на срок, равный одной шестой назначенного по приговору срока принудительных работ. Соответствующие правила предусматривались также в ст. 34 УК РСФСР 1960 г., которая устанавливала, что военнослужащие могут быть направлены в дисциплинарный батальон вместо лишения свободы, а исправительные работы заменяются им содержанием на гауптвахте. Однако эти правила в большей степени тяготели к институту назначения наказания, поскольку предполагали не замену назначенного военнослужащим наказания иным видом, а выбор в отношении них иного наказания, вместо того, что установлено непосредственно в санкции.

² Эта практика получит широкое признание в УК РСФСР 1960 года.

Это не значит, что полностью была утрачена преемственность в развитии исследуемого правового института.

Во-первых, были полностью сохранены (хотя и переработаны содержательно) нормы о замене наказания более строгим видом в случае уклонения осужденного от его отбывания¹. Это наиболее древняя часть института замены наказания, его смысловое и идейное ядро, восходящее к принципу нерушимости судебного решения. Это то, что обеспечивало стабильность самого института замены наказания во все времена.

Во-вторых, были сохранены объективно необходимые правила о замене наказания в случае невозможности его исполнения по причинам, не связанным с поведением осужденного лица. Таковы, например, предписания уголовно-исполнительного законодательства, определявшие последствия утраты трудоспособности лицами, осужденными к наказаниям, связанным с трудовым воздействием².

¹ Так, ст. 39 УК РСФСР 1922 г., ст. 42 УК РСФСР 1926 г. определяли последствия злостного уклонения от уплаты штрафа. Штраф мог быть заменен в случае уклонения от его уплаты принудительными работами без лишения свободы, из расчета 100 рублей штрафа за месяц принудительных работ. При этом не допускалась замена штрафа лишением свободы. В ст. 40 ИТК РСФСР 1924 г., ст. 26 ИТК РСФСР 1933 г. предусматривались положения о возможности замены исправительно-трудовых работ в случае уклонения от их исполнения. При систематическом уклонении от исполнения исправительно-трудовых работ отделение исправительно-трудовых работ должно было возбудить перед учреждением, вынесшим приговор или постановление, ходатайство о назначении другой меры вместо исправительно-трудовых работ. Правда, надо отметить, что корреспондирующих этому предписанию норм в уголовном законодательстве не было. В ст. 109 ИТК РСФСР устанавливалось еще одно правило о порядке замены ссылки. В случае злостного уклонения осужденного к ссылке от исполнения исправительно-трудовых работ исправительно-трудовое учреждение должно было ставить перед народным судом по месту исполнения приговора вопрос о замене ссылки лишением свободы. Отсутствие необходимых положений в Общей части кодекса компенсировалось, как представляется, предписаниями Особенной части, устанавливающими преступность отдельных деяний, связанных с уклонением от наказания. Согласно ст. 82 УК РСФСР 1926 г. (в редакции 1931 г.), побег арестованного из-под стражи или из места лишения свободы признавался преступлением и наказывался лишением свободы на срок до трех лет. Побег с места обязательного поселения (ссылки) или с пути следования к нему, а равно уклонение от исправительно-трудовых работ присужденных к ссылке, согласно этой же статье кодекса, влекло замену ссылки лишением свободы на тот же срок. Самовольное возвращение высланного в места, запрещенные для проживания, - замену высылки лишением свободы или ссылкой на тот же срок. При этом статья содержала важно примечание, определявшее, что две последние из указанных мер могут быть назначены определением суда в порядке исполнения приговора.

² Согласно ст. 14 ИТК РСФСР 1933 г., в отношении обязанных выполнять исправительно-трудовые работы не по месту своей постоянной работы в случае потери ими трудоспособности свыше 50% во время отбывания исправительно-трудовых работ, отделение исправительно-трудовых работ должно было поставить перед органами, назначившими эти работы, вопрос о замене их иной мерой (непосредственно к самому уголовному закону правила замены, тем не менее, отсутствовали). В ст. 107 этого же кодекса устанавливалось, что в случае утраты отбывающим ссылку с исправительно-трудовыми работами трудоспособности наблюдательная комиссия на основании заключения врачебной экспертизы возбуждает в ближайшем народном суде ходатайство о замене ему оставшегося срока ссылки иной мерой социальной защиты.

В-третьих, были сохранены, но получили совершенно иное обоснование и воплощение нормы о замене наказания более мягким видом. Эта часть правового института замены наказания обеспечила его динамику и изменчивость, она в значительно большей степени была подвержена влиянию изменяющихся социальных условий, политико-правовой и уголовно-правовой доктрины¹.

Напомним, что замена, согласно дореволюционному праву, требовалась в ситуации физической или юридической невозможности исполнения наказания. И если проблематика физической неисполнимости наказания утратила актуальность, то юридические основания замены наказания не только сохранились, но и в связи с модернизацией теории наказания были наполнены дополнительным, новым содержанием. Несправедливость и нецелесообразность наказания (признаваемые дореволюционными специалистами юридическими основаниями его замены) перестали восприниматься в качестве абстрактной категории, но наполнились конкретным, социологическим содержанием, основанным на оценке возможности (необходимости) достижения целей наказания и уровня достижения этих целей.

Сообразно этому, законодательство, во-первых, сохранило и развило правовые предписания, определяющие возможность назначения вместо предписанного по закону наказания иного наказания или иных мер уголовно-правового характера (в терминологии того времени – «мер социальной защиты»)². Однако, как и в предшествующие периоды, эти предписания нельзя соотносить собственно с институтом замены наказания, поскольку здесь идет

¹ Такое содержательное разделение института замены наказания соответствует логике взаимодействия традиций и новаций в праве. См. об этом, например: Бабаев М.М., Пудовочкин Ю.Е. Диалектика традиций и новаций в уголовном праве // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2015. № 2 (19). С. 9–28.

² К таковым предписаниям следует относить, например, ст. 28 УК РСФСР 1922 года о назначении наказания ниже низшего предела, ст. 25, 26 УК РСФСР 1926 года о замене несовершеннолетним наказания мерами социальной защиты медико-педагогического характера (здесь и далее, если не оговорено иное, законодательство 1917–1950 годов приводится по изданию: Сборник документов по истории уголовного законодательства СССР и РСФСР. 1917–1952. / сост. А.А. Герцензон; под ред. И.Т. Голякова. М.: Гос. издат. юрид. лит., 1953).

речь о его назначении, индивидуализации на этапе выбора формы государственного реагирования на преступление. Во-вторых, и это имеет прямое отношение к теме нашего исследования, законодатель разработал ряд положений, позволяющих поставить и решить вопрос о справедливости и целесообразности исполнения уже назначенного судом наказания.

В предшествующие эпохи постановка такого вопроса была невозможна в виду господства абсолютной теории наказания. С изменением концепта наказания этот вопрос потребовал и обсуждения, и решения. При этом стоит обратить внимание, что решение было найдено в двух областях: в области организации условий исполнения наказания и в области определения самого наказания. В первом случае речь идет о возможности изменения условий отбывания назначенного судом наказания без изменения самого наказания в рамках так называемой прогрессивной системы исполнения наказания¹. При этом, однако, еще И.А. Тарханов писал, что такие изменения нельзя рассматривать в качестве проявления замены наказания, поскольку «изменение содержания наказания, осуществляемое в рамках одного и того же вида, хотя и ведет к изменению объема правоограничений, однако существенно не изменяет качественной определенности назначенного приговором суда вида уголовного наказания»². Иная ситуация складывается во втором случае, когда меняется сам вид назначенного судом наказания, исходя из того, что исполнение ранее назначенного вида наказания становится несправедливым или нецелесообразным. Именно регулирование этой ситуации стало основой для развития института замены наказания.

Правовой конструкцией, позволявшей решить проблему оценки целесообразности наказания с точки зрения результатов контроля достижения

¹ В ст. 7 ИТК РСФСР 1933 года было прямо предписано, что «применение мер социальной защиты в исправительно-трудовых учреждениях организуется по прогрессивной системе, соответственно которой заключенные подвергаются различному режиму, для чего они распределяются по исправительно-трудовым учреждениям разных типов и разделяются в них на разряды, с переводом из низших в высшие и обратно, в зависимости от особенностей их личности, социального положения, мотивов и причин преступления, поведения и успехов в работах и занятиях». Прогрессивная система исполнения наказания в виде лишения свободы была поддержана всей последующей историей уголовно-исполнительного законодательства.

² Тарханов И.А. Замена наказания по советскому уголовному праву. Казань: Изд. Казанск. ун-та, 1982. С. 25.

целей наказания, стала замена назначенного судом наказания более мягким видом наказания. В чистом виде, самостоятельно она не была представлена в законе, но апробировалась в рамках нескольких институтов. Принципиальное отличие между ними состояло в установлении источников исправления лиц, совершивших преступление, было ли это исправление результатом работы системы исполнения наказаний или же оно было вызвано иными обстоятельствами.

Наиболее известным институтом, позволяющим заменить наказание в связи с оценкой работы системы исполнения наказаний, был институт условно-досрочного освобождения от наказания¹, который воплощался в п. 2 Декрета СНК от 21 марта 1921 г. «О лишении свободы и о порядке условно-досрочного освобождения», ст. 53 УК РСФСР 1922 г., ст. 38 Основных начал уголовного законодательства СССР и союзных республик 1924 г., ст. 56 УК РСФСР 1926 г., ст. 125 ИТК РСФСР 1933 г. Согласно правовым нормам, к отбывающим наказание в виде лишения свободы или принудительных работ, обнаруживающим исправление, могло быть применено условно-досрочное освобождение. Оно выражалось либо в полном освобождении от дальнейшего отбывания назначенной по приговору меры социальной защиты, либо в замене ее более мягкой. При этом важно отметить, что согласно первоначальной редакции ст. 53 УК РСФСР 1922 г. условно-досрочное освобождение должно было применяться судом, вынесшим приговор². Но уже в октябре 1924 года в закон были внесены изменения, которые сохранились в ст. 56 УК РСФСР 1926 г., и согласно которым досрочное освобождение применялось в порядке, установленном ИТК РСФСР. На основании же предписаний ст. 115 ИТК РСФСР 1933 г. вопрос условно-досрочного освобождения от наказания разрешался Наблюдательными комиссиями, создаваемыми в местах

¹ Этот институт был исключен из уголовного законодательства в период с 1939 по 1954 годы

² Детально соответствующая процедура была установлена еще в 1921 году специальным Декретом. См.: Декрет СНК «Об установлении общих начал лишения свободы лиц, признанных опасными для Советской Республики, и о порядке условно-досрочного освобождения заключенных» от 21.03.1921 г. (Филиппов П.А. Уголовное законодательство России: октябрь 1917–май 1922 года: хрестоматия. М.: Проспект, 2024. С. 38–39).

отбывания наказания. В рамках досрочного освобождения от отбывания наказания замена наказания могла состоять в следующем: лишение свободы заменялось переводом на исправительно-трудовые работы без лишения свободы на срок не свыше одного года, ссылка с исправительно-трудовыми работами заменялась переводом на оставшийся срок, но не более одного года, на исправительно-трудовые работы без лишения свободы в месте по выбору осужденного.

Институтом, в рамках которого была реализована идея замены наказания более мягким видом, вне зависимости от работы системы исполнения наказаний, стал институт назначения лишения свободы военным. В 1928 г. ст. 28 УК РСФСР 1926 г. была дополнена положением о том, что приговор, присуждающий в военное время военному к лишению свободы без поражения прав, может быть по определению суда, вынесшего приговор, отсрочен исполнением до окончания военных действий с тем, что осужденный направляется в действующую армию. Если этот военный проявит себя в действующей армии стойким защитником Союза ССР, допускается по ходатайству соответствующего военного начальства освобождение его от ранее назначенной меры наказания или замена ее более мягкой мерой наказания.

Таким образом, замена наказания более мягким видом наказания в виду нецелесообразности применения изначально назначенного судом наказания по причине исправления осужденного (как в связи с результатами специально организованного исправительного воздействия, так в связи с иными, внешними по отношению к уголовно-исполнительной системе обстоятельствами) стала существенным моментом в развитии анализируемого нами института замены наказания. Такие законоположения стали результатом инструментального развития относительных теорий целей наказания в советском праве и связанной с этим практикой совершенствования процесса исполнения уголовного наказания, наполнения его социально созидательным смыслом, что потребовало более пристального внимания к этой стадии

развития уголовно-правовых отношений со стороны не только уголовно-исполнительного и уголовно-процессуального, но и материального уголовного законодательства.

Апробированные в первой половине XX столетия правила замены наказания в более стабильном и упорядоченном виде были отражены в последнем советском уголовном законе – УК РСФСР 1960 г.¹

Нормативные предписания о замене наказания в нем, как и во всех предшествовавших советских уголовных законах, как и в действующем УК РФ, в отличие от Уложения 1845 года и отчасти от Уложения 1903 года, не были обособлены в самостоятельную структурную единицу текста закона. Соблюдение формального признака правовой институционализации замены наказания, как можно наблюдать, выступало в истории, скорее временным исключением, нежели общим правилом. Тем не менее, содержательно институт был представлен в целом ряде правоположений, зафиксированных в различных главах закона. Особый исследовательский интерес представляет решение законодателя об определении формальной институциональной принадлежности этих норм.

Так, часть предписаний содержалась в Главе четвертой УК РСФСР 1960 г. «О наказании»². Все они касались регулирования ситуаций неисполнения осужденным наказаний, не связанных с лишением или ограничением свободы. Такое неисполнение могло быть вызвано объективными причинами, не зависящими от поведения осужденного (в ч. 3 ст. 27 УК РСФСР, например, определялась возможность замены исправительных работ лицам, признанным нетрудоспособными, штрафом, общественным порицанием или возложением обязанности загладить причиненный вред). Но в основном закон определял последствия сознательного уклонения от исполнения назначенного наказания. Причем делал это либо в отдельной статье закона (например, ст. 28 УК

¹ См.: Уголовное законодательство Союза ССР и союзных республик. В 2 т. Т. I. / отв. ред. Ф.И. Калинычев. М.: Гос. издат. юрид. лит., 1963.

² Здесь были сохранены и существенно расширены правила о неприменении отдельных видов наказаний к некоторым категориям лиц.

определяла последствия уклонения от исправительных работ), либо чаще – при регламентации содержания того или иного вида наказания (ч. 3 ст. 30 устанавливала последствия невозможности взыскания штрафа, ч. 5 ст. 32 – последствия неисполнения такого наказания как возложение обязанности загладить причиненный вред). Со временем эти предписания закона уточнялись в части определения оснований замены и введения, наряду с понятием «уклонение», понятия «злостное уклонение» от отбывания наказания в целях дифференциации последствий такого уклонения. Так, например, Указом Президиума Верховного Совета РСФСР¹ в 1982 году было установлено, что при уклонении от исправительных работ по месту работы осужденного, они могут быть заменены исправительными работами в иных местах, определяемых органами, ведающими применением данного наказания. Но в случае злостного уклонения от отбывания исправительных работ суд может заменить неотбытый срок исправительных работ уже наказанием в виде лишения свободы на тот же срок.

Иная группа предписаний, которые регламентировали замену наказания более мягким видом в процессе его исполнения, по причинам связанным с позитивной динамикой исправления осужденного, содержалась в Главе пятой «О назначении наказания и об освобождении от него». В ст. 53 УК РСФСР были объединены положения об условно-досрочном освобождении от наказания и о замене наказания более мягким видом осужденным к лишению свободы, исправительным работам, ссылке, высылке, направлению в дисциплинарный батальон, которые «примерным поведением и честным отношением к труду доказали свое исправление». В ст. 55 УК РСФСР соответствующие предписания формулировались применительно к несовершеннолетним. Законом были определены основания замены наказания, порядок предоставления, категории лиц, в отношении которых устанавливается особый порядок замены, и в отношении которых замена

¹ Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 3.12.1982 «О внесении изменения и дополнений в Уголовный кодекс РСФСР» // Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1982. № 49. Ст. 1821.

наказания невозможна. Порядок пересчета наказания при замене изначально не определялся, но впоследствии ст. 53 УК РСФСР пополнилась важным дополнением на этот счет: «При замене неотбытой части лишения свободы исправительными работами они назначаются в пределах сроков, установленных законом для этих видов наказания, и не должны превышать неотбытого срока лишения свободы».

Наконец, третья группа предписаний о замене наказаний предусматривалась в Особенной части УК РФ. В Главе восьмой «Преступления против правосудия» законодатель сконструировал составы преступлений – побег с места ссылки (ст. 186), самовольное возвращение высланного в места, запрещенные для проживания (ст. 187), побег из места заключения или из-под стражи (ст. 188). Изменения этих предписаний были в последующем связаны с исключением наказаний в виде ссылки и высылки и соответственно с исключением ст. 187 и пересмотром ст. 186 УК РСФСР, а также с разграничением собственно побега из места лишения свободы (ст. 188) и уклонения от отбывания наказания в виде лишения свободы осужденного, которому разрешен краткосрочный выезд из мест лишения свободы, а равно осужденного, отбывающего наказание в колонии-поселении, которое было самостоятельно криминализировано в ст. 188.1 УК РСФСР в 1977 году¹.

Как следует из анализа, советский законодатель выбрал особый подход к институционализации норм о замене наказания: замена, вызванная положительными обстоятельствами, была отнесена к институту освобождения от наказания; а замена, вызванная негативными обстоятельствами, в зависимости от того, о замене какого именно наказания шла речь, дифференцировано описывалась либо в рамках института наказания, либо в рамках института преступлений против правосудия. Такой подход в общей схеме сохранился и в действующем уголовном законодательстве.

¹ Указ Президиума ВС РСФСР от 11.03.1977 «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс РСФСР» // Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1977. № 12. Ст. 255.

Подводя итоги историческому анализу процессов формирования и развития института замены наказания в отечественном уголовном праве, представляется возможным сформулировать следующие основные выводы:

- формирование института замены наказания было продиктовано двумя группами предпосылок:

(а) социально-правовыми, связанными с необходимостью утверждения и поддержания авторитета судебного приговора, который в любом случае должен быть исполнен;

(б) уголовно-политическими, связанными с пониманием целей наказания, юридико-техническим оформлением санкций и разграничением полномочий законодательной и судебной власти в регулировании уголовно-правового конфликта;

- под воздействием указанных предпосылок в истории уголовно-правовых предписаний, регулирующих вопросы замены наказания, отчетливо выделяются три периода:

(б) первый (доинституциональный), охватывающий собой формирование и развитие русского уголовного права до 1845 года, в течение которого был накоплен опыт нормативного регулирования основных типологических ситуаций замены наказания;

(б) второй (институциональный), связанный с эпохой действия Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года, в течение которого замена наказания получила статус полноценного уголовно-правового института, структурно обособленного в системе уголовно-правовых предписаний общей части уголовного права;

(в) третий (постинституциональный), начавшийся с советских уголовных законов и включающий современность, в рамках которого нормы о замене наказания разрозненно предусматриваются в трех отдельных уголовно-правовых институтах (наказания, освобождения от наказания и преступлений против правосудия);

- нормативные предписания, регламентирующие вопросы замены наказания, в истории уголовного права формировались под ощутимым и системным влиянием конкуренции теорий целей уголовного наказания, принципов уголовного права и уголовно-правовых школ:

(а) до начала XX века господство абсолютной теории наказания требовало в качестве условия необходимого возмездия полного исполнения назначенного судом наказания, что обеспечивалось на основе принципов формального равенства и законности системой правил замены наказания, гарантирующих его обязательную и полную исполнимость, которые стали возможными благодаря теоретической работе представителей классической школы уголовного права по сопоставлению объема кары в наказаниях различного вида;

(б) с начала XX века распространение под влиянием социологической школы уголовного права относительных теорий наказания, требующих исправления виновных как условия легитимации самого уголовного наказания, способствовало, исходя из принципов гуманизма и справедливости, разработке таких правил замены наказания, которые обеспечивали ступенчатое изменение объема и вида правоограничений, назначенных судом, в процессе исполнения наказания;

- основные тенденции развития института замены наказания заключались:

(а) в обособлении правил замены наказания в качестве самостоятельного участка уголовно-правового регулирования, качественно отличающегося от индивидуализации наказания в процессе его назначения и индивидуализации исправительного воздействия на осужденного в рамках прогрессивной системы исполнения наказания;

(б) в структурной кристаллизации трех типовых ситуаций замены наказания: в связи с негативным поведением осужденного, уклоняющегося от наказания, в связи с позитивной динамикой исправления осужденного, в связи с объективными и не зависящими от поведения осужденного

обстоятельствами, делающими невозможным исполнение назначенного судом наказания;

(в) в изначальной заданности и сохраняющейся стабильности правил замены наказания более строгим видом в ситуации уклонения от исполнения назначенной по приговору меры (что уходило корнями в представления о незыблемости судебного решения и авторитете суда), и в достаточно позднем формировании, значительной вариативности и изменчивости правил о замене наказания более мягким видом в процессе его исполнения (что связано с поздним и противоречивым формированием теории уголовно-правового исправления виновного лица).

§ 2. Конституционно-правовые основания института замены наказания

Важным условием эффективности уголовного законодательства и практики его применения на современном этапе развития правовой системы выступает полноценное и последовательное воплощение в них конституционных стандартов регулирования уголовно-правовых отношений. Процесс конституционного преобразования законодательства содержательно не ограничивается сферой противодействия преступлениям. Он является универсальным, всеохватывающим и получил в науке наименование «конституционализация права»¹. В последнее время этот процесс привлекают все большее внимание отраслевых специалистов. Однако, насколько можно судить по анализу литературных источников, внимание это ограничивается, по преимуществу, общими и постановочными работами². Они, вне сомнений, задают ценную теоретическую рамку понимания и исследования темы. Но при этом нуждаются в дальнейшей конкретизации и более детальной, предметной

¹ Красс В.И. Конституционализация права: основы теории. М.: Норма, Инфра-М, 2017; Конституционализация российского права в учении академика О.Е. Кутафина / рук. авт. кол. и отв. ред. В.В. Комарова. М.: Норма, 2023.

² Антипов С.А. Конституционные основы Общей части уголовного права. М.: Проспект, 2012; Елинский А.В. Проблемы уголовного права в конституционном измерении. М.: Юрлитинформ, 2012; Гузеева О.С. Проблемы теории конституционализации уголовного права. М.: Проспект, 2021.

проработке проблем конституционализации отдельных уголовно-правовых норм и институтов¹.

Институт замены наказания в данном случае не является исключением. Как и любой уголовно-правовой институт он опирается на определенные конституционные положения, которые легитимируют само существование института и определяют основные параметры его содержания². При этом уже в первом приближении к конституционно-правовой характеристике института замены наказания следует подчеркнуть его явно выраженные межотраслевые аспекты. Ориентируясь лишь на наименование рассматриваемого правового институт, можно утверждать, что в его рамках сосредотачивается и пересекается множество проблем, связанных с уголовно-правовыми основаниями замены и эквивалентностью наказаний, с уголовно-исполнительной характеристикой поведения осужденного и деятельностью органов и учреждений исполнения наказаний, с уголовно-процессуальной практикой работы судов и иных органов в части принятия решений о замене наказаний. Решение этого большого комплекса межотраслевых вопросов должно быть не просто системным образом согласовано между собой. В каждом из отраслевых аспектов оно должно быть согласовано с конституционными стандартами, и что особенно важно, должно иметь общую конституционную платформу собственно межотраслевого согласования. Это методологическое требование – конституционализация отдельных отраслевых компонентов и конституционализация их межотраслевого согласования – выступает одним из наиболее важных в познании конституционных основ института замены наказания. Только при его надлежащем соблюдении

¹ Конституционным основам института замены наказания отчасти посвящено только две специальные публикации в отечественной литературе: Елинский А.В. Отдельные вопросы освобождения от уголовной ответственности и от наказания в решениях Конституционного суда России // Следователь. 2010. № 20. С. 8–13; Освобождение от уголовного наказания: закон, теория, практика / под ред. Ю.Е. Пудовочкина. М.: Юрлитинформ, 2023. С. 145–151.

² См. подробнее об этом: Зелюка П.А. Конституционные основания уголовно-правового института замены наказания // Уголовная политика и правоприменительная практика, 31 октября 2025 г. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Санкт-Петербург, 31 октября 2025 г. / Сост. Е.Н. Рахманова, Н.Ю. Филатова. СПб: Северо-Западный филиал ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия имени В.М. Лебедева», 2026. С. 296–307.

рассматриваемый институт получит необходимое конституционное обоснование, а следовательно, и основу для развития. «Социальный конструкт, не обусловленный (не означенный) конституционными смыслами и ценностями, - правильно отмечает В.И. Крусс, - не может претендовать на статус (номинацию) права»¹.

Кроме этого, необходимо специальным образом подчеркнуть, что конституционное обоснование института замены наказания выступает необходимым условием правильной теоретической интерпретации его правовой природы, что в свою очередь, предопределяет основные подходы к толкованию правовых норм, их оценке и определению перспектив возможной оптимизации.

Приступая к непосредственному анализу конституционных оснований института замены наказания, стоит определить логическую программу такого исследования. Как известно, замена может приводить к смягчению или ужесточения наказания, которое отбывает осужденное лицо на основании состоявшегося приговора суда; при этом вопросы такой замены также решаются исключительно судом, либо постановившим приговор, либо находящимся по месту отбывания наказания. Общим моментом является судебное рассмотрение вопроса об исполнении приговора, который уже вступил в силу, и потенциально возможном изменении его требований. Такой взгляд задает определенный порядок исследования проблем конституционализации института замены наказания. Представляется целесообразным вначале рассмотреть вопросы, связанные собственно с формальным «пересмотром» судебного приговора, а затем – с содержательным изменением наказания в худшую или лучшую для осужденного сторону.

Вопросы замены наказания в более жесткую или более мягкую сторону решаются в соответствии с требованиями главы 47 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ), то есть в

¹ Крусс В.И. Конституционализация права: основы теории. М.: Норма, Инфра-М, 2017. С. 13.

порядке исполнения приговора. Деятельность суда в этой части крайне неоднозначно интерпретируется в научной литературе. Не углубляясь в детали анализа, обратим внимание на нескольких принципиально важных исходных моментах, вокруг которых давно ведутся активные дебаты.

Прежде всего, необходимо определить свое отношение к вопросу о том, является ли деятельность суда по разрешению проблем, возникающих в связи исполнением приговора, стадией уголовного процесса или отдельным видом уголовного судопроизводства.

Наиболее популярным и устойчивым (поддержанным по итогам проведенного анкетирования 78% опрошенных специалистов) является мнение о том, что в силу исторической логики развития российского права (а именно в силу поздней отраслевой институционализации уголовно-исполнительного законодательства) «исполнение приговора заняло устойчивое место в структуре уголовного процесса, став его полноценной стадией, пусть и обладающей существенными особенностями»¹. Судебная деятельность, пишет М.К. Свиридов, в одних случаях значительная, в других небольшая, направленная на успешное исполнение приговора, продолжает уголовный процесс, являясь его составной структурной частью – стадией исполнения приговора².

Наряду с этим, в литературе давно аргументирована конкурирующая позиция, которая исходит из того, что производство по рассмотрению и разрешению вопросов исполнения приговора, которому свойственны автономность от производства по уголовному делу, наличие специфических целей и задач, собственный предмет судебного рассмотрения, самостоятельные нормативная регламентация и судебная процедура, является особым производством в уголовном процессе (такой взгляд разделяют 20%

¹ Курс уголовного процесса / под ред. Л.В. Головки. 2-е изд., испр. М.: Статут, 2017. С. 1201. См. также, например: Тулянский Д.В. Стадия исполнения приговора в уголовном судопроизводстве: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2004; Камардина А.А. Исполнение приговора как стадия уголовного судопроизводства // Вестник Оренбургского государственного университета. 2010. № 3 (109). С. 64–66.

² Свиридов М.К. Отраслевая принадлежность норм, регулирующих судебную деятельность по исполнению приговора // Вестник Томского государственного университета. Право. 2020. № 36. С. 83–91.

респондентов из числа опрошенных специалистов в области теории и практики применения уголовного закона)¹. С.В. Бурмагин пишет об «отпочковании» судебно-исполнительного производства от основного производства по уголовному делу и их параллельном сосуществовании. «Единожды порожденное уголовным делом иное судебное производство обособляется от него и продолжает самостоятельную “процессуальную жизнь” вне зависимости от хода и результатов основного производства»².

Промежуточной (отчасти компромиссной) можно признать позицию юристов, которые пытаются объединить две представленные точки зрения, отталкиваясь, прежде всего, от содержания вопросов, разрешаемых судом в порядке ст. 397 УПК РФ. Сформулировавший ее А.В. Грищенко (оставим без критического анализа вопрос использованной им при этом терминологии) пишет, что в структуре института исполнения приговора следует выделить два момента – обращение приговора к исполнению и разрешение вопросов, связанных с его исполнением. Отсюда, в структуре уголовно-исполнительного производства необходимо, по его мнению, выделить два основных этапа: стадию исполнения приговора, которая начинается с момента вступления решения суда по уголовному делу в законную силу и заканчивается в момент начала фактического отбывания осужденным назначенного наказания (здесь разрешаются неясности, связанные с исполнением приговора), и особое производство по рассмотрению и разрешению вопросов, связанных с исполнением приговора (здесь разрешаются вопросы замены наказания)³.

¹ Пожалуй, первым эту мысль целостно обосновал В.В. Николюк в своей докторской диссертации (Николюк В.В. Уголовно-исполнительное судопроизводство в СССР: дисс. ... д-ра юрид. наук. М., 1990). Последним на момент подготовки настоящей работы крупным исследованием, в котором эта идея получила развитие, является докторская диссертация его ученицы (Пупышева Л.А. Производство по рассмотрению и разрешению вопросов, связанных с исполнением приговора, в системе уголовного процесса: автореф. дисс. ... д-ра юрид. наук. Омск, 2022). См. также их совместные публикации, например: Николюк В.В., Пупышева В.В. Исполнение приговора в системе уголовного процесса: процессуальная стадия или особое судебное производство? // Российское правосудие. 2021. № 1. С. 97–106.

² Бурмагин С.В. Судебные производства в уголовном процессе: понятие и виды // Государство и право. 2019. № 2. С. 155. Аналогично мнение Ю.К. Якимович, см.: Якимович Ю.К. Доказательства и доказывание в уголовном процессе России. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2015. С. 72; Сумин А.А. Стадия исполнения приговора не должна присутствовать в системе стадий уголовного судопроизводства // Вестник экономической безопасности. 2019. № 1. С. 79–81.

³ Грищенко А.В. Институт исполнения приговора в уголовном судопроизводстве: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Владимир, 2006. С. 6.

Отнесение исполнения приговора к стадии процесса или особому производству не является исключительной проблемой теории уголовно-процессуального права. По своей значимости этот вопрос восходит к пониманию конституционных основ и самой судебной деятельности в части решения проблем исполнения приговора, и воплощающегося в ней института замены уголовного наказания.

Дело в том, что прямое признание исполнения приговора продолжением уголовного процесса с необходимостью ставит вопрос о том, не является ли замена наказания в стадии исполнения приговора вмешательством в сам приговор, его изменением. Пленум Верховного Суда Российской Федерации подчеркнул, что с учетом положений ст. 397 и ст. 399 УПК РФ суд разрешает вопросы, которые не затрагивают существо приговора¹. Этот тезис является бесспорным. Л.В. Головкин, признавая стадийную природу характер исполнения приговора, вместе с тем прямо утверждает, что ни один из вопросов, разрешаемых в порядке ст. 397 УПК РФ, не может касаться законности, обоснованности и справедливости постановленного приговора как акта правосудия, поскольку для этого предусмотрены иные процессуальные механизмы (пересмотр уголовных дел в кассационном или надзорном порядках; возобновление уголовных дел ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств)².

Хотя такое понимание стадии исполнения приговора является наиболее распространенным в теории, реалии законодательства и практики все же свидетельствуют о том, что в процессе замены наказания мера воздействия, определенная приговором суда, существенным образом корректируется. Опрос показал, что 90% специалистов закономерно не считают замены наказания вмешательством в приговор, хотя 5% респондентов высказали противоположную точку зрения. В связи с этим возникает сложный вопрос

¹ Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 20.12.2011 № 21 «О практике применения судами законодательства об исполнении приговора» // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2012. № 3

² Курс уголовного процесса / под ред. Л.В. Головкин. 2-е изд., испр. М.: Статут, 2017. С. 1210.

согласования фактической корректировки наказания с теоретическим постулатом неизменности приговора.

Оригинальный, но как представляется, опасный с теоретической и конституционной точки зрения подход к решению проблемы был предложен М.К. Свиридовым. Он отмечал, что поскольку наказание как составная часть приговора носит характер индивидуального криминологического прогнозирования, оно в реальности может и должно корректироваться в связи с новыми обстоятельствами, появление которых делает невозможным или нецелесообразным исполнение наказания в прежнем виде. При этом автор подчеркивал, что корректировка последнего требуется не в связи с ошибочностью его решения о наказании, а вследствие особого – прогностического – характера самого решения¹. Любое исправление, произведенное судом после вступления приговора в законную силу, - пишет М.К. Свиридов в своей более поздней работе, изменяет приговор и лишает силы предыдущее судебное решение. Такое понимание сути судебной деятельности на этапе исполнения приговора в концепции М.К. Свиридова является дополнительным аргументом в пользу признания ее стадийного характера. «Судебная деятельность по разрешенному судом уголовному делу не прекращается, а продолжается в виде тех изменений, которые осуществляет суд в судебной исполнительской деятельности. ... Решение об изменении, оставляя неизменными и имеющими силу части приговора о преступлении и виновности, заменяет собой имеющееся в приговоре решение о наказании, становится частью приговора... Поэтому судебную деятельность по изменению приговора в ходе его исполнения надлежит считать продолжением правосудия по основному уголовному делу»².

В этих рассуждениях, на наш взгляд, содержится весьма спорный тезис о том, что вступление приговора в законную силу не исключает возможности

¹ Свиридов М.К. Сущность и предмет стадии исполнения приговора. Томск: Изд. Томск. ун-та, 1978. С. 17–19, 27.

² Свиридов М.К. Отраслевая принадлежность норм, регулирующих судебную деятельность по исполнению приговора // Вестник Томского государственного университета. Право. 2020. № 36. С. 85–87.

его последующей корректировки в ординарной стадии исполнения приговора. Это теоретическое решение ставит под сомнение конституционные стандарты и требования стабильности судебных актов.

Конституционный Суд Российской Федерации неоднократно обращался к вопросу о стабильности решений суда, отталкиваясь, в том числе от понимания принципа *res judicata* в практике Европейского Суда по правам человека, который подчеркивал, что в рамках концепции верховенства права принцип правовой определенности среди прочего требует, чтобы в случаях вынесения судами окончательного решения по делу это решение не ставилось бы под сомнение¹. В знаковых своих постановлениях² Конституционный Суд Российской Федерации указывал:

¹ Наиболее цитируемы в данном случае: Постановление ЕСПЧ от 18.11.2004. Дело «Праведная (Pravednaya) против Российской Федерации» (жалоба № 69529/01) // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2005. № 5; Постановление ЕСПЧ от 18.01.2007. Дело «Булгакова (Bulgakova) против Российской Федерации» (жалоба № 69524/01) // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2007. № 10; Постановление ЕСПЧ от 24.05.2007. Дело «Радчиков (Radchikov) против Российской Федерации» (жалоба № 65582/01) // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2007. № 10; Постановление ЕСПЧ от 23.07.2009. Дело «Сутяжник (Sutyazhnik) против Российской Федерации» (жалоба № 8269/02) // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2010. № 3.

² См., в частности: Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 08.12.2003 № 18-П «По делу о проверке конституционности положений статей 125, 219, 227, 229, 236, 237, 239, 246, 254, 271, 378, 405 и 408, а также глав 35 и 39 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросами судов общей юрисдикции и жалобами граждан» // Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. 2004. № 1; Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 17.11.2005 № 11-П «По делу о проверке конституционности части 3 статьи 292 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами государственного учреждения культуры "Дом культуры им. октябрьской революции", открытого акционерного общества "Центронефтехимремстрой", гражданина А.А. Лысогора и Администрации Тульской области» // Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. 2006. № 1; Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 05.02.2007 № 2-П «По делу о проверке конституционности положений статей 16, 20, 112, 336, 376, 377, 380, 381, 382, 383, 387, 388 и 389 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом Кабинета Министров Республики Татарстан, жалобами открытых акционерных обществ "Нижнекамскнефтехим" и "Хакасэнерго", а также жалобами ряда граждан» // Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. 2007. № 3; Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 19.03.2010 № 7-П «По делу о проверке конституционности части второй статьи 397 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан И.В. Амосовой, Т.Т. Васильевой, К.Н. Жестковой и других» // Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. 2010. № 3; Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 12.10.2015 № 25-П «По делу о проверке конституционности пункта 5 части 1 статьи 150 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Д.А. Татарникова» // Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. 2015. № 6; Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 06.07.2018 № 29-П «По делу о проверке конституционности пункта 1 части 3 статьи 311 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой общества с ограниченной ответственностью "Альбатрос"» // Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. 2018. № 6; Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 16.01.2025 № 1-П «По делу о проверке конституционности статьи 390.14 и части третьей статьи 392 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан С.В. Вишнякова, Н.М. Волокитиной, М.З. Каримова и Н.Н. Наливайко» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2025. № 4. Ст. 277.

- Конституция России исходит из обязанности государства обеспечить каждому человеку рассмотрение его дела как минимум двумя судебными инстанциями. При этом право на судебную защиту подразумевает создание необходимых условий для эффективного и справедливого разбирательства дела именно в суде первой инстанции, где подлежат разрешению все существенные для определения прав и обязанностей сторон вопросы. Допущенные же судом первой инстанции ошибки должны исправляться судом второй инстанции в процедурах, наиболее приближенных к производству в суде первой инстанции.

- Право на справедливое разбирательство дела в разумный срок независимым и беспристрастным судом предполагает также окончательность и стабильность судебных актов, вступивших в законную силу, и их исполнение. Судебные решения, по общему правилу, должны оставаться окончательными. Суд не вправе пересматривать вступившее в законную силу постановление только в целях проведения повторного слушания и получения нового судебного постановления.

- При этом, однако непреодолимая (абсолютная) стабильность судебных решений, приоритетное признание их законной силы могут приводить к нарушению баланса конституционно признаваемых ценностей. Обстоятельствами существенного и непреодолимого характера может быть оправдано отступление от принципа правовой определенности. Изменение вступившего в силу судебного решения возможно лишь для исправления существенного (фундаментального) нарушения или ненадлежащего отправления правосудия, когда какое-либо новое или вновь открывшееся обстоятельство или обнаруженные фундаментальные нарушения неоспоримо свидетельствуют о судебной ошибке, без устранения которой компетентным судом была бы искажена сама суть правосудия.

- Поскольку вторжение в сферу действия принципа стабильности судебного решения, вступившего в законную силу, может повлечь существенное изменение правового положения сторон, уже определенного

таким решением, закрепление в законе экстраординарных, чрезвычайных по своему характеру способов обжалования вступивших в законную силу судебных постановлений требует установления специальной процедуры открытия соответствующего производства, ограниченного перечня оснований для отмены таких судебных постановлений, которые не могут совпадать с основаниями для отмены судебных постановлений в ординарном порядке, а также закрепления особых процессуальных гарантий для защиты как частных, так и публичных интересов от их необоснованной отмены.

Анализируя эти правовые позиции, специалисты справедливо указывают на то, что требование стабильности судебного акта, будучи элементом принципа правовой определенности, означает в контексте уголовного судопроизводства незыблемость и устойчивость приговора, вступившего в законную силу, недопустимость его произвольного, в ординарном порядке измерения и защиту от неисполнения судебного решения, что в конечном итоге обеспечивает высокий авторитет суда, определенность процессуального статуса участников судопроизводства, соблюдение интересов общества¹.

Неизменность приговора и возможность его корректировки только в экстраординарном порядке, подтвержденная правовыми позициями Конституционного Суда Российской Федерации, блокируют ценность представленных ранее идей М.К. Свиридова о возможности «изменения» или «замены» части приговора в порядке разрешения вопросов, связанных с его исполнением. Такая теория, как полагаем, не проходит проверку на конституционность и не может стать основой для последующего раскрытия темы замены наказания.

¹ См. об этом: Ковтун Н.Н., Зорин А.А. Принцип правовой определенности в системе правовых позиций и итоговых выводов Конституционного Суда РФ // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 5: Юриспруденция. 2015. № 3 (28). С. 145; Дербышева Е.А. О соотношении принципа правовой определенности и *res judicata* // Правовое государство: теория и практика. 2016. № 4 (46). С. 62; Алексеева Т.М. Реализация принципа правовой определенности в уголовном судопроизводстве // Вестник Московского университета. Серия 11: Право. 2014. № 6. С. 75–76; Алексеева Т.М. Правовая определенность судебных решений в уголовном судопроизводстве: понятие, значение и пределы: дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2015. С. 17–19; Сидоренко М.В. Свойство *res judicata* как отражение правовой определенности окончательных актов суда // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2016. № 1 (31). С. 74–76.

Иная теоретическая конструкция, призванная обосновать стадийную природу исполнения приговора с принципом стабильности судебного акта, была предложена В.И. Качаловым. Согласно логике разработанной им концепции, вопросы наказания исключаются из объема вопросов, разрешение которых составляет «существо приговора». В.И. Качалов пишет: «Система процессуальных действий, осуществляемых судом, позволяет корректировать вступивший в законную силу приговор либо иное итоговое судебное решение по уголовному делу. При этом корректировка осуществляется для защиты нарушенных или оспариваемых прав, свобод либо правовых интересов заинтересованных лиц. В результате корректировки итоговых судебных решений суд не вмешивается в саму сущность вступившего в законную силу итогового судебного решения»¹. И далее: «Корректировке при исполнении приговора подлежат только те вопросы, которые вытекают из порядка исполнения наказания, а также из порядка отбывания наказания осужденным. Это обусловлено тем, что приговор уже вступил в законную силу. Поэтому любое вмешательство, которое не связано с порядком исполнения наказания, может считаться вмешательством в сущность приговора». При этом, по мнению автора, «возможность корректировки приговора заложена в самой правовой природе целей уголовного наказания»².

Понятие «существо приговора» (или «сущность приговора») не является нормативно установленным и не имеет однозначного восприятия в науке. Однако весьма спорной представляется вытекающая из рассуждений В.И. Качалова мысль о том, что вопросы наказания (его вид, размер, порядок исполнения) не относятся к существу приговора. УПК РФ и Верховный Суд Российской Федерации³ обращают особое внимание на необходимость

¹ Качалов В.И. О характере судебной деятельности на этапе исполнения приговора и иных итоговых судебных решений // Вестник экономической безопасности. 2016. № 5. С. 103.

² Качалов В.И. Способы корректировки судом приговора при его исполнении // Правовая парадигма. 2017. Т. 16, № 3. С. 107–108.

В системном виде позиция В.И. Качалова представлена в его докторской диссертации, см.: Качалов В.И. Производство по исполнению итоговых судебных решений в российском уголовном процессе: дисс. ... д-ра юрид. наук. М., 2017.

³ Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29.11.2016 № 55 «О судебном приговоре» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2017. № 1.

детального, тщательного разрешения всех связанных с наказанием вопросов непосредственно в тексте приговора. Полагаем, что они – квинтэссенция существа обвинительного приговора, смысл которого сводится не только к установлению факта преступления, причастности и виновности обвиняемого в нем лица, но и в определении того объема ответственности, который лицо должно понести в интересах восстановления справедливости¹. По этой причине корректировка наказания не может рассматриваться как деятельность, не затрагивающая существо приговора. О.В. Мичуриной была высказана мысль о том, что суд в порядке исполнения приговора вообще не возвращается к вопросу применения или неприменения к осужденному наказания². Однако и эта идея не вполне точно отражает реальность, и не способствует примирению стадияльной природы исполнения приговора и принципа стабильности судебного решения. Как правильно пишут В.В. Николук и В.В. Пупышева, вопросы применения к осужденному наказания – центральные вопросы судебных производств, предусмотренных главой 47 УПК РФ; многие принимаемые в этом производстве решения равнозначны новому приговору и влекут для осужденного серьезные правовые последствия³.

Таким образом, и эта теория, оправдывающая корректировку приговора в ординарных стадиях уголовного процесса тем, что такая корректировка, касаясь исключительно вопросов наказания, не затрагивает сущности приговора, не выглядит достаточно убедительной.

Все изложенное формирует убеждение о том, признание исполнения приговора стадией уголовного процесса создает неразрешимые с конституционной точки зрения сложности. Гораздо более убедительной и создающей большие возможности в конституционном согласовании

¹ Заметим, что Л.В. Головкин прямо относит вопросы наказания к разряду тех, разрешение которых определяет существо приговора, см.: Курс уголовного процесса / под ред. Л.В. Головкин. 2-е изд., испр. М.: Статут, 2017. С. 950

² Мичурина О.В. О месте стадии исполнения приговора в системе уголовного судопроизводства // Российская юстиция. 2017. № 10. С. 35.

³ Николук В.В., Пупышева В.В. Исполнение приговора в системе уголовного процесса: процессуальная стадия или особое судебное производство? // Российское правосудие. 2021. № 1. С. 98, 99.

стабильности приговора и изменения назначенного судом наказания выглядит в итоге позиция процессуалистов, усматривающих в деятельности суда по разрешению вопросов, возникающих в связи с исполнением наказания, не стадию процесса, а отдельный и самостоятельный вид уголовного судопроизводства¹.

Материально-правовой предпосылкой этого вида судопроизводства выступает не необходимость продолжения судебного процесса, завершившегося вынесением окончательного приговора, а потребность в судебной оценке новых обстоятельств, возникающих после вступления приговора в силу. На это прямо указал Конституционный Суд Российской Федерации, обсуждая вопросы условно-досрочного освобождения от наказания: «В системе действующего правового регулирования суд – исходя из требования правовой определенности, основанной на признании окончательности, неопровержимости, исключительности и общеобязательности вступившего в законную силу приговора (*res judicata*), – призван обеспечить лишь учет возникших в период исполнения приговора новых обстоятельств, не затрагивающих существо ранее принятого решения, но позволяющих скорректировать применяемое наказание»². Об учете и оценке в процессе замены наказания лишь тех обстоятельств, которые возникли после вступления приговора в законную силу, напоминает и Верховный Суд Российской Федерации³. Эта правовая позиция, как представляется, должна быть признана универсальной, относимой как к случаям замены наказания более мягким, так и более строгим. Конституционный Суд подчеркивает: разрешение судом вопроса о замене наказания не предполагает установление фактических обстоятельств

¹ См. подробнее: Зелюка П.А. Институт замены наказания в контексте уголовно-процессуальной характеристики исполнения приговора // Общество и право. 2025. № 4 (94). С. 49–54.

² Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 18.03.2014 № 5-П «По делу о проверке конституционности части второй.1 статьи 399 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом Кетовского районного суда Курганской области» // Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. 2014. № 3.

³ Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 21.04.2009 № 8 «О судебной практике условно-досрочного освобождения от отбывания наказания, замены неотбытой части наказания более мягким видом наказания» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2009. № 7.

совершенного преступления, оценку правильности применения уголовного закона и пересмотр существа приговора. Иное свидетельствовало бы о переоценке общественной опасности совершенного деяния, констатированной вступившим в законную силу приговором суда, назначившего наказание, а потому, по сути, о его ошибочности, что приводило бы к нарушению принципа стабильности и общеобязательности судебных решений, а также подменяло бы собой закрепленный уголовно-процессуальным законом порядок рассмотрения судом уголовного дела по существу и последующей проверки постановленных им и вступивших в законную силу решений судами кассационной и надзорной инстанций¹.

Именно новый предмет оценки во многом и гарантирует тот факт, что приговор и состоявшаяся в нем официальная оценка произошедшего преступного события и виновного в преступлении лица остается неизменной. Это неизменность приговора, его независимость от того, как разрешались вопросы, связанные с заменой наказания в процессе его исполнения, находит отражение и подтверждение во всех значимых с правовой точки зрения ситуациях.

Например, в ситуации погашения судимости. Пленум Верховного Суда Российской Федерации специально обратил внимание, что в случае, когда осужденному к лишению свободы часть наказания будет заменена более мягким, сроки погашения судимости исчисляются в соответствии с законом, исходя из категории преступления, за совершение которого было назначено наказание в виде лишения свободы (п. «в», «г», «д» ч. 3 ст. 86 УК РФ), а не исходя из особенностей замененного более мягкого наказания (п. «б» ч. 3 ст. 86 УК РФ). И наоборот, если исходя из назначенного по приговору суда реального более мягкого, чем лишение свободы, наказания и категории преступления судимость в отношении лица должна погашаться в соответствии

¹ Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 17.01.2013 № 2-О «По запросу Курганского областного суда о проверке конституционности положений статей 50, 80 Уголовного кодекса Российской Федерации и статей 396, 397 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. 2013. № 4.

с п. «б» ч. 3 ст. 86 УК РФ, то замена в порядке исполнения приговора назначенного наказания или неотбытой его части лишением свободы не влияет на порядок исчисления срока погашения судимости, установленный указанной нормой¹. Еще одним примером неизменности оценки, выраженной в приговоре, может служить ситуация с определением вида рецидива. Как известно, согласно п. «б» ч. 2 ст. 18 УК РФ, рецидив признается опасным при совершении лицом тяжкого преступления, если ранее оно было осуждено за тяжкое или особо тяжкое преступление к реальному лишению свободы. Закон подчеркивает важность именно осуждения к лишению свободы в приговоре суда. В связи с чем нельзя признать наличие опасного рецидива в случае, если тяжкое преступление совершает лицо, которое ранее отбывало лишение свободы, назначенное постановлением суда в порядке замены исправительных работ (ч. 4 ст. 50 УК РФ)². О неизменности оценки и решения, выраженных в приговоре, служит и тот факт, что при замене наказания в виде принудительных работ лишением свободы вид исправительного учреждения назначается не произвольно, а именно тот, что был определен по приговору суда³.

Таким образом, окончательность приговора суда, его неизменность и принципиальная неизменяемость в период исполнения выступают важным свидетельством того, что уголовный процесс, завершившийся вступлением приговора в силу, действительно, завершился. Возникающие в процессе исполнения приговора вопросы разрешаются в отдельном производстве, на основании новых юридических фактов, исходя из самостоятельности предмета разбирательства и процедуры доказывания.

¹ Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 07.06.2022 № 14 «О практике применения судами при рассмотрении уголовных дел законодательства, регламентирующего исчисление срока погашения и порядок снятия судимости» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2022. № 8.

² Кассационное определение Верховного Суда Российской Федерации от 16.11.2009 № 88-о09-30

³ Обобщение судебной практики по уголовным делам Седьмого кассационного суда общей юрисдикции за II полугодие 2024 года. Утверждено постановлением президиума Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 10.03.2025 № 5 (Дело № 77-3964/2024).

Этот тезис необходимо дополнить двумя принципиальными характеристиками процессуальной составляющей института замены наказания:

- во-первых, в соответствующем виде судопроизводства (уголовно-исполнительном) осуществляется судебный контроль за исполнением приговора¹;

- во-вторых, этот контроль выступает особой формой осуществления правосудия², в том числе в силу прямого указания высшей судебной инстанции, которая прямо признала, что «рассмотрение и разрешение вопросов, связанных с исполнением приговора, осуществляется в форме правосудия»³.

¹ Традиционный подход к пониманию судебного контроля ограничивает его сферу исключительно досудебными стадиями уголовного процесса (Азаров В.А., Таричко И.Ю. Функция судебного контроля в истории, теории и практике уголовного процесса России. Омск: Ом. университет, 2004). Однако в литературе обоснована и иная точка зрения, признающая именно контролирующие функции суда на этапе исполнения приговора (см.: Муратова Н.Г. Система судебного контроля в уголовном судопроизводстве: вопросы теории, законодательного регулирования и практики: автореф. дисс. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2004; Давыдова И.А. Судебный контроль за исполнением уголовных наказаний: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Рязань, 2005).

² Вопрос о том, как соотносятся понятия «правосудие» и «судебный контроль» относится к разряду дискуссионных. Некоторые авторы вовсе не считают судебный контроль проявлением правосудия, поскольку признают за правосудием лишь деятельность по разрешению уголовного дела по существу в судах первой и проверочных инстанций (Перлов И.Д. Исполнение приговора в советском уголовном процессе. М.: Юридическая литература, 1963; Химичева О.В. Концептуальные основы процессуального контроля и надзора на досудебных стадиях уголовного судопроизводства: автореф. дисс. ... д-ра юрид. наук. М., 2004. С. 35). В тоже время В.В. Николюк пишет, что «традиционное, классическое понимание правосудия как той части деятельности суда, которая направлена лишь на рассмотрение и разрешение дела по существу, т.е. решение вопросов виновности и наказания, уже не отражает действительного, реального содержания роли и значения судебной власти в уголовном судопроизводстве» (Николюк В.В. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 20 декабря 2011 г. № 21 «О практике применения судами законодательства об исполнении приговора» // Уголовное право. 2012. № 3. С. 95). Этой точки зрения придерживаются исследователи, которые видят в судебном контроле форму (Лебедев В.М. Судебная защита свободы и личной неприкосновенности граждан на предварительном следствии: учебное пособие. М.: Рос. акад. правосудия, 2001. С. 8) или элемент правосудия (Петрухин И.Л. Прокурорский надзор и судебный контроль за следствием // Российская юстиция. 1998. № 9. С. 13), либо усматривают в судебном контроле деятельность по созданию условий для осуществления правосудия (Азаров В.А., Иванов В.И. О соотношении понятий «судопроизводство», «судебный контроль», «правосудие» // Научный вестник Омской академии МВД России. 2009. № 2 (33). С. 7–13). В рамках этого подхода некоторые юристы вовсе отождествляют понятия «правосудие» и «судебный контроль» (Ковтун Н.Н. Судебный контроль в уголовном судопроизводстве России: понятие, сущность, формы: автореф. дисс. ... д-ра юрид. наук. Нижний Новгород, 2002. С. 10). При этом применительно к нашей теме исследования дискуссия многократно осложняется тем отмеченным выше обстоятельством, что соотношение природы контроля и правосудия разрешается в большинстве работ без разрешения вопроса о том, распространяется ли судебный контроль на сферу исполнения приговора.

³ Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 20.12.2011 № 21 «О практике применения судами законодательства об исполнении приговора» // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2012. № 3.

Четко и недвусмысленно эти положения обобщил В.И. Качалов, когда указал, что «осуществляя правосудие в стадии исполнения итоговых судебных решений, суд делает это посредством судебного контроля»¹.

Акцентированное внимание на процессуальных (и на первый взгляд, выходящих за пределы предмета исследования) аспектах функционирования института замены наказания напрямую связано с выявлением конституционных оснований этой правоприменительной деятельности, а через них – необходимо для правильного понимания его материально-правовой природы.

Исходя из проведенного анализа, можно утверждать, что:

- в процессе исполнения приговора (прежде всего, в части исполнения уголовного наказания) объективно возникает ряд вопросов, непосредственно затрагивающих права человека и правомочия государства, которые в правовом государстве могут быть разрешены только судом посредством осуществления правосудия;

- для разрешения этих вопросов существует процедура судебного контроля за исполнением уголовных наказаний – осуществляемая после постановки приговора деятельность суда, направленная, с одной стороны, на обеспечение исполнения уголовных наказаний в соответствии с вынесенным приговором, с другой – на недопущение незаконного ограничения прав граждан со стороны учреждений и органов, исполняющих наказания;

- имея собственный предмет рассмотрения, самостоятельный круг субъектов, цели, процедуру и предмет доказывания, судебный контроль не затрагивает приговор и разрешенные в нем вопросы; в процессе замены наказания не происходит изменения или корректировки приговора в силу требований конституционного принципа *res judicata*, означающего недопустимость изменения в ординарных процедурах окончательного и вступившего в силу судебного акта;

¹ Качалов В.И. О характере судебной деятельности на этапе исполнения приговора и иных итоговых судебных решений // Вестник экономической безопасности. 2016. № 5. С. 103.

- определенные приговором суда взаимные права и обязанности субъектов конкретного уголовно-правового отношения, возникшего в связи с фактом совершения преступления, с одной стороны, должны быть в полной мере реализованы, с другой стороны, не застрахованы от коррективов под влиянием внешних обстоятельств, однако корректировка этих прав и обязанностей осуществляется в рамках единой возникшего и существующего уголовно-правового отношения, так как замена наказаний не приводит к замене правоотношений;

- смысл замены наказаний в том, чтобы права участников уголовно-правового отношения, зафиксированные в приговоре, были реализованы максимально полно и эффективно.

В уголовно-правовом смысле последние тезисы принципиально важны. В науке была аргументирована мысль о том, что в процессе замены наказания заменяется само уголовно-правовое отношение. М.К. Свиридов писал: «Приговор, фиксируя определенное уголовно-правовое отношение, не исключает возможности замены его новым в процессе реализации наказания, если окажется, что установленное приговором отношение уже не способствует в максимальной степени достижению целей наказания. ... Возникновение юридического факта – изменения степени общественной опасности осужденного – впоследствии, уже в ходе реализации приговора, и требует появления нового уголовного правоотношения. Поэтому изменение уголовно-правового отношения (по существу, замена его новым, поскольку в целом изменяется его содержание), осуществляемое в ходе реализации наказания, уже не охватывается приговором. После изменения приговор суда уже не может выступать в полной мере как критерий поведения субъектов уголовно-правового отношения. Критерием дальнейшего поведения органа исполнения наказания и осужденного, поведения, соответствующего новому, «переросшему» старый уровень состояния общественной опасности осужденного, должны служить теперь приговор плюс иное решение,

создающее уже новое содержание уголовно-правовых отношений и изменяющее, точнее, заменяющее в этой части приговор»¹.

Такая позиция представляется ошибочной и не соответствующей уголовно-правой теории. С момента совершения преступления и до момента погашения или снятия судимости по приговору за его совершение существует только одно уголовно-правовое отношение. Оно не заменяется новым, параллельно с ним не возникает никакого иного правоотношения, какие бы решения суд не принимал. Права и обязанности лица, совершившего преступление, и государства фиксируются в приговоре раз и навсегда. И вся последующая деятельность суда – судебный контроль – направлена как раз на то, чтобы эти права и обязанности (особенно обязанности, поскольку речь идет об уголовно-правовом отношении) были надлежащим образом воплощены в конкретном поведении участников правоотношения. Отклонения от стандартов поведения тут, разумеется, возможны. Но отношение к ним со стороны государства определяется характером самих отклонений – будь то уклонение от исполнения наказания или опережающий процесс исправления виновного. Реакция на такие отклонения не является исправлением ранее возникшего и продолжающего существовать уголовно-правового отношения. Она – суть принуждение к исполнению возникших обязанностей или удовлетворение прав субъектов этого отношения.

Последующий анализ конституционных оснований института замены наказания требует представления и общего понимания содержания уголовно-правовых отношений. Этот вопрос в целом хорошо исследован отечественной наукой, в том числе с точки зрения конституционных предпосылок формирования содержания правоотношений². Это избавляет нас от

¹ Свиридов М.К. Сущность и предмет стадии исполнения приговора. Томск: Изд. Томск. ун-та, 1978. С. 56.

² См. об этом, например: Пудовочкин Ю.Е. Содержание уголовно-правовых отношений в решениях Конституционного Суда Российской Федерации // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2008. № 2. С. 9–16; Гузеева О.С. Статус лица, совершившего преступление, в уголовно-правовых отношениях // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2020. № 4. С. 93–98; Гузеева О.С. Права и обязанности государства как участника уголовно-правового отношения // Legal Bulletin. 2023. Т. 8, № 4. С. 76–93; Ларина Л.Ю. Государство как субъект уголовно-правовых отношений // Юридическая наука. 2017. № 3. С. 130–134; Куфлева В.Н.

необходимости специального анализа проблемы. А потому, оставляя в стороне некоторые специальные вопросы темы, констатируем в качестве общепризнанного следующее положение: «Содержание охранительного уголовно-правового отношения определяется комплексом прав и обязанностей, которыми уголовный закон наделяет субъектов отношения в связи с реализацией уголовной ответственности. Государство ... имеет право (и обязано) в установленном законом порядке привлечь лицо, совершившее преступление, к уголовной ответственности и подвергнуть виновного предусмотренному уголовным законом наказанию ... Лицо, совершившее преступление, обязано понести уголовную ответственность и имеет право подвергнуться мерам уголовно-правового характера на основании и в пределах, предусмотренных уголовным законом»¹.

В интересующем нас аспекте не будет большим упрощением проблемы признать, что право государства на применение мер воздействия к виновному и корреспондирующая ему обязанность виновного лица претерпеть эти меры воздействия, с одной стороны, и с другой стороны, - право лица, совершившего преступление, требовать соблюдения конституционных стандартов и пределов уголовно-правового принуждения, и корреспондирующая ему обязанность государства обеспечить соблюдение этих пределов, - выступают основными, смыслообразующими элементами уголовно-правового отношения.

Именно на полноценное воплощение этих прав и обязанностей и ориентирован институт замены наказания. В теоретико-правовом отношении замена наказания необходима, когда возникает потребность реагировать на внешние обстоятельства, ставящие под угрозу права и обязанности участников уголовно-правового отношения, индивидуально определенные во вступившем

Обязанности лица, совершившего преступление, в рамках уголовно-правовых отношений // Алтайский юридический вестник. 2025. № 4. С. 167–175; Куфлева В.Н. Права лица, совершившего преступление, в рамках уголовно-правовых отношений // Научный вестник Омской академии МВД России. 2025. № 4. С. 414–419.

¹ Российское уголовное право Общая часть. Учебник для вузов / под ред. В.П. Коняхина, М.Л. Прохоровой. М.: Контракт, 2014. С. 9–10.

в силу приговоре суда. А потому в структурном и содержательном отношении институт замены наказания четко коррелирует с выделенным содержанием уголовно-правового отношения. Одна его часть обеспечивает право государства на принуждение и обязанность виновного ему подвергнуться, другая – гарантирует право осужденного требовать соблюдения пределов принуждения.

Исторически наиболее ранней, генетически соответствующей природе отрасли уголовного права, выступает обязанность виновного лица претерпеть назначенные ему по приговору суда меры ответственности. Об этом писали классики советского уголовного права¹, подтверждают эту мысль современные авторы².

Эта материально-правовая обязанность находится в коррелирующей связи со свойствами обязательности и исполнимости судебного приговора. Обязательность приговора непосредственно зафиксирована в ст. 392 УПК РФ, согласно которой вступившие в законную силу приговор, определение, постановление суда обязательны для всех органов государственной власти, органов местного самоуправления, общественных объединений, должностных лиц, других физических и юридических лиц и подлежат неукоснительному исполнению на всей территории России. Исполнимость приговора укрепляет его обязательность и является ее продолжением. Как пишет В.Н. Бибило, «В основе исполнимости приговора лежит заинтересованность в том, чтобы все его решения были исполнены. Отсутствие данного свойства приговора и ограничение только его обязательностью свидетельствовали бы о том, что суд не обладает принудительной силой по отношению к тем, кто осуществляет фактическое исполнение приговора, и судебная защита оказалась бы просто

¹ См.: Загородников Н.И. О содержании уголовно-правовых отношений // Советское государство и право. 1963. № 11. С. 87; Огурцов Н.А. Правоотношения и ответственность в советском уголовном праве. Рязань: Рязанская высшая школа МВД СССР, 1975. С. 114.

² Лопашенко Н.А. Введение в уголовное право. М.: Волтерс Клувер, 2009. С. 7.

формальной, иллюзорной, в то время как легитимное правосудие предполагает реальную судебную защиту прав и законных интересов сторон»¹.

Конституционный Суд Российской Федерации возвел эти положения в разряд важнейших принципов правосудия. Он указал, в частности: справедливое правосудие, осуществляемое независимым, беспристрастным и компетентным судом, созданным на основании закона, предполагает обязательность и исполнимость судебных решений, что связано с требованием правовой определенности. Эти общие принципы распространяются на все виды судопроизводства – конституционное, гражданское, административное и уголовное и являются для них едиными, вне зависимости от природы и особенностей материальных правоотношений, определяющих предмет рассмотрения в каждом виде судопроизводства, в рамках которого граждане реализуют конституционное право на судебную защиту².

Только полное и своевременное исполнение окончательного судебного решения обеспечивает подлинную стабильность правового регулирования, реализацию прав и обязанностей, определенных вступившим в законную силу приговором, определением или постановлением суда³. А потому, если лицо, в отношении которого вынесен приговор, уклоняется от того, чтобы быть подвергнутым его требованиям, необходимы определенные меры принуждения. «Установление ответственности за неисполнение обязанности претерпеть меры уголовно-правового принуждения дополнительно подтверждает и наличие самой этой обязанности, и корреспондирует правовым предписаниям о силе, авторитете и общеобязательности судебного решения» - верно пишет В.Н. Куфлева⁴.

¹ Бибило В.Н. Свойства судебного приговора как проявление легитимации правосудия // Журнал Белорусского государственного университета. Право. 2017. № 3. С. 79–80.

² Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 21.12.2011 № 30-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 90 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой граждан В.Д. Власенко и Е.А. Власенко» // Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. 2012. № 1.

³ Дикарев И.С. Исполнимость судебных решений в уголовном процессе // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2014. № 3 (30). С. 81.

⁴ Куфлева В.Н. Лицо, совершившее преступление, и проблемы теории уголовно-правового регулирования. М.: Юрлитинформ, 2025. С. 134–135.

В рамках института замены наказания исполнимость судебного приговора обеспечивается нормативными предписаниями, устанавливающими основания и порядок замены назначенного судом наказания иным видом, в случае уклонения осужденного от отбывания наказания.

В практике конституционного судопроизводства относительно немного решений, в которых обсуждался бы вопрос о конституционности эти положений уголовного закона (в любом случае по этим вопросам не вынесено ни одного постановления, и все решения представляют собой так называемые отказные определения). Однако некоторые принципиальные позиции Конституционным Судом Российской Федерации все же высказаны. Прежде всего, суд констатировал, что:

- Федеральный законодатель вправе предусмотреть в уголовном законе как возможность назначения лицу, признанному виновным в совершении преступления, наказания, так и возможность его замены – в случае нарушения осужденным установленных законом требований к его отбыванию – иным наказанием. Формулируя правила замены наказания в случае уклонения от его отбывания, законодатель не выходит за пределы своих полномочий¹.

- Замена установленного приговором суда наказания при уклонении от его отбывания иным наказанием не является поворотом к худшему, не допускает ни назначения нового наказания за преступление, за которое лицо ранее было осуждено, ни назначения самостоятельного наказания за не являющееся преступлением уклонение от отбывания наказания, – она лишь предусматривает замену назначенного по приговору суда и не исполняемого осужденным наказания его эквивалентом, исполнение которого может быть осуществлено принудительно².

¹ Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 16.02.2006 № 62-О «Об отказе в принятии к рассмотрению запроса Северского городского суда Томской области о проверке конституционности части четвертой статьи 50 Уголовного кодекса Российской Федерации». URL: <https://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision15084.pdf> (дата обращения: 2.08.2025).

² Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 25.01.2018 № 219-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Латухина Максима Константиновича на нарушение его конституционных прав частью пятой статьи 46 Уголовного кодекса Российской Федерации, статьей 32

- Злостное уклонение от исполнения назначенного по приговору суда наказания явно свидетельствует о невозможности достижения закрепленных ч. 2 ст. 43 УК РФ целей наказания – восстановления социальной справедливости, исправления осужденного и предупреждения совершения новых преступлений. Замена наказания направлена на достижение целей наказания и позволяет учесть законодательную оценку общественной опасности деяний, за которые лицо осуждено¹.

Анализ приведенных правовых позиций свидетельствует, что институт замены наказания в рассматриваемой части формируется вокруг одного из важнейших компонентов содержания уголовно-правового отношения – права государства применить меры уголовно-правового принуждения и обязанности виновного подвергнуться этим мерам. Замена наказания соответствующими предписаниями позиционирована в качестве обеспечительных мер, гарантирующих непоколебимость этого права государства (такой тезис признали справедливым подавляющее большинство – 95% – опрошенных при проведении исследования специалистов в области уголовного права). Она имеет прочное конституционное обоснование, восходит к предписаниям принципа законности и правовой определенности, получает межотраслевую поддержку со стороны принципов уголовного процесса. В своем содержании замена назначенного судом наказания в случае уклонения от его отбывания на иное, реально исполнимое наказание, не выходит за пределы конституционно установленных возможностей государства, не нарушает права осужденных

Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации и статьей 103 Федерального закона «Об исполнительном производстве». URL: <https://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision315982.pdf> (дата обращения: 2.08.2025); Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 25.09.2014 № 1990-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Ширинкина Олега Олеговича на нарушение его конституционных прав частью пятой статьи 46 Уголовного кодекса Российской Федерации». URL: <https://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision176584.pdf> (дата обращения: 2.08.2025).

¹ Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 17.07.2014 № 1794-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Мировского Алексея Викторовича на нарушение его конституционных прав частью пятой статьи 46 Уголовного кодекса Российской Федерации». URL: <https://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision173930.pdf> (дата обращения: 2.08.2025); Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 25.09.2014 № 2178-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Чеванина Николая Андреевича на нарушение его конституционных прав частью пятой статьи 46 Уголовного кодекса Российской Федерации». URL: <https://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision177666.pdf> (дата обращения: 2.08.2025).

лиц, но напротив, гарантирует соблюдение прав и обязанностей участников уголовно-правового отношения.

Аналогичный по форме алгоритм обеспечения прав участников уголовно-правового отношения срабатывает и при конституционно-правовом анализе той части института замены наказания, которая определяет основания и порядок его смягчения. Давно можно считать доказанным тот факт, что содержание уголовно-правового отношения не ограничивается лишь описанной выше связью государства и виновного лица. Оно включает в себя, помимо прочего, связи, формирующиеся вокруг и на основе права осужденного просить о смягчении наказания.

Это право – одно из немногих прав осужденных, которые прямо и непосредственно закреплено на самом высоком, конституционном уровне. В ч. 3 ст. 50 Конституции Российской Федерации определено, что «каждый осужденный за преступление имеет право на пересмотр приговора вышестоящим судом в порядке, установленном федеральным законом, а также право просить о помиловании или смягчении наказания». Это право получило и международное признание. В ч. 2 ст. 7 Конвенции СНГ о правах и основных свободах человека также сказано: «Каждый осужденный имеет право в соответствии с законом на пересмотр приговора суда вышестоящей судебной инстанцией, а также просить о помиловании или смягчении наказания»¹.

Обращаясь к толкованию ч. 3 ст. 50 Конституции России, Конституционный Суд Российской Федерации подчеркнул, что право каждого осужденного за преступление просить о смягчении наказания является непосредственным выражением конституционных принципов уважения

¹ Конвенция Содружества Независимых Государств о правах и основных свободах человека (заключена в Минске 26.05.1995) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1999. № 13. Ст. 1489.

В тоже время стоит заметить, что Международный Пакт о гражданских и политических правах в ч. 4 ст. 6 гарантирует это право только лицам, осужденным к смертной казни (см.: Международный пакт о гражданских и политических правах (Принят 16.12.1966 Резолюцией 2200 (XXI) на 1496-ом пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 1994. № 12. С. 5–11), а некоторые международные документы позиционируют смягчение наказания как акт доброй воли государства, не связывая его с правом осужденного просить о смягчении наказания.

достоинства личности, гуманизма, справедливости и законности¹. Данное право, гарантирующее осужденному возможность смягчения его участи вплоть до полного снятия всех ограничений в правах и свободах, которые установлены для него обвинительным приговором, принадлежит каждому осужденному независимо от того, за совершение какого преступления он был осужден, какое наказание ему назначено и каковы условия его исполнения. Наличие этого права у осужденного (как участника уголовно-правового отношения) предполагает корреспондирующую обязанность государства (как второго участника отношения) урегулировать процессуальный порядок рассмотрения такой просьбы. Реализуя эту обязанность, федеральный законодатель в нормах уголовного, уголовно-процессуального и уголовно-исполнительного законодательства должен установить конкретные условия, при которых каждый из предусмотренных законом видов смягчения наказания может применяться и при которых, соответственно, может быть реализовано право осужденного просить о смягчении наказания².

В этих рассуждениях Конституционного Суда Российской Федерации важны, как минимум, три обстоятельства.

Во-первых, право просить о смягчении наказания (как самостоятельное, наполненное особым конституционным смыслом) принадлежит именно осужденному. Подчеркнем – не лицу, совершившему преступление, не обвиняемому или подсудимому, а именно осужденному. Иными словами, оно возникает только на определенном этапе развития уголовно-правового отношения – после вступления обвинительного приговора суда в силу. До этого момента любые просьбы о смягчении наказания или освобождении от ответственности или наказания могут рассматриваться в контексте действия

¹ Этот тезис дословно воспроизвел Верховный Суд Российской Федерации, см.: Обзор судебной практики условно-досрочного освобождения от отбывания наказания (утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 29.04.2014) // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2014. № 8.

² Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 26.11.2002 № 16-П «По делу о проверке конституционности положений статей 77.1, 77.2, частей первой и десятой статьи 175 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации и статьи 363 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданина А.А. Кизимова» // Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. 2003. № 1.

общего, конституционного принципа гуманизма, но не как составная часть инфраструктуры конституционного права личности.

Во-вторых, важно отметить, что Конституция Российской Федерации не предоставляет осужденному как такового права на смягчение наказания. Ему принадлежит право лишь просить о смягчении наказания. Соответственно, смягчение наказания осужденному лицу не является обязанностью государства, оно обязано лишь создать условия, при которых осужденный смог бы просить о смягчении наказания и при которых эта просьба было бы рассмотрена по существу. Кроме того, государство обязано предусмотреть основания, при наличии которых просьба осужденного о смягчении наказания могла бы быть удовлетворена.

В-третьих, что особенно важно с практической точки зрения, право просить о смягчении наказания принадлежит самому осужденному, а потому именно ему, в первую очередь, должна быть обеспечена возможность воспользоваться этим правом и обратиться непосредственно, лично в суд с соответствующим ходатайством. Этот аспект понимания права на смягчение наказания имеет большую законодательную историю. Как известно, в свое время Конституционный Суд Российской Федерации признал не соответствующими положения ранее действовавшей ч. 1 ст. 363 УПК РСФСР, согласно которой правом ходатайствовать об условно-досрочном освобождении от наказания обладала только администрация исправительного учреждения, в котором осужденный отбывал наказание¹. Соответствующее право обратиться с ходатайством об условно-досрочном освобождении было, в строгом соответствии с ч. 3 ст. 50 Конституции Российской Федерации, распространено решением Конституционного Суда Российской Федерации на осужденное лицо. В 2005 году, уже в период действия современного УПК РФ, Конституционный Суд Российской Федерации подтвердил, что эта

¹ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 26.11.2002 № 16-П «По делу о проверке конституционности положений статей 77.1, 77.2, частей первой и десятой статьи 175 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации и статьи 363 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданина А.А. Кизимова» // Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. 2003. № 1.

сформулированная им правовая позиция имеет общее значение, и распространяется не только на решение вопросов, связанных с условно-досрочным освобождением от наказания, но и с заменой наказания более мягким видом. А потому ч. 1 ст. 399 УПК РФ в ее первоначальной редакции (по буквальному смыслу которой правом ходатайствовать о замене наказания более мягким видом могла только администрация исправительного учреждения) не исключала, по мнению Конституционного Суда Российской Федерации, возможности самому осужденному обращаться в суд с ходатайством о замене неотбытой части наказания более мягким видом наказания¹. Итогом этого принципиально важного конституционного истолкования норм УПК РФ и ст. 50 Конституции Российской Федерации стало существенное реформирование положений ст. 399 УПК РФ² и корреспондирующих им предписаний Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации (далее – УИК РФ), по итогам которых право обратиться в суд с ходатайством о смягчении наказания было процессуально закреплено непосредственно за самим осужденным лицом³.

Обращаясь к общей характеристике права просить о смягчении наказания, высшие суды России сформулировали еще несколько важных тезисов методологического характера:

1) Действующее правовое регулирование, обеспечивая осуществление права каждого осужденного за преступление просить о смягчении назначенного ему наказания, в то же время служит вытекающему из конституционных начал гуманизма и справедливости принципу экономии уголовной репрессии, предполагающему применение лишь необходимых и

¹ Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 20.10.2005 № 388-О «По жалобе гражданина Елисеева Алексея Юрьевича на нарушение его конституционных прав пунктами 2 и 5 части первой статьи 399 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и частью третьей статьи 175 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации» // Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. 2006. № 2.

² Федеральный закон от 01.12.2012 № 208-ФЗ «О внесении изменений в статьи 78 и 175 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации и статью 399 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2012. № 49. Ст. 6753.

³ См. об этом также: Курганов С.И. Теория и практика освобождения от наказания в свете решений Конституционного Суда Российской Федерации // Российское правосудие. 2010. № 7 (51). С. 77–80.

достаточных для достижения ее целей принудительных мер уголовно-правового реагирования¹;

2) Факт конституционного закрепления права просить о смягчении наказания свидетельствует о его особой значимости для лиц, отбывающих наказание. Объективно для них возможность смягчения наказания является одним из важнейших жизненных интересов. Соответственно, отступление от принципов справедливости и равенства в реализации этой возможности является существенным посягательством на конституционно-правовой статус личности²;

3) Право осужденных просить о смягчении наказания, гарантированное ч. 3 ст. 50 Конституции России, не может быть ограничено какими-либо обстоятельствами (в том числе связанными с распространением новой коронавирусной инфекции³).

Именно право осужденного просить о смягчении назначенного судом наказания генетически порождает необходимость создания уголовно-правовых предписаний, регламентирующих вопросы замены наказания более мягким видом. Соответствующие предписания обеспечивают данное право, создают инструменты для его реализации, свидетельствуют о степени исполнения государством своей конституционной обязанности создать условия для надлежащей реализации конституционных прав граждан (эти суждения нашли поддержку у 87% опрошенных при проведении исследования специалистов в области уголовного права).

¹ Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 17.01.2013 № 2-О «По запросу Курганского областного суда о проверке конституционности положений статей 50, 80 Уголовного кодекса Российской Федерации и статей 396, 397 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. 2013. № 4.

² Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 24.02.2022 № 8-П «По делу о проверке конституционности части седьмой статьи 53.1 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина В.Н. Егорова» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2022. № 10. Ст. 1595.

³ Обзор по отдельным вопросам судебной практики, связанным с применением законодательства и мер по противодействию распространению на территории Российской Федерации новой коронавирусной инфекции (COVID-19) № 2 (утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 30.04.2020) // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2020. № 6.

Обобщая позицию Конституционного Суда Российской Федерации на этот счет можно сказать: к числу мер, обеспечивающих осуществление права каждого осужденного за преступление просить о смягчении назначенного ему наказания, а также вытекающего из конституционных начал гуманизма и справедливости принципа экономии уголовной репрессии, предполагающего применение лишь необходимых и достаточных для достижения ее целей принудительных мер уголовно-правового реагирования, федеральный законодатель отнес возможность замены осужденному неотбытой им части наказания более мягким видом.

Нормативные предписания о замене наказания более мягким видом наказания (в виду их широкой востребованности на практике) неоднократно становились предметом обжалования в Конституционном Суде Российской Федерации, который в своих решениях сформулировал несколько важных правовых позиций:

- Конституционные предписания требуют соблюдения дифференцированного и при этом недискриминационного подхода к определению в уголовном и уголовно-исполнительном законодательстве оснований и условий замены одного наказания другим. Правовое регулирование института замены одного наказания другим должно отвечать требованиям справедливости, равенства и гуманизма, не может приводить к различиям в правах осужденных, относящихся к одной категории, и тем более к умалению самого права просить о смягчении наказания¹.

- Непосредственно из Конституции Российской Федерации не вытекает обязанность законодателя закреплять в уголовном законе одинаковые критерии замены неотбытой части наказания более мягким видом для всех лиц, отбывающих наказание в виде лишения свободы, без учета категории и характера совершенного осужденным преступления. Формулируя положения

¹ Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 17.01.2013 № 2-О «По запросу Курганского областного суда о проверке конституционности положений статей 50, 80 Уголовного кодекса Российской Федерации и статей 396, 397 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. 2013. № 4.

ч. 2 ст. 80 УК РФ так, что при замене неотбытой части наказания более мягким видом принимаются во внимание личность осужденного, отбытый срок наказания, дифференцируемый как в зависимости от тяжести совершенного деяния, так и с учетом повышенной общественной опасности отдельных посягательств, федеральный законодатель не вышел за пределы своих полномочий¹.

- Законодатель обладает широкой свободой усмотрения при установлении оснований освобождения от уголовного наказания, потому правила закона, определяющие строго определенные виды наказаний, часть отбывания которых может быть заменена более мягким видом наказания, не могут быть признаны неконституционными и ущемляющими права осужденных лиц². Среди прочего, непосредственно из Конституции Российской Федерации не вытекает обязанность законодателя закреплять в уголовном законе положения, предусматривающие возможность замены пожизненного лишения свободы более мягким видом наказания³. Формулируя ст. 80 УК РФ с учетом как характера преступлений, за совершение которых устанавливается наказание в виде пожизненного лишения свободы, так и личности виновных, которым назначается такая мера наказания, законодатель не вышел за пределы своих полномочий⁴.

¹ Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 29.11.2024 № 3009-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Лемдясова Дмитрия Владимировича на нарушение его конституционных прав частью второй статьи 80 Уголовного кодекса Российской Федерации». URL: <https://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision802429.pdf> (дата обращения: 9.08.2025); Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 28.02.2023 № 463-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Стерлигова Ильи Владимировича на нарушение его конституционных прав частью второй статьи 80 Уголовного кодекса Российской Федерации». URL: <https://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision668908.pdf> (дата обращения: 9.08.2025).

² Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 31.10.2023 № 2735-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Золотаревой Марии Владимировны на нарушение ее конституционных прав статьями 79, 80, 93 и 95 Уголовного кодекса Российской Федерации». URL: <https://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision718151.pdf> (дата обращения: 9.08.2025).

³ Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 20.07.2023 № 1837-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Байдина Андрея Александровича на нарушение его конституционных прав статьей 80 Уголовного кодекса Российской Федерации». URL: <https://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision707819.pdf> (дата обращения: 9.08.2025); Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 27.06.2023 № 1735-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Крымшамхалова Юсуфа Ибрагимовича на нарушение его конституционных прав статьей 80 Уголовного кодекса Российской Федерации». URL: <https://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision695222.pdf> (дата обращения: 9.08.2025).

⁴ Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 27.03.2025 № 627-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Клепчи Николая Алексеевича на нарушение его

- При замене неотбытой части наказания суд может избрать любой более мягкий вид наказания в соответствии с видами наказаний, указанными в ст. 44 УК РФ, в пределах ею предусмотренных для каждого вида наказания, при этом избранное в порядке замены наказание может и не входить в установленный ст. 79 УК РФ перечень наказаний, от отбывания которых осужденный может условно-досрочно освобожден. Это положение не ограничивает право осужденных обращаться с ходатайствами о помиловании, не препятствует и применению предусмотренных законодательством иных оснований для освобождения от наказания¹.

- Основанием, предопределяющим возможность замены неотбытой части наказания более мягким его видом, является поведение осужденного в период отбывания наказания, подлежащее всесторонней судебной оценке в совокупности с другими данными, характеризующими его личность. При разрешении соответствующего вопроса судом оцениваются позитивные изменения в поведении осужденного, свидетельствующие о возможности смягчения уголовной репрессии до необходимого и достаточного минимума принудительных мер, обеспечивающих достижение целей наказания. В связи с чем суд должен учитывать поведение осужденного, его отношение к учебе и труду в течение всего периода отбывания наказания, его отношение к совершенному деянию и то, что он частично или полностью возместил причиненный ущерб или иным образом загладил вред, причиненный в результате преступления. Принимаемое на основании этой нормы судебное решение должно быть законным, обоснованным и мотивированным, что предполагает исследование и оценку судом всех сообщаемых сведений и

конституционных прав частью второй статьи 57 и частью второй статьи 80 Уголовного кодекса Российской Федерации». URL: <https://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision827938.pdf> (дата обращения: 9.08.2025).

Заметим, что количество обращений, связанных с оценкой конституционности ст. 80 УК РФ в части отсутствия в ней предписаний о замене пожизненного лишения свободы более мягким видом наказания, исчисляется многими десятками.

¹ Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 28.09.2021 № 2099-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Ерехинского Ильи Николаевича на нарушение его конституционных прав пунктом «в» части третьей статьи 79 и частью второй статьи 80 Уголовного кодекса Российской Федерации». URL: <https://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision561046.pdf> (дата обращения: 9.08.2025).

представленных материалов. Не допускается отказ суда от рассмотрения и оценки всех доводов заявлений, ходатайств или жалоб участников уголовного судопроизводства, а также от мотивировки решений путем указания на конкретные, достаточные с точки зрения принципа разумности основания, по которым эти доводы отвергаются¹.

- Освобождение положительно характеризуемого осужденного от дальнейшего отбывания наказания путем замены его оставшейся части более мягким видом наказания аннулирует неотбытую часть прежнего наказания, в силу чего последующий возврат к ее исполнению ввиду нарушения осужденным предусмотренных законом требований к отбыванию нового наказания становится невозможным. С принятием в соответствии со ст. 80 УК РФ постановления о замене неотбытой части наказания более мягким видом наказания отбывание назначенного по приговору наказания прекращается, а исполнению подлежит избранное в порядке замены наказание².

- Поскольку исполнение «заменяющего» наказания становится самостоятельным правовым процессом, не связанным с исполнением ранее назначенного по приговору суда наказания, то столь же самостоятельными становятся и вопросы, возникающие в процессе исполнения этого нового наказания. В связи с этим не существует конституционных или иных препятствий для замены уже замененного наказания иным, более мягким

¹ Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 27.02.2024 № 271-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Крылова Романа Александровича на нарушение его конституционных прав частью второй статьи 43 и частью четвертой статьи 80 Уголовного кодекса Российской Федерации, статьей 9 и частью третьей статьи 175 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации». URL: <https://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision743363.pdf> (дата обращения: 9.08.2025); Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 28.05.2020 № 130700 «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Елина Сергея Александровича на нарушение его конституционных прав статьей 80 Уголовного кодекса Российской Федерации и рядом положений Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации». URL: <https://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision475118.pdf> (дата обращения: 9.08.2025); Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 18.07.2019 № 1884-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Мухортова Сергея Евгеньевича на нарушение его конституционных прав частью четвертой статьи 80 Уголовного кодекса Российской Федерации». URL: <https://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision426220.pdf> (дата обращения: 9.08.2025).

² Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 17.01.2013 № 2-О «По запросу Курганского областного суда о проверке конституционности положений статей 50, 80 Уголовного кодекса Российской Федерации и статей 396, 397 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. 2013. № 4.

видом наказания¹. Вопрос же об ответственности осужденного за злостное уклонение от отбывания наказания, определенного судом в постановлении о замене назначенного судом наказания более мягким видом, также должен решаться в рамках правил, предусмотренных для данного вида наказания. В частности, замена принудительных работ на более строгое наказание не может признаваться отменой предыдущего судебного решения о замене лишения свободы на принудительные работы, поскольку является самостоятельным правовым институтом².

Приведенные позиции Конституционного Суда Российской Федерации вполне отчетливо выражают природу правовых предписаний, определяющих замену наказания более мягким видом. Таковые предписания, с одной стороны, являются ответом государства на конституционно закрепленное право осужденного просить о смягчении наказания, создают необходимую для реализации этого права нормативную инфраструктуру, а с другой стороны, они определяются свободным в конституционно заданных пределах усмотрением законодателя, который устанавливает основания и порядок замены наказания, руководствуясь публично-правовыми соображениями, связанными с необходимостью достижения целей наказания минимально достаточными для этого силами.

Обобщенная оценка конституционных оснований института замены наказания позволяет сформулировать несколько значимых для понимания его правовой сущности положений:

¹ Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 19.12.2019 № 3357-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Ткачева Дмитрия Сергеевича на нарушение его конституционных прав частями первой и третьей статьи 79, частями первой и второй статьи 80 Уголовного кодекса Российской Федерации, а также пунктом 2 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О судебной практике условно-досрочного освобождения от отбывания наказания, замены неотбытой части наказания более мягким видом наказания». URL: <https://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision451035.pdf> (дата обращения: 9.08.2025).

² Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 28.02.2023 № 227-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Аминова Андрея Владимировича на нарушение его конституционных прав частью второй статьи 80 Уголовного кодекса Российской Федерации и Федеральным законом «О внесении изменений в статьи 531 и 80 Уголовного кодекса Российской Федерации». URL: <https://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision672745.pdf> (дата обращения: 9.08.2025).

- исполнение приговора суда как деятельность государства, непосредственно затрагивающая права граждан, не может протекать вне судебного контроля; при этом имея собственный предмет рассмотрения, самостоятельный круг субъектов, цели, процедуру и предмет доказывания, судебный контроль исполнения приговора не затрагивает существо самого приговора и разрешенные в нем вопросы;

- осуществляемая по итогам судебного контроля замена наказания не является посягательством на принцип стабильности судебного решения; в процессе замены наказания не происходит изменения или корректировки приговора в силу требований конституционного принципа *res judicata*, означающего недопустимость изменения в ординарных процедурах окончательного и вступившего в силу судебного акта; напротив, институт замены наказания призван обеспечить требование исполнимости судебного решения;

- замена назначенного по приговору суда наказания иным (более строгим или более мягким) видом с материально-правовой точки зрения обосновывается необходимостью обеспечить полноценную реализацию установленных приговором суда прав и обязанностей осужденного и государства как участников уголовно-правового отношения;

- гарантированная реализация прав и обязанностей осужденного и государства и неизменность установленных в приговоре суда их содержания и взаимосвязи являются компонентом принципа правовой определенности, требующего сохранения стабильности статуса участников правоотношения;

- замена определенного по приговору суда наказания в случае уклонения от его отбывания более строгим видом призвана гарантировать неоспоримое и конституционно значимое право государства привлечь виновное лицо к уголовной ответственности и реализовать в отношении него комплекс предусмотренных уголовным законом правоограничений в целях восстановления справедливости, исправления осужденного и предупреждения новых преступлений;

- замена наказания, установленного в приговоре, на более мягкий вид призвана гарантировать непосредственно закрепленное на конституционном уровне право осужденного просить о смягчении наказания до минимального уровня, позволяющего эффективно достичь цели наказания;

- безусловная исполнимость приговора, в том числе за счет процедуры замены неисполняемого менее строгого наказания более строгим исполняемым наказанием, отчетливо коррелирует с требованиями формальной законности; тогда как замена наказания в процессе его исполнения более мягким, призванная в содержательной части гарантировать достижения целей наказания минимальными правоограничениями, отчетливо коррелирует с требованиями принципа гуманизма; в своей совокупности эти два направления замены наказания обеспечивают справедливость уголовно-правового регулирования.

Глава 2.**ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ
ЗАМЕНЫ НАКАЗАНИЯ****§ 1. Юридическая природа уголовно-правовых предписаний
о замене наказания**

Уголовный кодекс России содержит множество предписаний, так или иначе связанных с вопросами замены наказания. Само слово «замена» в далеко не одинаковом контексте встречается в тексте закона более 30 раз. При этом в юридико-техническом отношении законодатель не посчитал необходимым их систематизировать или свести в единую главу кодекса. Уже только это обстоятельство определяет сложность теоретического анализа предписаний о замене наказания и дискуссионность любых попыток их обобщенного доктринального осмысления. Между тем, правильное понимание правовой природы этих предписаний является неременным условием не только адекватного восприятия их места, роли и значения в системе уголовного права, но также безошибочного толкования и применения в судебной практике.

При том, что в научных источниках тема замены наказания представлена достаточно широко, утверждать о том, что ее анализ устойчиво оперирует какими-либо концептуальными построениями, не приходится. Едва ли не каждый пишущий по теме, сколь бы узкой или широкой она не была, стремится обосновать свой оригинальный взгляд на природу вещей, по большей части, игнорируя связь авторских построений с разработками иных специалистов, а самое главное – игнорируя связь собственного понимания природы норм о замене наказаний с доктринальным и нормативным представлением о механизме уголовно-правового регулирования в целом. Следствием этого выступает неполнота и противоречивость большей части представленных в литературе позиций.

Это, однако, нисколько не предполагает возможности их игнорирования, скорее напротив, требует внимательного типологического анализа имеющейся научной информации, каталогизации и структурирования наличного знания. Детальный науковедческий анализ позволяет не просто оценить качество научной разработанности темы, он дает возможность организовать научный дискурс по теме и уже на его основе, преодолевая несогласованности и упущения имеющихся теоретических наработок, представить такой вариант понимания природы норм о замене наказания, который мог бы стать основой для компромиссных решений, органично вписываясь в общую теорию уголовного права. Тем более, что такой типологический анализ в современных источниках не представлен.

Приступая к восполнению отмеченного пробела, укажем, прежде всего, на два устойчиво сложившихся направления анализа темы. Первое заключается в строгом следовании тексту и структуре уголовного закона, в соответствии с которыми вопросы замены наказания более мягким видом и замены наказания более строгим видом рассматриваются дискретно, как не связанные друг с другом. Второе направление исходит из содержательной и логической связи этих участков правового регулирования и стремится представить обобщенный взгляд на природу соответствующих нормативных предписаний. В профессиональном сознании каждое из них представлено в равной степени широко. Опрос экспертов из числа научных работников и правоприменителей, проведенный при подготовке исследования, показал, что 45% из них не считают возможным объединять в рамки одного института замены наказания более мягким и более строгим, настаивая на различиях в их правовой природе; в то время как 43% опрошенных высказывают прямо противоположное суждение.

Уже только один этот факт заставляет уделить отдельное внимание каждому из представленных направлений.

Дискретный анализ нормативных предписаний о замене наказания закономерно приводит юристов к выводу о принципиальных различиях в

природе положений закона, которыми регулируются замена наказания на более мягкое или более строгое.

Так, замена неотбытой части наказания более мягким видом наказания, регламентированная ст. 80 УК РФ, позиционируется как составная часть института освобождения от наказания, закрепленного в Главе 12 УК РФ, который и предопределяет правовую природу образующих его предписаний. При этом специалисты, последовательно и оправданно различая освобождение от наказания и освобождение от отбывания наказания¹, позиционируют замену неотбытой части наказания в качестве составного элемента последнего института, подчеркивая, что такое освобождение не предполагает полного освобождения от отбывания наказания, но лишь частичное, что это освобождение является безусловным и окончательным².

Разумеется, такой взгляд возможен; более того, он непосредственно определен структурой уголовного закона. Вместе с тем, с точки зрения правовой сущности замены наказания он весьма убедительно критикуется в доктрине. Замена неотбытой части наказания более мягким видом не освобождает осужденного от исполнения назначенного наказания, а лишь заменяет вид исполняемого наказания. Кроме того, у виновного на весь период отбывания наказания (в том числе смягченного) и после него сохраняется судимость, в то время как лица, освобожденные от наказания, признаются не имеющими судимости. Предельно четко по этому поводу высказался И.Э. Звечаровский. Замена наказания, – пишет он, – ни в каком своем проявлении (на более мягкий или более строгий вид) не может выступать разновидностью освобождения от отбывания наказания. «С освобождением от отбывания наказания осужденный условно или безусловно, но полностью прекращает испытывать лишения и правоограничения, составляющие содержание

¹ Яковлева Л.В. Институт освобождения от наказания в российском праве: автореф. дисс. ... д-ра юрид. наук. М., 2003. С. 19–20.

² Михайлов К.В. Уголовно–правовой институт освобождения от наказания. М.: Юрлитинформ, 2008. С. 12–34; Благов Е.В. Освобождение от наказания (традиции, реалии, перспективы). М.: Юрлитинформ, 2023. С. 97; Андрианов В.К. Освобождение от наказания и динамика уголовных правоотношений // Российское правосудие. 2024. № 5. С. 84–91.

уголовного наказания, от отбывания которого он освобожден. При замене наказания, которая по российскому уголовному законодательству может быть только безусловной, такие лишения и правоограничения в меньшем (при замене на более мягкое наказание) или большем (при замене на более строгое наказание) объеме всегда сохраняются и присущи они заменяющему наказанию»¹. Эти обстоятельства, свидетельствуя о принципиальных различиях в правовом статусе лица, освобожденного от отбывания наказания, и лица, которому наказание было заменено более мягким видом, указывают одновременно на качественно иную правовую природу замены наказания, которая не может входить в систему освобождения от отбывания наказания и позиционироваться как часть института освобождения от наказания².

Столь же критично можно оценить и результаты дискретного определения правовой природы замены наказания на более строгий вид. Оставляя на данном этапе исследования в стороне предложения о самостоятельной криминализации уклонения от любого вида наказания в предписаниях Особенной части уголовного закона³, обратимся к итогам теоретического осмысления соответствующих предписаний как компонента Общей части уголовного права. Внимательный анализ позволяет выявить тут два концептуально несовпадающих решения при том, что оба они отталкиваются от одной общей точки. Таковой выступает понимание уклонения от отбывания (исполнения) наказания в качестве деяния, содержащего все признаки состава посткриминального правонарушения⁴. Некоторые исследователи, признавая такое нарушение одним из видов юридических фактов в уголовном праве, указывают, что оно выступает

¹ Звечаровский И.Э. Освобождение от ответственности и наказания в уголовном праве России // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2018. № 12 (52). С. 87.

² Дуюнов В.К. Уголовно-правовое воздействие: теория и практика. М.: Научная книга, 2003. С. 386; Коробов П. Освобождение от наказания: теория и практика // Уголовное право. 2007. № 1. С. 34; Алиев А.А. Замена наказания – вид освобождения от отбывания наказания? // Образование. Наука. Научные кадры. 2018. № 3. С. 68–70.

³ См. об этом, например: Коняхин В.П. Теоретические вопросы построения Общей части российского уголовного права. СПб.: Юридический центр Пресс, 2002. С. 109.

⁴ Сабитов Р.А. Посткриминальное поведение (понятие, регулирование, последствия). Томск: Томский государственный университет, 1985. С. 10

основанием посткриминальной ответственности, формой реализации которой как раз является замена наказания более строгим видом наказания¹. Однако, поскольку эта «ответственность» устанавливается нормами уголовного права, логично сделать вывод о том, что, посткриминальная ответственность вместе с уголовной ответственностью признаются отдельными, самостоятельными видами ответственности в уголовном праве. Это возвращает теорию к давнему спору о количестве видов ответственности в уголовном праве², который действующим законодательством был решен однозначно и категорично: в рамках отрасли уголовного права может существовать только уголовная ответственность и никакая иная. Потому такой вариант определения природы замены наказания нельзя признать в полной мере удовлетворительным³. Возможно, учитывая это обстоятельство, иные исследователи, также признавая за уклонением от наказания значение юридического факта, пишут, что посткриминальная ответственность обладает свойством менять содержание собственно уголовной ответственности. При замене наказания более строгим «осуществляется коррекция уголовной ответственности», «последняя трансформируется на основе вновь возникшего юридического факта»⁴. Однако с теоретической и практической точки зрения сложно согласиться с тем, что мера ответственности за самостоятельное

¹ Абдуллин Э.М. Замена наказания в уголовном праве России (юридическая природа, виды, характеристика): дисс. ... канд. юрид. наук. Ульяновск, 2008. С. 9, 61.

² Тарбагаев А.Н. Ответственность в уголовном праве // Известия вузов. Правоведение. 1994. № 3. С. 102–106.

³ Близко к изложенному и обоснование природы замены наказания, предложенное А.В. Жуковым. Он пишет, что «присутствие в уголовном законе правовых норм об изменении вида уголовного наказания в процессе его исполнения позволяет рассматривать замену наказания как правоотношение, субъектами которого являются отбывающее уголовное наказание лицо и государство в лице суда и исполняющего наказание учреждения или органа. Реализуя субъективные права и корреспондирующие им обязанности, составляющие содержание такого правоотношения, указанные субъекты вступают во взаимодействие по поводу изменения объема правоограничений, производимого в форме замены отбываемого наказания другим его видом. Трансформация вида наказания является, таким образом, объектом рассматриваемого правоотношения» (см.: Жуков А.В. Замена наказания в уголовном праве России: дисс. ... канд. юрид. наук. Самара, 2002. С. 22–23). Однако признание наличия в данном случае самостоятельного вида правоотношений с необходимостью ставит вопрос о том, как они соотносятся с предметом уголовного права и с теми правоотношениями, в рамках которых лицо уже отбывает наказание за совершенное им преступление. Ведь если это отдельный и самостоятельный, сосуществующий наряду с охранительными, вид правоотношений, то необходимо кардинально пересматривать общее учение о предмете и методе уголовного права, что едва ли можно считать оправданным.

⁴ Сафин Л.Р. Ответственность осужденных за злостное уклонение от наказаний, не связанных с изоляцией от общества в российском уголовном праве: дисс. ... канд. юрид. наук. Казань, 2004. С. 23, 25.

правонарушение может быть частью ответственности за преступление. В основе посткриминальной ответственности за уклонение от наказания расположены совершенно иные обстоятельства, не связанные с обстоятельствами совершения преступления, за которое лицо отбывает наказание. Следовательно, это нарушение не может изменить объем собственно уголовной ответственности за преступление. А потому и этот вариант обоснования природы предписаний о замене наказания не может быть признан приемлемым.

Как видим, попытки выявить правовую природу нормативных предписаний о замене наказания дискретным образом, во-первых, каждая в отдельности, приводят к весьма спорным с теоретической точки зрения результатам, во-вторых, даже вместе взятые, не создают единой концепции, что препятствует целостному пониманию роли и значения исследуемых предписаний в общей системе уголовно-правовых норм.

Гораздо более эффективны в данном случае попытки объяснить природу замены наказания в рамках второго из выделенных ранее направлений, предполагающего их комплексное, целостное восприятие.

Как бы странным это не показалось, но концепций соответствующего содержания не так много¹. Обзор литературы позволил установить лишь два заслуживающих внимания подхода: отталкивающийся от системного понимания категории «ответственность» в уголовном праве и основывающийся на категории «индивидуализация наказания».

В рамках каждого из этих подходов соответствующие наработки специалистов отчетливо распадаются на две группы, в зависимости от логики юридического анализа – индуктивной или дедуктивной.

Так, в работах, специально и предметно посвященных анализу института замены наказания, обсуждение вопроса о его природе осуществляется в русле индуктивной логики «от частного к общему». Хотя сосредоточенность на

¹ Наше мнение по этому вопросу было озвучено ранее, см.: Зелюка П.А. Правовая природа замены наказания // Юрислингвистика. 2026. № 39 (50). С. 44–48.

самом институте и прикладных аспектах его применения, по-видимому, мешает авторам выйти за пределы темы и оценить природу замены наказания с точки зрения механизма уголовно-правового регулирования в целом. В итоге, рассуждения о природе замены наказания в таких сочинениях зачастую неполны или поверхностны.

Этот их недостаток отчасти компенсируют исследования, в которых замена наказания рассматривается как иллюстрация, в контексте иной, общей темы. В данном случае дедуктивная логика («от общего к частному») позволяет в лучшей степени объяснить природу замены наказания. С той принципиальной особенностью, что такое понимание может быть признано удовлетворительным лишь при условии согласия с общими предпосылками анализа замены наказания, при условии согласия с предлагаемым вариантом интерпретации механизма действия уголовного права.

Общность результатов индуктивного и дедуктивного анализа правовой природы замены наказания в пределах этого первого их выделенных подходов состоит в том, что замена наказания рассматривается как часть содержания уголовной ответственности или часть процесса ее реализации. Опрос научных работников и представителей юридической практики в этой части подтверждает такой подход. 73% респондентов признают, что замена наказания более мягким или более строгим видом корректирует уголовную ответственность лица, совершившего преступление.

Исходной теоретической точкой в этом случае является, пожалуй, утверждение А.В. Наумова о том, что под уголовной ответственностью следует понимать все меры уголовно-правового воздействия, применяемые к лицу, совершившему преступление¹.

Опираясь на это суждение, Э.М. Абдуллин отмечает, что замена наказания — это «имеющая юридическое значение безусловная уголовно-правовая мера воздействия, применяемая в стадии исполнения правосудного

¹ Словарь по уголовному праву / отв. ред. А.В. Наумов. М.: БЕК, 1997. С. 348; Наумов А.В. Российское уголовное право. Общая часть. Курс лекций. 7-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2024. С. 445.

приговора и выражающаяся в изменении судом вида уголовного наказания, используемая для ускорения процесса исправления осужденного, достижения иных целей наказания и реализации задач уголовной политики»; замена наказания является «формой реализации уголовной ответственности»¹. Еще более категоричен А.В. Жуков. Он прямо пишет: «С точки зрения правовой природы (родовой принадлежности) замена наказания в процессе его отбывания должна быть отнесена к иным мерам уголовно правового характера, предусмотренным ч. 2 ст. 2 и ст. 7 УК а также ст. 7 УИК»². Несколько противоречивую позицию занимает Л.Р. Сафин, когда вначале оспаривает озвученный тезис А.В. Жукова, но впоследствии признает, что «замену наказания можно охарактеризовать как особую уголовно-правовую меру (средств) индивидуализация наказания (а, в конечном счете – уголовной ответственности) осужденного»³.

Как видим, многие специалисты приходят к мысли о том, что замена наказания – есть мера уголовно-правового характера. Такой тезис находит поддержку и среди юристов, посвятивших свои исследования непосредственно самим этим мерам. Причем, если С.И. Курганов, признавая основанием применения мер уголовно-правового характера исключительно правонарушающее поведение, предлагает причислять к ним, среди прочих, лишь замену наказания на более строгое⁴, то И.Э. Звечаровский включает в систему мер уголовно-правового характера все применяемые к лицам, совершившим преступление, меры, на всем протяжении развития уголовно-правового отношения, в том числе замену наказания более строгим и более мягким видом наказания⁵. Поддерживает его и весьма существенная часть

¹ Абдуллин Э.М. Замена наказания в уголовном праве России (юридическая природа, виды, характеристика): дисс. ... канд. юрид. наук. Ульяновск, 2008. С. 9, 39.

² Жуков А.В. Замена наказания в уголовном праве России: дисс. ... канд. юрид. наук. Самара, 2002. С. 32.

³ Сафин Л.Р. Ответственность осужденных за злостное уклонение от наказаний, не связанных с изоляцией от общества в российском уголовном праве: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Казань, 2004. С. 13, 25.

⁴ Курганов С. Меры уголовно-правового характера // Уголовное право. 2007. № 2. С. 59.

⁵ Звечаровский И.Э. Понятие мер уголовно-правового характера // Законность. 2007. № 1. С. 21. Эти предложения поддержаны и некоторым иными авторами. См.: Радаев А.Г. О категории «меры уголовно-правового характера» // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке: Материалы Восьмой Международ.

опрошенных при проведении исследования экспертов. Более 34% респондентов указали, что замена наказания может отнесена к мерам уголовно-правового характера.

Такой подход, при всей его внешней убедительности, должен быть оспорен, поскольку, как представляется, противоречит самой природе мер уголовно-правового характера. Сознавая то обстоятельство, что в современной науке нет общепризнанной теории таких мер и каждый исследователь стремится создать в этой части собственную оригинальную концепцию, позволим себе без дополнительных комментариев присоединиться к той группе авторов, представленных в том числе и представителями Кубанской научной школы, которые основанием применения мер уголовно-правового характера признают исключительно факт совершения преступления и воспринимают эти меры как правовое последствие его совершения¹.

С этой точки зрения замена наказания на более мягкий или более строгий виды не может претендовать на роль мер уголовно-правового характера, поскольку определяется не фактом совершения преступления и особенностями личности виновного, а исключительно теми обстоятельствами, которые возникли в процессе исполнения наказания. Судебная практика строго придерживается этого правила. Как указал Пленум Верховного Суда Российской Федерации применительно к ситуациям замены неотбытой части наказания более мягким видом, характер и степень общественной опасности совершенного осужденным преступления, в том числе его тяжесть и

науч.-практ. конф. (Москва, 27–28 января 2011 г.). М.: Проспект, 2011. С. 322.

¹ Российское уголовное право. Общая часть. Учебник для вузов / под ред. В.П. Коняхина, М.Л. Прохоровой. М.: Контракт, 2014. С. 311–314.

Позиция школы о сущности и содержании мер уголовно-правового характера отражена в ряде публикаций. См., например: Чугаев А.П., Куфлева В.Н. Уголовно-правовое воздействие и его соотношение с мерами уголовно-правового характера: законодательный аспект // Право. Законодательство. Личность. 2015. № 1 (20). С. 255–261; Коняхин В.П., Полтавец В.В. Система мер уголовно-правового характера: концептуальные основы построения // Актуальные проблемы уголовного права на современном этапе (вопросы дифференциации ответственности и законодательной техники). 2020. № 9. С. 38–45; Куфлева В.Н. Институт иных мер уголовно-правового характера: особенности применения и исполнения // Институциональные основы уголовного права РФ: к 70-летию юбилею профессора В.П. Коняхина: материалы Междунар. науч.-практ. конф. г. Краснодар, 1–2 февраля 2024 г. / отв. ред. Коняхин В.П. и Прохорова М.Л. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2024. С. 308–319.

последствия, не могут являться основаниями для отказа в удовлетворении соответствующего ходатайства или представления, поскольку они учтены судом в приговоре при назначении наказания осужденному¹. В этом отношении практика, хотя и допускает ошибки, но они последовательно корректируются вышестоящими судами².

Отличительная особенность мер уголовно-правового характера состоит в том, что они определяются именно преступлением, являются реакцией государства на этот юридический факт. В то время как замена назначенного наказания более строгим видом или более мягким видом – это механизм, который направлен не на само по себе урегулирование уголовно-правового отношения, а на обеспечение незыблемости того варианта его разрешения, который уже представлен в приговоре суда. В силу одного этого факта нельзя уравнивать правовую природу замены наказания с правовой природой мер уголовно-правового характера³.

Кроме того, стоит обратить внимание, что меры уголовно-правового характера, с точки зрения теории права, являют собой первичные средства уголовно-правового регулирования, они установлены законом, предоставлены правоприменителю для эффективного и оптимального определения содержания и объема уголовно-правовых последствий преступления в каждом конкретном случае. Из этих средств формируется, конструируется содержание ответственности. Замена же наказания – не есть средство регулирования само по себе. При замене одно и то же средство – наказание – меняет свою интенсивность в зависимости от особенностей постпреступного

¹ Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 21.04.2009 № 8 «О судебной практике условно-досрочного освобождения от отбывания наказания, замены неотбытой части наказания более мягким видом наказания» (п. 6) // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2009. № 7.

² Ивановский областной суд. Справка о результатах обобщения судебной практики рассмотрения ходатайств об условно-досрочном освобождении от отбывания наказания в виде лишения свободы и о замене неотбытой части наказания в виде лишения свободы более мягким видом наказания в 2014 году (дело № 22-884/2014). Челябинский областной суд. Обобщение практики рассмотрения судами Челябинской области ходатайств о замене неотбытой части наказания более мягким видом наказания в соответствии со ст. 80 Уголовного кодекса Российской Федерации. Утверждено президиумом Челябинского областного суда 2.02.2021 (дело № 10-438/2018).

³ См. об этом подробнее: Меры уголовно-правового характера / под ред. Ю.Е. Пудовочкина. М.: РГУП, 2022. С. 14, 21; Лаптев Д.А. Акцессорные уголовно-правовые меры: дисс. ... д-ра юрид. наук. М., 2023. С. 63.

пенитенциарного поведения осужденного лица. Средство регулирования (или иначе – мера уголовно-правового характера) остается неизменным. В качестве такового сохраняется наказание. Меняется лишь его вид.

И еще. Меры уголовно-правового характера являются частью содержания ответственности, следовательно, они по определению должны предполагать ущемление, ограничение правового статуса лица, совершившего преступление, должны носить принудительный характер, обеспечиваться силой государственного принуждения. И если в ситуации замены наказания более строгим видом такие характеристики отчасти наблюдаются, то в случае замены неотбытой части наказания более мягким видом наказания эти конститутивные признаки мер уголовно-правового характера категорически отсутствуют. Следовательно, такая замена не может восприниматься как мера ответственности. А это приводит к системным противоречиям внутри самой концепции признания замены наказания мерами уголовно-правового характера.

Сказанное позволяет заключить, что позиционирование замены наказания в качестве меры уголовно-правового характера не является убедительным теоретическим решением¹. Гораздо больше оснований поддержать юристов, которые используют иные слова для обозначения замены наказания в арсенале используемых государством механизмов. Д.Б. Лаптев, например, говорит в этом случае о «корректирующих средствах уголовно-правового воздействия», М.Н. Каплин – об «уголовно-правовых последствиях»². Не предпрешая вопроса о выборе оптимальной терминологии, обратим внимание лишь на одно: замена наказания в любом случае не выступает мерой уголовно-правового характера.

Отмеченные упущения индуктивной логики признания замены

¹ См. подробнее: Зелюка П.А. О невозможности признания замены наказания мерой уголовно-правового характера // XXX лет Уголовному и Уголовно-исполнительному кодексам Российской Федерации: итоги и перспективы: материалы XV Российского конгресса уголовного права, состоявшегося 28-29 мая 2026 г. М.: Юрлитинформ, 2026. С. 186–190.

² Лаптев Д.А. Акцессорные уголовно-правовые меры: дисс. ... д-ра юрид. наук. М., 2023. С. 65; Каплин М.Н. Виды уголовно-правовых последствий преступления // Актуальные проблемы уголовного права и процесса на современном этапе 2019. № 8. С. 64.

наказания мерами уголовно-правового характера пытается компенсировать и преодолеть И.Э. Звечаровский, развивая дедуктивные суждения об уголовной ответственности и мерах уголовно-правового характера.

Он исходит из того, что в сфере уголовного права правовое поведение лица может быть докриминальным, криминальным и посткриминальным, а в последнем случае – как правомерным, так и неправомерным. Государственная оценка всех разновидностей юридически значимого поведения в трактовке И.Э. Звечаровского и есть ответственность. «Сущность юридической ответственности и уголовной в том числе, – пишет автор, – выражается в государственно-правовой оценке юридически значимого поведения субъекта с целью возложения позитивных (поощрительных) или негативных (карательных) санкций». «Соблюдение требований уголовного закона его адресатами – правомерное уголовно-правовое поведение – влечет за собой положительную основанную на уголовном законе оценку (одобрение) со стороны государства и (факультативно) поощрение, т.е. позитивную уголовную ответственность. Несоблюдение требований уголовного закона его адресатами – неправомерное уголовно-правовое поведение – влечет за собой отрицательную основанную на уголовном законе оценку (осуждение) со стороны государства и (факультативно) наказание и судимость, т.е. негативную уголовную ответственность»¹. Ответственность (и позитивная, и негативная) выражается в мерах уголовно-правового характера. Соотношение таких мер и ответственности вполне определено. «Любая мера уголовной ответственности (в том числе и в форме наказания) есть мера уголовно-правового характера. Но не любая мера уголовно-правового характера представляет собой уголовную ответственность»². Соответственно, некоторые такие меры являются мерами негативной уголовной ответственности (и они следуют за преступлением), другие – остаются лишь мерами уголовно-

¹ Звечаровский И.Э. Посткриминальное поведение личности: ответственность и стимулирование: автореф. дисс. ... д-ра юрид. наук. СПб., 1993. С. 8–9, 20–21.

² Звечаровский И.Э. Ответственность в уголовном праве. СПб.: Юридический центр Пресс, 2008. С. 70.

правового характера, которые выражают собой позитивную или негативную реакцию государства на правомерное или противоправное поведение лица, совершившего преступление, и связаны с изменением его уголовно-правового статуса в процессе динамики уголовно-правового отношения. Разновидностью таких мер как раз выступают в его концепции замена наказания более строгим или более мягким видом наказания. Эти инструменты в своей совокупности обеспечивают позитивное поведение осужденного лица посредством позитивного стимулирования – обещания применения различных мер позитивной юридической ответственности (поощрения¹), и посредством отрицательного стимулирования – угрозы применения различных мер негативной юридической ответственности².

Как видим, подключение категории «позитивная ответственность», стимулирование, выстраивание особой конфигурации мер уголовно-правового характера и мер ответственности, различение оснований применения мер ответственности и мер уголовно-правового характера позволяет И.Э. Звечаровскому восполнить недостатки индуктивного анализа. Однако в его общих теоретических построениях есть положения, которые делают концепцию уязвимой.

В своем авторском учебнике И.Э. Звечаровский выделил главу «Замена наказания» на уровень самостоятельной структурной единицы учебного текста. В этом безусловная заслуга и прорывное значение его исследований. Вместе с тем, здесь замена наказания трактуется им как изменение судом подсудимому или осужденному предусмотренных для заменяемого наказания лишений или ограничений прав и свобод на лишения или ограничения, присущие заменяющему наказанию, в целях восстановления социальной

¹ В некоторых современных исследованиях оспаривается сама идея признания замены наказания более мягким видом проявлением метода поощрения в уголовном праве. М.Р. Баласанов пишет, в частности, что наделение непосредственно осужденного правом ходатайствовать о такой замене наказания исключает отнесение представления к ней к числу мер поощрения. См.: Баласанов М.Р. Замена неотбытой части наказания более мягким видом наказания: уголовно-правовые и уголовно-исполнительные аспекты: дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2025. С. 11.

² Звечаровский И.Э. Российское уголовное право. Закон, преступление, ответственность. Учебник. М.: Проспект, 2022. С. 150, 153.

справедливости, исправления осужденного и предупреждения совершения новых преступлений¹.

Автор настаивает, что замена наказания должна мыслиться как действие суда, осуществляемое не только в стадии исполнения наказания, но и в стадии его назначения. Тем самым замена наказания трактуется и как реакция на посткриминальное поведение осужденного лица, и как следствие иных обстоятельств, не связанных с таким поведением (например, применение амнистии или издание более мягкого уголовного закона). В этом усматривается системное противоречие рассматриваемой концепции. Если замена наказания в лучшую или худшую сторону есть мера уголовно-правового характера, выражающая позитивную или негативную ответственность за постпреступное поведение лица, совершившего преступление (о чем автор писал в своих ранних работах), она по определению не может включать в себя те средства, которые суд использует в момент назначения наказания, то есть определяя меры уголовной ответственности.

Различив, таким образом, на определенном этапе построения теоретической концепции меры уголовной ответственности и меры уголовно-правового характера, не являющиеся мерами уголовной ответственности, И.Э. Звечаровский в конечном итоге допускает их отождествление.

Меры уголовно-правового характера в его трактовке есть меры негативной или позитивной ответственности, притом, что только одна разновидность мер образует негативную уголовную ответственность. Тем самым в структуре отрасли определяется несколько видов негативной ответственности – уголовная и какая-то иная негативная, которую автор никак не именует и не анализирует. При таком подходе теоретическая ситуация возвращается к концепции наличия внутри отрасли нескольких видов негативной ответственности. А это блокирует попытки И.Э. Звечаровского «вписать» замену наказания в структуру содержания уголовной

¹ Звечаровский И.Э. Уголовное право России. Курс Общей части, во многом определяющий действительность положений его Особенной части. М.: Проспект, 2024. С. 452–453.

ответственности, поскольку негативная неуголовная ответственность не может по определению стать частью негативной уголовной ответственности.

Истоки отмеченных противоречий, как представляется, надо усматривать в общей неразработанности вопроса о понятии, содержании уголовной ответственности, ее соотношении с мерами уголовно-правового характера и иными уголовно-правовыми последствиями совершения преступления, в отсутствии четких представлений о соотношении уголовной ответственности и правового статуса лица, совершившего преступление. Не углубляясь в детальное обсуждение этих проблем, обратим внимание только на одно обстоятельство, а именно на связь уголовной ответственности с преступлением как ее основанием. Эта связь признается сегодня значительной частью юристов. В процессе проведения экспертного опроса 37% специалистов признали, что мерами уголовной ответственности могут быть признаны только те предусмотренные УК РФ меры, содержание и порядок назначения которых определяется особенностями совершенного преступления и личности виновного.

Но вместе с тем, имеется и иной взгляд. В одной из современных работ по проблемам ответственности она определяется как правовая реакция общества по защите публичных интересов, оформленная совокупностью материальных и процессуальных норм, в целях возложения на правонарушителя обязанности претерпевания неблагоприятных для него последствий¹. В другой работе ответственность интерпретируется как особое правовое состояние². В этих дефинициях утрачивается непереносимое указание на то, что содержание ответственности предопределено особенностями совершенного преступления. Ответственность в итоге рассматривается как набор ограничений правового статуса лица, совершившего преступление, безотносительно того, вызваны эти ограничения собственно преступлением

¹ Серков П.П. О понятии юридической ответственности // Журнал российского права. 2010. № 8 (164). С. 42–49.

² Солоницын П.С. Юридическая ответственность как правовое состояние // Вестник Самарского юридического института. 2021. № 2 (43). С. 82–88.

или иным уголовно-релевантным поведением. Именно в этом контексте надо интерпретировать приведенную выше мысль А.В. Наумова о том, что ответственность – это все меры, применяемые к лицу, совершившему преступление. Если сказать конкретнее: это меры, применяемые «К» лицу, а не меры, применяемые «ЗА» преступление. Именно поэтому в трактовке А.В. Наумова меры уголовно-правового характера (они же меры ответственности) применяются в связи с появлением различных юридических фактов (не только преступления, но и иных постпреступных деяний). Все эти меры, составляя аспекты реализации уголовной ответственности, выступают содержанием уголовного правоотношения, которое корректируется по мере появления юридических фактов, влияющих на его динамику¹. Такая концепция была развита Е.В. Лошенковой. Она прямо писала, что поскольку для уголовного права характерны два вида правонарушений – преступления и уголовные проступки (под ними она понимала непреступные нарушения уголовного закона), то соответственно ему присущи и два вида государственной реакции на уголовное правонарушение – уголовная ответственность (в той или иной форме реализации) и уголовное взыскание. Сочетание названных правонарушений и мер негативного воздействия образуют, согласно ее позиции, четыре вида уголовно-правовой ответственности, среди которых: уголовная, посткриминальная (проуголовная) и два смешанных вида².

Итак, теоретические построения, признающие замену наказания мерой уголовно-правового характера, с одной стороны, неоднородны, с другой – содержат ряд внутренних противоречий:

– Если мера уголовно-правового характера является частью уголовной ответственности, а ответственность определяется фактом совершения преступления, то замена наказания не может претендовать на статус меры уголовно-правового характера, как по причине того, что она вызвана

¹ Наумов А.В. Российское уголовное право. Общая часть. Курс лекций. 7-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2024. С. 447–452.

² Лошенкова Е.В. Ответственность в уголовном праве: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2007. С. 8.

посткриминальными юридическими фактами, так и по причине того, что включает в себя не только негативные, но и позитивные меры.

– Если меры уголовно-правового характера являются частью уголовной ответственности, но генетически связаны с преступным и не преступным криминально значимым поведением, влияющим на динамику уголовно-правового отношения, то надо признавать, что уголовная ответственность не является реакцией на преступление, но выступает способом или средством определения правового статуса лица, совершившего преступление, в рамках уголовно-правовых отношений (либо аналогом понятия «правовой статус»).

– Если меры уголовно-правового характера следуют не только за преступлением, но и за иными значимыми для уголовного права юридическими фактами (позитивными и негативными), а следовательно могут образовывать позитивную и негативную ответственность в уголовном праве, то необходимо прийти к выводу о наличии в рамках отрасли нескольких видов ответственности, в том числе нескольких видов негативной ответственности: уголовной – за преступление, и какой-то «иной» – за негативное постпреступное поведение.

Таким образом, признавая замену наказания мерой уголовно-правового характера, надо принципиальным образом менять представление об уголовной ответственности: либо вообще отказываться от этой категории, либо разрывать связь ответственности с преступлением, либо допускать наличие в уголовном праве нескольких видов деликтной ответственности. В рамках наших рассуждений ни один из этих вариантов не является оптимальным. Потому поддержать мнение юристов о том, что замена наказания по природе своей есть мера уголовно-правового характера не представляется возможным.

Второй из выделенных нами общих подходов к интерпретации правовой природы замены наказания основан на категории «индивидуализация наказания». Исходной точкой в рассуждениях специалистов в этом случае выступает тезис о том, что любые способы обращения с наказанием, включая замену наказания, его исполнение, освобождение от наказания, подчинены

наилучшему обеспечению целей наказания и, прежде всего, цели исправления осужденного.

Э.М. Абдуллин прямо пишет: цели замены наказания как уголовно-правового института определяются целями наказания. Целями замены наказания вследствие положительного или отрицательного поведения осужденных, их отношения к первоначальному наказанию и сопутствующим мерам воздействия являются стимулирование добросовестного поведения, содействие исправлению виновного¹.

Связь с идеей исправления осужденного закономерно выводит проблематику замены наказания на уровень концепции индивидуализации наказания. Применительно к нашей теме это позволяет специалистам различать, во-первых, индивидуализацию в стадии назначения наказания и индивидуализацию наказания в стадии исполнения приговора²; во-вторых, индивидуальный подход к исполнению наказания, при котором сама мера наказания остается неизменной, и индивидуализацию наказания за счет уменьшения или увеличения карательного объема-наказания и исправительного воздействия³. Тем самым замена наказания как уголовно-правовая категория «отсекается», с одной стороны, от назначения наказания, с другой стороны, от пенитенциарной практики исполнения наказания⁴. И.А. Тарханов на этой основе определяет замену наказания как уголовно-правовую меру индивидуализации наказания в стадии исполнения приговора, заключающуюся в изменении судом вида уголовного наказания в целях ускорения процесса исправления и перевоспитания осужденного, а также

¹ Абдуллин Э.М. Замена наказания в уголовном праве России (юридическая природа, виды, характеристика): дисс. ... канд. юрид. наук. Ульяновск, 2008. С. 54–55.

² Тарханов И.А. Замена наказания по советскому уголовному праву. Казань: Изд. Казан. ун-та, 1982. С. 30, 31, 32.

³ Абдуллин Э.М. Замена наказания в уголовном праве России (юридическая природа, виды, характеристика): дисс. ... канд. юрид. наук. Ульяновск, 2008. С. 30.

⁴ См. подробнее: Жуков А.В. Замена наказания в уголовном праве России: дисс. ... канд. юрид. наук. Самара, 2002. С. 40–41.

предупреждения укоренения в сознании осужденного и других граждан чувства безнаказанности за совершенное преступление¹.

В этих теоретических построениях замена наказания вполне отчетливо выводится из сферы обсуждения вопросов, связанных с содержанием уголовной ответственности, в иную область – в сферу индивидуализации уголовного наказания. Однако, как и в ситуации с интерпретацией замены наказания в контексте категории «ответственность», индуктивные рассуждения относительно особенностей замены наказания по сравнению с иными предписаниями об индивидуализации наказания, не приводят специалистов к полноценным теоретическим концепциям. Напротив, именно дедуктивные рассуждения, которые содержатся в обобщающих работах, дают возможность лучше понять природу замены наказания. Такой обобщающей концепцией в данном случае выступает концепция прогрессивной системы исполнения наказания.

По мнению Ю.М. Ткачевского, одного из наиболее авторитетных исследователей феномена прогрессивной системы исполнения наказания, в самом общем виде она представляет собой установленный уголовным и уголовно-исполнительным законодательством порядок улучшения или ухудшения правового статуса осужденного в зависимости от соблюдения им требований установленного порядка отбывания наказания². Вопрос о том, что из себя представляет эта система и каковы ее элементы, активно обсуждается в науке³. Но есть некоторое общее представление о том, что она имеет характер межотраслевого образования, включая как положения уголовно-исполнительного права об изменении условий содержания осужденных в

¹ Тарханов И.А. Замена наказания по советскому уголовному праву. Казань: Изд. Казан. ун-та, 1982. С. 37.

² Ткачевский Ю.М. Российская прогрессивная система исполнения уголовных наказаний // Вестник Московского университета. 1997. № 6. С. 15; Ткачевский Ю.М. Российская прогрессивная система исполнения уголовных наказаний. М.: Городец, 2007.

³ См., например: Малин П.М. Об элементах (подсистемах) прогрессивных систем исполнения и отбывания уголовных наказаний и мер уголовно-правового характера // Уголовно-исполнительное право. 2018. Т. 13, № 3. С. 282–288; Горбань Д.В. Прогрессивная система исполнения и отбывания уголовных наказаний на современном этапе функционирования уголовно-исполнительной системы Российской Федерации // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2023. № 1 (248). С. 14–22.

одном исправительном учреждении или о переводе их в иные исправительные учреждения, так и положения уголовного законодательства, касающиеся замены наказания в процессе его исполнения. Система замены одного наказания другим в процессе их исполнения, предопределенная законопослушным поведением или, наоборот, злостными уклонениями от их исполнения, является неотъемлемым элементом (подсистемой) прогрессивной системы исполнения наказаний. По мысли Ю.М. Ткачевского, она включает в себя положения Общей части уголовного права о замене наказания более мягким видом (ст. 80 УК РФ), а также рассредоточенные в Общей и Особенной части уголовного права положения о негативных последствиях уклонения от исполнения или неисполнения назначенного судом наказания. Соответственно, не входят в систему замены наказания установленные законом возможности замены одного наказания другим в процессе их исполнения по причинам, не связанным с дифференциацией карательно-воспитательного воздействия на осужденного (например, в ситуации помилования или амнистии)¹.

На первый взгляд, перед нами создана достаточно логичная и убедительная теория. Однако в реальности она едва ли может объяснить собственно правовую природу замены наказания. Причина тому – неопределенность самого феномена «прогрессивная система исполнения наказания» и того места, которое он занимает в системе права.

Прогрессивная система исполнения наказания – предмет, прежде всего и даже исключительно, уголовно-исполнительных исследований. Здесь под ней понимают «организацию исполнения наказания»²; «совокупность способов» смягчить или сделать более строгими условия отбывания наказания осужденным³; «перевод осужденных от более строгих к менее строгим

¹ Ткачевский Ю.М. Российская прогрессивная система исполнения уголовных наказаний. М.: Городец, 2007.

² Скаков А.Б. Прогрессивная система исполнения лишения свободы и ее отражение в новом законодательстве Республики Казахстан: автореф. дисс. ... д-ра юрид. наук. Рязань, 2004. С. 17.

³ Лебедева Р.Р. Определение понятия «прогрессивная система отбывания наказания» // Тенденции развития науки и образования. 2025. № 123-1. С. 168–170.

формам изоляции»¹; «изменение правового статуса осужденного»²; «совокупность правил, регулирующих изменение условий отбывания наказания»³; «межотраслевой институт»⁴; «принцип уголовно-исполнительного законодательства»⁵.

Не углубляясь в содержательный анализ, отметим, что прогрессивная система исполнения наказания понимается, судя по представленным позициям, либо как деятельность, либо как нормы, регулирующие деятельность, либо как принцип деятельности. Очевидно, что содержательно и по существу описать правовую природу замены наказания может только тот подход, который указывает на институциональную характеристику соответствующих правовых норм. Но позиционирование замены наказания в качестве межотраслевого института, в котором, как известно, каждый структурный элемент сохраняет свою отраслевую принадлежность и природу, ровным счетом ничего не привносит в раскрытие ее природы.

Более того, объединение в рамки одного правового образования норм, которые регулируют замену наказания и изменение условий исполнения (отбывания) наказания приводит к неоправданному смешению двух качественно разнородных феноменов. Именно такой подход был предложен, например, А.Д. Гараевой, которая в систему норм о смягчении наказания при его исполнении включила предписания, определяющие основания и порядок перевода осужденного, отбывающего лишение свободы, в исправительное учреждение с более мягким режимом его отбывания (ч. 4 ст. 59 УК РФ, ч. 2 ст. 78 УИК РФ)⁶.

¹ Горбань Д.В. К понятию прогрессивной системы исполнения и отбывания наказаний // Юрист Юга России и Закавказья. 2015. № 3 (11). С. 11–17.

² Сизый А.Ф. Поощрительные нормы уголовно-исполнительного права и их стимулирующая функция в процессе формирования правомерного поведения осужденных (проблемы теории и практики). Рязань: Рязанская высшая школа МВД РФ, 1994. С. 70.

³ Мелентьев М.П., Бажанов О.И. Изменение условий содержания осужденных в ИТУ. Рязань: Рязанская высшая школа МВД СССР, 1975. С. 3–4.

⁴ Санташов А.Л., Скаков А.Б. Идея прогрессивной системы исполнения уголовных наказаний и ее развитие в отечественной пенитенциарной науке // Пенитенциарная наука. 2020. Т. 14, № 2 (50). С. 176–184.

⁵ Южанин В.Е., Горбань Д.В. Принцип прогрессивной системы отбывания наказания в виде лишения свободы // Lex Russica (Русский закон). 2017. № 2 (123). С. 123–134.

⁶ Гараева А.Р. Смягчение наказания при его исполнении в российском уголовном праве: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Казань, 2007. С. 7.

Замена наказания и изменение условий исполнения (отбывания) наказания различаются не только основаниями и порядком применения. Самое главное, они различаются предметом регулирования. В прецедентной практике Европейского Суда по правам человека на этот счет было выработано вполне определенное разграничение понятий «режим наказания» и «режим исполнения наказания»¹. Такой подход был поддержан Конституционным Судом Российской Федерации, который последовательно исходит из того, что нормы уголовно-исполнительного законодательства не устанавливают каких-либо дополнительных ограничений, помимо тех, которые вытекают из самого существа меры наказания, установленной уголовным законом². На этом основании специалисты правильно подчеркивают, что «изменение содержания наказания, производимое в границах одного и того же вида, ведет к изменению объема правоограничений, однако не изменяет качественной определенности назначенного вида уголовного наказания»³. Изменение наказания и изменение режима наказания – два принципиально различных предмета правового регулирования, различающиеся по своей природе, сущностно; различающиеся принципиально с точки зрения представлений о правах лица, совершившего преступление, с точки зрения его несовпадающего правового статуса как участника уголовно-правовых и уголовно-исполнительных отношений. Эти фундаментальные различия, с одной стороны, дают возможность лучше понять специфические особенности замены наказания в системе прогрессивных правил исполнения наказаний, а с другой стороны, не позволяют использовать концепцию прогрессивной системы исполнения наказания для раскрытия правовой

¹ Информация о постановлении ЕСПЧ от 12.02.2008 по делу «Кафкарис (Kafkaris) против Кипра» (жалоба № 21906/04) // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2008. № 8; Информация о постановлении ЕСПЧ от 17.12.2009 по делу «М. (М.) против Германии» (жалоба № 19359/04) // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2010. № 5.

² Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 09.06.2005 № 248-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы граждан Захаркина Валерия Алексеевича и Захаркиной Ирины Николаевны на нарушение их конституционных прав пунктом "б" части третьей статьи 125 и частью третьей статьи 127 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации». Документ официально не опубликован. URL: <https://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision33746.pdf> (дата обращения: 05.12.2025).

³ Жуков А.В. Замена наказания в уголовном праве России: дисс. ... канд. юрид. наук. Самара, 2002. С. 40–41.

природы замены наказания.

Таким образом, критический анализ показывает, что имеющийся опыт определения правовой природы замены наказания посредством использования таких категорий, как «уголовная ответственность», «меры уголовно-правового характера», «индивидуализация наказания», «прогрессивная система исполнения наказания», не дает позитивного эффекта, его результаты отличаются внутренней несогласованностью и противоречивостью, плохо вписываются в общепринятые представления о механизме уголовно-правового регулирования.

Эта несогласованность и многозначность определения правовой природы замены наказания подтверждается итогами проведенного при подготовке исследования экспертного опроса. Его результаты свидетельствуют, что 16% специалистов усматривают в замене наказания элементы индивидуализации наказания, 34% связывает ее с мерами уголовно-правового характера, 32% относит к прогрессивной системе исполнения наказания.

Такая многоголосица находит отражение и в существующих дефинициях замены наказания. В специальных источниках она определяется как деятельность суда по изменению наказания¹, как мера индивидуализации наказания² или уголовно-правовая мера воздействия³, как комплексный правовой институт с неоднородным содержанием⁴. Такие подходы к определению понятия замены наказания, с одной стороны, высвечивают многогранность исследуемого феномена, с другой стороны, – не способствуют выявлению его главных, сущностных характеристик, что позволяет считать вопрос определения правовой природы замены наказания открытым.

¹ Звечаровский И.Э. Уголовное право России. Курс Общей части, во многом определяющий действенность положений его Особенной части. М.: Проспект, 2024. С. 452–453; Алиев А.В. Замена наказания в российском уголовном праве // Вестник Российской правовой академии. 2018. № 2. С. 22.

² Тарханов И.А. Замена наказания по советскому уголовному праву. Казань: Изд. Казан. ун-та, 1982. С. 37.

³ Абдуллин Э.М. Замена наказания в уголовном праве России (юридическая природа, виды, характеристика): дисс. ... канд. юрид. наук. Ульяновск, 2008. С. 50.

⁴ Жуков А.В. Замена наказания в уголовном праве России: дисс. ... канд. юрид. наук. Самара, 2002. С. 7–8.

В его решении, как представляется, следует отталкиваться от установленных в предшествующем изложении конституционных параметров института замены наказания, указывающих на его гарантийные, обеспечительные функции и возможности.

Стоит заметить, что такие попытки уже встречались в литературе, хотя они и не сложились в полноценное теоретическое обоснование замены наказания, поскольку были высказаны, по большей части попутно, а не предметно. Так, например, В.М. Степашин указывает, что установленный в законе механизм определения последствий злостного уклонения от отбывания наказания обеспечивает исполнение (отбывание) назначенного судом законного и справедливого наказания¹. В.Д. Филимонов также обращал внимание на то, что целевая направленность уголовно-правовых норм о замене наказания более строгим видом состоит не в индивидуализации наказания, а в том, чтобы «обеспечить реализацию определенной судом меры государственного принуждения»².

Эти идеи были сформулированы и получили признание по большей части в науке уголовно-исполнительного права. Так, еще Ю.М. Ткачевский писал, что замена наказания более строгим видом в случае уклонения осужденного от отбывания (исполнения) назначенного судом наказания относится к прогрессивной системе исполнения наказания и является «уголовно-правовой мерой обеспечения исполнения наказания»³. Современные авторы указывают, что нормы УК РФ, обладающие свойством воздействовать на отношения, складывающиеся в процессе исполнения и отбывания наказания, с целью реального осуществления последнего в необходимом, достаточном объеме, входят в механизм уголовно-правового обеспечения реализации назначенного наказания. Этот механизм включает в себя уголовно-правовые средства обеспечения реализации назначенного

¹ Степашин В.М. Экономия репрессии как принцип уголовного права и его реализация в назначении наказания и мер уголовной ответственности: дисс. ... д-ра юрид. наук. Омск, 2019. С. 156, 157–158.

² Филимонов В.Д. Норма уголовного права. СПб.: Юридический центр Пресс, 2004. С. 270–271.

³ Ткачевский Ю.М. Российская прогрессивная система исполнения уголовных наказаний // Ткачевский Ю.М. Избранные труды. СПб.: Юридический центр Пресс, 2010. С. 91, 113, 118.

наказания, не влекущие уголовной ответственности, и уголовно-правовые средства обеспечения реализации назначенного наказания, влекущие уголовную ответственность¹.

Эти суждения следует дополнить и развить. Самое важное, следует расширить представления об обеспечительных возможностях замены наказания. Прежде всего, надо признать, что обеспечительные функции не ограничиваются только сферой, связанной с реагированием на уклонение от отбывания или исполнения наказания. Обеспечительные, гарантийные механизмы необходимы и для тех ситуаций, когда наказание реально, качественно и эффективно исполняется. А это значит, что созданный законодателем механизм замены наказания обеспечивает не просто возможность исполнения наказания или скорейшего исправления осужденного, не какие-то внешние по отношению к участникам уголовно-правового отношения цели. Он обеспечивает непосредственно сами права участников этого отношения. И хотя полной номенклатуры таких прав и обязанностей наука еще не создала², можно считать доказанным и подтвержденным на высоком конституционном уровне наличие права наказания у государства и права просить о смягчении наказания у осужденного.

Полноценной реализации этих взаимосвязанных прав субъектов уголовно-правового отношения посвящен, в принципе, весь уголовный закон, все его нормы и институты. Но нормы о замене наказания выполняют в этом массиве свою специфическую роль на вполне определенном участке развития уголовно-правового отношения. Уточнение этих места и роли позволяет не только понять природу рассматриваемых законоположений, но также их место в ряду иных нормативных предписаний и связи с ними.

¹ См. Гаманенко Л.И. Уголовно-правовое обеспечение реализации назначенного наказания: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Рязань, 2010.

² Этому вопросу посвящен значительный массив литературы. См., например: Огурцов Н.А. Правоотношения и ответственность в советском уголовном праве. Рязань: Рязанская высшая школа МВД СССР, 1975. С. 118; Генрих Н.В. Предмет и метод уголовно-правового регулирования: история, теория, практика. М.: Норма, 2011. С. 142–169; Гузеева О.С. Проблемы теории конституционализации уголовно-правовых норм. М.: Проспект, 2021. С. 113–131.

1. Замена наказания обеспечивает права и обязанности участников уголовно-правового отношения только на том этапе его развития, когда наказание было назначено приговором суда. На этом основании замена принципиально отличается от выбора наказания.

Выбор наказания, как элемент процесса его индивидуализации, осуществляется, в каждом конкретном случае в пределах тех видов и размеров наказания, которые были определены законодателем в санкции уголовно-правовой нормы. Об этом прямо гласит ч. 1 ст. 60 УК РФ: лицу, признанному виновным в совершении преступления, назначается справедливое наказание в пределах, предусмотренных соответствующей статьей Особенной части УК РФ.

Однако в некоторых ситуациях справедливость и законность требуют от суда выхода за пределы санкции¹. Это происходит, во-первых, когда суд сочтет необходимым воспользоваться предписаниями ст. 64 УК РФ о назначении наказания более мягкого, чем предусмотрено законом. В современной практике это происходит примерно в 5% случаев вынесения обвинительного приговора (см. таблицу 1).

Требования ст. 64 УК РФ предполагают учет особых, исключительных обстоятельств дела, связанных с характеристикой совершенного преступления, личностью виновного, мотивами и целями его поведения, действиями после совершения преступления и т.д. Статья при этом четко определяет, что выход за пределы санкции (как в части выбора вида наказания, так и в части изменения его размера) является исключительной прерогативой суда. Как указывал Конституционный Суд Российской Федерации, пределы наказания за конкретное преступление, безусловно, определяются законодателем. Но при назначении наказания законодательная оценка общественной опасности преступления, отраженная в санкции

¹ В данном случае не берутся в расчет предписания ст. 68, 69 и 70 УК РФ, позволяющие ограничить минимальные пределы наказания или выйти за максимальные пределы санкции статей при назначении наказания по совокупности преступлений и совокупности приговоров, поскольку они не связаны с заменой наказаний.

соответствующей нормы, должна быть сопоставлена с действительной степенью общественной опасности совершенного деяния, установленной судом с учетом фактических обстоятельств конкретного дела. Установление для суда возможности выйти за пределы санкции конкретизирует в уголовном законе конституционные начала справедливости и гуманности и направлено на уменьшение уголовной репрессии до необходимого минимума принудительных мер, обеспечивающих достижение целей наказания¹.

Таблица 1. Назначение более мягкого наказания, чем предусмотрено законом²

Годы	Показатели	Всего осуждено	Назначено более мягкое наказание, в т.ч.:	Применен более мягкий вид наказания		Наказание назначено ниже низшего предела санкции	
				вместо лишения свободы	вместо иных наказаний	лишение свободы	иные наказания
6 мес. 2025	абс. цифры	215749	11369	542	3137	1937	5753
	уд. вес	100	5,3	Уд. вес от числа лиц, которым назначено более мягкое наказание			
				4,8	27,6	17,0	50,6
2024	абс. цифры	512845	28352	1205	7696	5331	14120
	уд. вес	100	5,5	Уд. вес от числа лиц, которым назначено более мягкое наказание			
				4,3	27,1	18,8	49,8
2020	абс. цифры	530998	17446	586	5259	4983	6618
	уд. вес	100	3,3	Уд. вес от числа лиц, которым назначено более мягкое наказание			
				3,4	30,1	28,6	37,9

Вместе с тем, наряду с описанными, имеют место ситуации вынужденного выхода за пределы санкции, когда ни один из предусмотренных видов наказания не может быть назначен с учетом фактических обстоятельств конкретного дела. Пленум Верховного Суда Российской Федерации дважды

¹ Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 30.11.2021 № 2623–О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Шемарова Алексея Геннадьевича на нарушение его конституционных прав частью первой статьи 64 Уголовного кодекса Российской Федерации». Документ официально не опубликован. URL: <https://www.ksrf.ru/doc/KSRFDecision573591.pdf> (дата обращения: 06.12.2025); Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 31.01.2023 № 26–О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Мостового Александра Андреевича на нарушение его конституционных прав статьей 64 Уголовного кодекса Российской Федерации». Документ официально не опубликован. URL: <https://www.ksrf.ru/doc/KSRFDecision663511.pdf> (дата обращения: 06.12.2025).

² Составлено и подсчитано нами на основании сведений, официально опубликованных Судебным департаментом при Верховном Суде Российской Федерации. Использованы данные следующих форм: Форма 10.2 «Отчет об особенностях рассмотрения уголовных дел, применения реальных видов наказания и оснований прекращения уголовных дел», Раздел 1. Дополнительные сведения по результатам рассмотрения дел (по итоговому наказанию). Информация размещена в сети «Интернет» на официальном сайте Судебного Департамента по адресу: <https://cdep.ru/?id=79> (дата обращения: 06.08.2026).

обратил внимание на подобные ситуации и сформулировал правила их преодоления: «В том случае, когда осужденному в силу положений, установленных законом, не может быть назначен ни один из предусмотренных соответствующей статьей Особенной части УК РФ видов наказаний (например, обязательные работы – в силу части 4 статьи 49 УК РФ, исправительные работы – в силу части 5 статьи 50 УК РФ, арест – в связи с его неприменением в настоящее время, лишение свободы – в силу части 1 статьи 56 УК РФ), ему следует назначить любое более мягкое наказание, чем предусмотрено санкцией соответствующей статьи. Ссылка на статью 64 УК РФ в таком случае не требуется»¹; «Если несовершеннолетнему не может быть назначено наказание в виде лишения свободы, а санкция статьи Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации, по которой он осужден, не предусматривает иного вида наказания, подлежит назначению другой, более мягкий вид наказания с учетом положений статьи 88 УК РФ. В этом случае ссылки на статью 64 УК РФ не требуется»².

Такие ситуации выхода за пределы санкции предполагают не замену наказания как таковую, а выбор наказания, его назначение, индивидуализацию³. Заменить, согласно общей логике, можно лишь то, что имеется в наличии. В данном же случае «наличного наказания» еще не имеется. По этой причине сложно согласиться с исследователями, которые полагают, что предметом замены может выступать как уже назначенный вид уголовного наказания, так и вид уголовного наказания, предусмотренный в

¹ Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 22.12.2015 № 58 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания» (п. 28) // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2016. № 2.

² Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 01.02.2011 № 1 «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних» (п. 17) // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2011. № 4.

³ По мнению некоторых исследователей, «вынужденный» выход за пределы санкции не имеет отношения к индивидуализации наказания, а сама такая замена наказания является элементом юридического механизма его назначения (см.: Абдуллин Э.М. Замена наказания в уголовном праве России (юридическая природа, виды, характеристика): дисс. ... канд. юрид. наук. Ульяновск, 2008. С. 36). Признавая различия между «вынужденным» выходом за пределы санкции и назначением наказания в порядке ст. 64 УК РФ, едва ли можно настаивать на том, что назначение наказания и индивидуализация наказания – различные по природе своей процессы и институты.

санкции статьи Особенной части УК РФ, то есть еще не назначенный вид¹. Смысл и природа выбора и замены – принципиально различны. При проведении экспертного опроса за такое понимание сути замены наказания высказались 53% респондентов.

2. Замену наказания как самостоятельный институт следует отличать от различных и не вполне совпадающих по своей природе случаев освобождения от наказания с назначением иных мер уголовно-правового характера. Закон предусматривает такую конструкцию в ст. 92 УК РФ, ст. 81 УК РФ, при этом применяться она может как в момент вынесения приговора, так и в процессе его исполнения. Суммарно число лиц, к которым применен соответствующий механизм невелико (см. таблицу 2).

Таблица 2. Освобождение от наказания с применением мер уголовно-правового характера²

Годы	Всего осуждено	Освобождено от наказания	
		по болезни	с помещением в СУВЗЗТ
6 мес. 2025	215749	41	81
		0,02% от общего числа осужденных	0,04% от общего числа осужденных или 1,4% от числа осужденных несовершеннолетних
2024	512845	74	188
		0,01% от общего числа осужденных	0,03% от общего числа осужденных или 1,6% от числа осужденных несовершеннолетних
2020	530998	71	229
		0,0 % от общего числа осужденных	0,04% от общего числа осужденных или 1,6% от числа осужденных несовершеннолетних

В масштабах страны число освобожденных от наказания по болезни не превышает ста человек (при этом существующие формы статистического наблюдения не позволяют установить, к скольким из них были применены принудительные меры медицинского характера), а число несовершеннолетних, направляемых в специальные учебно-воспитательные

¹ Алиев А.В. Замена наказания в российском уголовном праве // Вестник Российской правовой академии. 2018. № 2. С. 21.

² Составлено и подсчитано нами на основании сведений, официально опубликованных Судебным департаментом при Верховном Суде Российской Федерации. Использованы данные следующих форм: Форма 10.2 «Отчет об особенностях рассмотрения уголовных дел, применения реальных видов наказания и оснований прекращения уголовных дел», Раздел 2. Основания освобождения и иные сведения по результатам рассмотрения дел (по итоговому наказанию); Форма 12 «Отчет об осужденных, совершивших преступления в несовершеннолетнем возрасте и о числе лиц, осужденных за совершение преступлений в отношении несовершеннолетних», Раздел 2. Назначение наказаний. Информация размещена в сети «Интернет» на официальном сайте Судебного Департамента по адресу: <https://cdep.ru/?id=79> (дата обращения: 06.08.2026).

учреждения закрытого типа в порядке освобождения от уголовного наказания, не превышает 300 человек. Однако сам факт наличия соответствующей категории лиц не позволяет их игнорировать в теоретическом осмыслении проблем замены наказания.

Здесь принципиально важно отметить, что применение иных мер уголовно-правового характера происходит при освобождении от наказания, когда последнее либо вообще, либо на определенный момент времени не исполняется. В ситуации же замены наказания и заменяемая, и заменяющая меры – это всегда уголовное наказание.

По этой причине сложно поддержать позицию юристов, которые структурными элементами института замены наказания признают положения УК РФ, определяющие а) замену неотбытой части наказания, назначенного по приговору суда, более мягким видом наказания; б) замену неотбытой части наказания, назначенного по приговору суда, более строгим видом наказания; в) замену неотбытой части наказания, назначенного по приговору суда, иными мерами уголовно-правового воздействия¹. Напротив, гораздо более убедительными представляются рассуждения специалистов, которые акцентируют внимание на том, что понятие замены наказания в уголовном законе означает применение одного вида наказания вместо другого². Именно такой вариант трактовки понятия «замена наказания» был поддержан 68% опрошенных при подготовке настоящего исследования экспертов.

3. Замена наказания обеспечивает взаимные права участников уголовно-правового отношения на этапе, когда они окончательно определены и конкретизированы в индивидуализированном порядке вступившим в законную силу приговором суда, иными словами – на этапе существования уголовно–исполнительных правоотношений.

¹ Тарькин В.К., Плохих Г.И., Серенко Р.С. Замена неотбытой части наказания более мягким видом наказания: вопросы теоретической и практической реализации // Современное общество и право. 2024. № 3 (70). С. 122.

² Жуков А.В. Замена наказания в уголовном праве России: дисс. ... канд. юрид. наук. Самара, 2002. С. 17; Тарханов И.А. Замена наказания по советскому уголовному праву. Казань: Изд. Казан. ун-та, 1982. С. 21.

Этот факт позволяет отличать замену наказания от его изменения в судах проверочных инстанций – апелляционной и кассационной. Такое изменение является достаточно распространенным явлением (см. таблицу 3).

Таблица 3. Изменение наказания в судах апелляционных и кассационных инстанций¹

Год	Общее число отмененны х или измененны х приговоро в	Общее число измененн ых приговор ов	Изменено					
			со смягчением наказания			с усилением наказания		
			всего, в т.ч.:	с изменен ием квалифи кации	без изменен ия квалиф икации	всего, в т.ч.:	с изменен ием квалифи кации	без измене ния квалиф икации
Результаты апелляционного рассмотрения дел								
6 мес. 2025	11445	7711	5563	792	4771	2079	114	1965
	100%	67,4%	72,1% от общего числа измененн ых приговор ов	14,2%	85,8%	37,4% от общего числа изменен ных приговор ов	5,5%	94,5%
				от числа приговоров со смягчением наказания			от числа приговоров со смягчением наказания	
2024	26471	17507	13110	1842	11268	4259	220	4039
	100%	66,1%	74,9% от общего числа измененн ых приговор ов	14,1%	85,9%	24,3% от общего числа изменен ных приговор ов	5,2%	94,8%
				от числа приговоров со смягчением наказания			от числа приговоров с усилением наказания	
2020	23278	15448	12935	1608	11327	2120	156	1964
	100%	66,4%	83,7% от общего числа измененн ых приговор ов	12,4%	87,6%	13,7% от общего числа изменен ных приговор ов	7,4%	92,6%
				от числа приговоров со смягчением наказания			от числа приговоров со смягчением наказания	
Результаты кассационного рассмотрения дел								
6 мес. 2025	3473	2066	2016	451	1565	0	0	0
	100%	59 5%	97,8% от общего числа измененн	22,4%	77,6%	—	—	—
				от числа приговоров со				

¹ Составлено и подсчитано нами на основании сведений, официально опубликованных Судебным департаментом при Верховном Суде Российской Федерации. Использованы данные следующих форм: Форма № 6 «Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел в апелляционном порядке», Раздел 4. Результаты апелляционного рассмотрения дел (по числу лиц); Форма № 8 «Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел в кассационном порядке», Раздел 3. Результаты рассмотрения дел по удовлетворенным жалобам и представлениям (по числу лиц). Информация размещена в сети «Интернет» на официальном сайте Судебного Департамента по адресу: <https://cdep.ru/?id=79> (дата обращения: 06.08.2026).

			ых приговор ов	смягчением наказания				
2024	7529	4451	4365	781	3584	5	0	5
	100%	59,1%	98,1% от общего числа измененн ых приговор ов	17,9%	82,1%	0,1% от общего числа изменен ных приговор ов	0%	100%
				от числа приговоров со смягчением наказания			от числа приговоров со смягчением наказания	
2020	11382	8023	7852	1360	6492	49	10	39
	100%	70,5%	97,9% от общего числа измененн ых приговор ов	17,3%	82,7%	0,6% от общего числа изменен ных приговор ов	20,4%	79,6%
				от числа приговоров со смягчением наказания			от числа приговоров со смягчением наказания	

При том, что число лиц, в отношении которых изменяются или отменяются приговоры в апелляционном или кассационном порядке относительно общей массы ежегодно осуждаемых лиц относительно невелико (6 – 7%), процент измененных в проверочных инстанциях приговоров составляет в среднем около 60%, причем основная масса их них – приговоры, в которых осужденным снижается назначенное наказание, как правило, без изменения квалификации содеянного (82 – 85%).

Однако такое изменение наказания, выступая процессуальной гарантией права на наказание и его смягчение, дополняет институт замены наказания, но не формирует его. Изменение наказания в уголовно-процессуальном порядке является, по сути, средством исправления недостатков и ошибок правосудия, дополнительной гарантией права на справедливый суд. Как верно отмечают специалисты, «Существенной отличительной особенностью изменения наказания в порядке уголовного судопроизводства является то, что оно решает задачи, качественно отличные от тех, которые стоят перед заменой наказания в уголовном праве. Основное отличие данных форм от замены наказания состоит в том, что уголовно-процессуальные способы изменения наказания связаны с внесением определенных уточнений в приговор вследствие незаконности или необоснованности последнего. Иными словами, под сомнение ставится сам приговор, его соответствие всем обстоятельствам

совершенного преступления, исследованным в ходе судебного заседания доказательствам, другим требованиям уголовно-процессуального закона. При применении замены наказания приговор суда под сомнение не ставится»¹.

4. Замена наказания происходит в пределах нормативных параметров существующего уголовно-правового отношения. По этому признаку она существенным образом отличается от ситуаций корректировки назначенного судом наказания в стадии исполнения наказания, которая вызвана изменением параметров законодательной оценки общественной опасности совершенного преступления или законодательных правил назначения наказания. Такое изменение наказания в связи с изменением уголовного закона происходит с учетом требований ст. 10 УК РФ. (см. таблицу 4).

Таблица 4. Освобождение от наказания или смягчение наказания вследствие издания уголовного закона, имеющего обратную силу²

Годы	Всего окончено производ- ством	Об освобождении от наказания или о смягчении наказания вследствие издания уголовного закона, имеющего обратную силу, в соотв. со ст. 10 УК РФ (п.13 ст. 397 УПК РФ)					
		Остаток производств по материалам на начало года	Поступило в производство материалов	Окончен о произво- дством	Удовле- творено	Отказано в удовлетво- рении	Прекращено, отозвано, возвращено, передано по подсудности
6 мес. 2025	1265268	730	5263	5028	609	853	3566
	Удельный вес от числа материалов, оконченных производством			0,4% от общего числа материа- лов	12,1%	17,0%	70,9%
					От числа оконченных производством материалов этой категории		
2024	2752606	1047	14889	15213	1848	2955	10410
	Удельный вес от числа материалов, оконченных производством			0,6% от общего числа материа- лов	12,2%	19,4%	68,4%
					От числа оконченных производством материалов этой категории		
2020	2757023	3293	36765	37326	7726	7772	21828
	Удельный вес от числа материалов, оконченных производством			1,4% от общего числа материа- лов	20,7%	20,8%	58,4%
					От числа оконченных производством материалов этой категории		

¹ Абдуллин Э.М. Замена наказания в уголовном праве России (юридическая природа, виды, характеристика): дисс. ... канд. юрид. наук. Ульяновск, 2008. С. 38.

² Составлено и подсчитано нами на основании сведений, официально опубликованных Судебным департаментом при Верховном Суде Российской Федерации. Использованы данные следующих форм: Форма 1 «Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел по первой инстанции», Раздел 4. Рассмотрение представлений, ходатайств и жалоб (по числу лиц). Информация размещена в сети «Интернет» на официальном сайте Судебного Департамента по адресу: <https://cdep.ru/?id=79> (дата обращения: 06.08.2026).

И хотя в данном случае также судом, также в процессе исполнения наказания одно наказание меняется на другое наказание, изменение выходит за пределы ранее установленных законов границ взаимных прав и обязательств этого лица и государства. Гарантийная, обеспечительная функция соблюдения прав участников правоотношения заключается в данном случае в применении необходимого уголовного закона, вне зависимости от того, каким является постпреступное поведение лица, совершившего преступление. Можно образно сказать, что такое изменение вызвано «постпреступным поведением» государства, изменившим правила уголовно-правовой оценки преступления.

Представленный обзор наглядно свидетельствует о том, что замена наказания качественно отличается от близких по содержанию ситуаций, связанных с корректировкой меры воздействия лицу, совершившему преступление. Ее отличительные особенности состоят в следующем: а) осуществляется в стадии исполнения вступившего в законную силу приговора; б) осуществляется в пределах нормативных параметров существующего уголовно-правового отношения; в) предполагает неизменность оценки совершенного преступления и неизменность оценки состоявшегося приговора; г) вызвана необходимостью оценки постпреступного поведения лица, совершившего преступление.

Замена наказания обеспечивает, что возникшие в определенный момент права участников правоотношения – право государства на наказание и право лица, совершившего преступление, просить о смягчении наказания, не будут оставлены без внимания после вступления приговора в силу, но будут в полной мере реализованы на всем протяжении существования уголовно-правового отношения вплоть до момента погашения или снятия судимости.

Эта гарантирующая функция позволяет правильно определить роль анализируемого института в механизме реализации уголовной ответственности. Само понятие «ответственность» в отраслевой науке понимается неоднозначно: и как обязанность претерпеть меры воздействия со

стороны государства, и как сами эти меры воздействия, и как процесс реального претерпевания мер воздействия. Понятно, что в зависимости от выбора научной позиции вопрос о связи ответственности и замены наказания может быть решен различным образом.

Не углубляясь в обсуждение проблемы, отметим, что в нашем представлении ответственность – это «определенный этап реализации прав и обязанностей субъектов уголовного правоотношения, когда лицо, совершившее преступление, принудительно привлекается к несению определенных законом лишений»¹, «реальное воплощение прав и обязанностей субъектов правоотношения, всегда конкретный элемент социальной действительности»², «основанное на уголовном законе и определяемое совершенным преступлением ухудшение правового статуса лица, заключающееся в лишении или ограничении его прав и свобод»³. При таком подходе ответственность – это элемент правового статуса лица, совершившего преступление, набор правоограничений, определенных приговором суда на основании уголовного закона в зависимости от характеристики основания ответственности и личности виновного.

Но ответственность не исчерпывает всего содержания правового статуса. Наряду с ответственностью как элементом статуса, статус определяется массой иных предписаний, в том числе не уголовно-правового характера. Поэтому корректировка правоограничений, не связанная с переоценкой основания ответственности, не может восприниматься как корректировка самой уголовной ответственности. Но она являет собой корректировку правового статуса осужденного лица за пределами ответственности. Это обстоятельство четко фиксируется правилами определения сроков исчисления судимости, которые зависят от наказания, назначенного по приговору суда, а не от наказания, фактически исполненного

¹ Келина С.Г. Теоретические вопросы освобождения от уголовной ответственности. М.: Юридическая литература, 1974. С. 26.

² Лесниченко И.П. Уголовная ответственность: понятие и проблемы реализации: дисс. ... канд. юрид. наук. Ставрополь, 2005. С. 51.

³ Мальцев В.В. Введение в уголовное право. Волгоград: ВА МВД России, 2000. С. 186.

(отбытого) в случаях замены наказания¹, а также правилом, согласно которому замена назначенных приговором наказаний, не связанных с лишением свободы, на лишение свободы, не может рассматриваться как осуждение лица к наказанию в виде лишения свободы для целей применения, в частности, ст. 18 и ст. 58 УК РФ. В уголовно-правовом отношении замена наказания, таким образом, влияет лишь на факт признания лица, в отношении которого была осуществлена замена наказания, отбывавшим лишение свободы для целей применения ст. 58 УК РФ. Во всех остальных аспектах уголовно-правовой статус лица остается неизменным. На этом основании можно вполне уверенно утверждать, что замена наказания составляет уголовно-правовое основание изменения уголовно-исполнительного статуса лица, осужденного за совершение преступления.

Подводя итоги исследованию вопроса о правовой природе замены наказания, представляется возможным сформулировать следующие основные выводы:

– отсутствие в современной науке устоявшихся или общепризнанных представлений о природе замены наказания обусловлено сохраняющейся нерешенностью и дискуссионностью вопроса о содержании уголовной ответственности, его соотношении с мерами уголовно-правового характера и правовым статусом лица, совершившего преступление;

– имеющиеся попытки определить правовую природу замены наказания в качестве формы реализации позитивной и негативной ответственности в уголовном праве, которые сосуществуют наряду с уголовной

¹ «В отношении лица, осужденного к лишению свободы, которому неотбытая часть наказания заменена более мягким наказанием, сроки погашения судимости исчисляются в соответствии с пунктами "в", "г" или "д" части 3 статьи 86 УК РФ со дня фактического освобождения от отбывания наказания (основного и дополнительного), избранного судом в порядке статьи 80 УК РФ. Если исходя из назначенного по приговору суда реального более мягкого, чем лишение свободы, наказания и категории преступления судимость в отношении лица должна погашаться в соответствии с пунктом "б" части 3 статьи 86 УК РФ, то замена в порядке исполнения приговора назначенного наказания или неотбытой его части лишением свободы (часть 5 статьи 46, часть 3 статьи 49, часть 4 статьи 50, часть 5 статьи 53, часть 6 статьи 53.1 УК РФ) не влияет на порядок исчисления срока погашения судимости, установленный указанной нормой». См.: Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 07.06.2022 № 14 «О практике применения судами при рассмотрении уголовных дел законодательства, регламентирующего исчисление срока погашения и порядок снятия судимости» (п. 11) // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2022. № 8.

ответственностью, не выдерживают критики, поскольку умножение видов отраслевой ответственности противоречит тенденциям и закономерностям развития уголовного права;

- попытки признать замену наказания мерой уголовно-правового характера, которая является составным элементом уголовной ответственности не выдерживают критики, поскольку приводят к смешению основания возложения уголовной ответственности, в качестве которого выступает преступление, и основания замены наказания, в качестве которого выступает постпреступное поведение;

- попытки признать замену наказания элементом прогрессивной системы исполнения наказания не выдерживают критики, поскольку приводят к уравниванию правовой природы принципиально различных инструментов замены правоограничений, составляющих сущность наказания, и составляющих режим исполнения наказания;

- замена наказания осуществляется в стадии исполнения вступившего в законную силу приговора (чем отличается от изменения наказания в судах проверочных инстанций); осуществляется в пределах нормативных параметров существующего уголовно-правового отношения (чем отличается от изменения наказания при изменении уголовного закона); вызвана необходимостью оценки постпреступного поведения лица, совершившего преступление (чем отличается от выбора наказания на этапе его назначения);

- замена наказания предполагает неизменность оценки совершенного преступления и неизменность оценки состоявшегося приговора, тем самым она не вторгается в сферу уголовной ответственности, не корректирует ее объем, но составляет элемент корректировки уголовно-исполнительного статуса лица, совершившего преступление;

- такая корректировка правового статуса predetermined необходимостью обеспечения в процессе существования уголовно-правового отношения гарантий реализации двух взаимосвязанных прав участников

уголовно-правового отношения: права государства на наказание и права лица, совершившего преступление, просить о смягчении наказания.

§ 2. Содержание и системные связи уголовно-правового института замены наказания

Нормативно-правовые предписания, ориентированные на регулирование отношений, возникающих в процессе замены наказания, основаны на положениях Конституции Российской Федерации, общепризнанных принципах и нормах международного права, рассредоточены в уголовном, уголовно-процессуальном, уголовно-исполнительном законодательстве, конкретизированы в ряде документов официального судебного толкования. Уже один этот факт обеспечивает сложность и многоаспектность изучения вопросов, связанных с их институциональной характеристикой, порождает проблемы установления отраслевой принадлежности, структурно-содержательных параметров и системных взаимосвязей. Сознвая это обстоятельство, но при этом оставаясь в пределах, заданных целью настоящего исследования, последующее изложение будет сосредоточено на институциональном анализе правовых характеристик именно уголовно-правовых предписаний о замене наказания, и все сопутствующие проблемы их институциональной характеристики будут исследованы сквозь призму результатов именно этого анализа¹.

¹ По этой причине за пределами анализа остаются вопросы, связанные с отражением проблем замены наказания в международном уголовном праве. Эти вопросы рассматриваются здесь весьма фрагментарно, учитывая цели и назначение соответствующих правовых актов (см. об этом, например: Международное уголовное право: российский концепт. Общая, Особенная и Специальная части. Учебник для вузов / под ред. В.П. Коняхина. М.: Проспект, 2025. С. 175). Тем не менее, в качестве основы для развития пенитенциарных практики и конструирования национальных правовых норм большое значение имеют, например, положения Токийский правил. Согласно ст. 9.1 документа, государство должно располагать широким выбором альтернативных мер, принимаемых после вынесения приговора, в целях отказа от тюремного заключения и оказания помощи правонарушителям для их быстрого возвращения к нормальной жизни в обществе. «Положения, действующие после вынесения приговора, могут включать следующие санкции: а) отпуск и помещение в исправительные учреждения полутюремного типа; b) освобождение в связи с работой или учебой; с) различные формы освобождения под честное слово; d) сокращение срока; e) помилование». При этом документ в ст. 9.4 закрепляет важно правило о том, что «любой вид освобождения из заключения для реализации программы, не связанной с тюремным заключением, рассматривается как можно раньше». См.: Минимальные стандартные правила Организации Объединенных Наций в отношении мер, не связанных с

В отраслевой научной литературе тезис о том, что уголовно-правовые предписания о замене наказания обладают свойством правового института, является достаточно распространенным. Между тем, спектр высказанных по этому поводу позиций, во-первых, весьма широк и не отличается единообразием; во-вторых, каждая из имеющихся позиций была сформулирована, по большей части, попутно, без надлежащего теоретического обоснования; в-третьих, значение представленных позиций ограничено, по большей части, констатирующим эффектом, поскольку тезис об институциональной природе замены наказания не получил в них необходимого развития, а сама замена наказания не исследована предметно с точки зрения собственно института уголовного права.

Не демонстрирует единства оценок и профессиональное мнение экспертов. Опрошенные при подготовке диссертации специалисты, отвечая на вопросы (в том числе контрольные) о содержании уголовно-правового института замены наказания, выбрали следующие ответы:

– институт замены наказания образуют все нормативные предписания, регулирующие как вопросы изменения вида наказания, установленного в санкции, в процессе его назначения, так и вопросы изменения вида наказания, назначенного судом, в процессе исполнения приговора – 35%;

– нормативные предписания, регулирующие вопросы изменения вида наказания, установленного в санкции, в процессе его назначения, и вопросы изменения вида наказания, назначенного судом, в процессе исполнения приговора, не образуют единого уголовно-правового института замены наказания – 55%;

– институт замены наказания образуют предписания, определяющие последствия совершения осужденным лицом действий, связанных с недобросовестным или добросовестным исполнением (отбыванием) уголовного наказания – 55%;

тюремным заключением (Токийские правила). Приняты 14.12.1990 Резолюцией 45/110 Генеральной Ассамблеи ООН // Сборник стандартов и норм Организации Объединенных Наций в области предупреждения преступности и уголовного правосудия. Нью Йорк: ООН, 2016. С. 91–101.

– институт замены наказания образуют предписания, определяющие возможности изменения назначенного судом наказания как при совершении осужденным каких-либо сознательно-волевых действий, так и при наступлении каких-либо событий (например, при амнистии или изменении уголовного закона) – 40%;

– институт замены наказания более мягким видом и институт замены наказания более строгим видом представляют собой различные уголовно-правовые институты – 40%.

Обобщенный анализ экспертного мнения и информации, представленной в научных источниках по теме, позволяет выделить три типологических подхода к исследованию институциональной природы замены наказания в зависимости от предлагаемого понимания объема этого правового института.

Первая группа авторов воспринимает в качестве института права всю совокупность предписаний, посвященных замене наказания.

Так, в специальном исследовании, наименование которого ориентирует на глубокое и всестороннее познание институциональных свойств замены наказания, соответствующий институт определяется как правовая система, совокупность юридических норм, взаимосвязанных и взаимодействующих между собой, содержательно включающая в себя нормы, закрепляющие понятие, цели, виды замены наказания, а также определяющие правовые основания замены¹.

Иное исследование акцентирует внимание на том, что нормы о замене наказания образуют самостоятельный институт в уголовном праве, хотя, по мнению автора, различные основания применения отдельных видов замены и не позволяют реализовать на практике предложение об исключении норм о

¹ Матвеев Д.Н. Замена наказания как институт уголовного права: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Рязань, 2006. С. 7, 12.

замене из соответствующих статей, их обособлении и размещении отдельным блоком после норм об освобождении от наказания¹.

Отдельные авторы высвечивают то обстоятельство, что замена наказания есть комплексный правовой институт с неоднородным содержанием, регулируемый: а) в одних случаях – совокупностью норм конституционного, уголовного и уголовно-исполнительного права; б) в других – совокупностью норм уголовного, уголовно-исполнительного и уголовно-процессуального права; в) в третьих, – только нормами уголовного права².

В другой работе в общем порядке констатируется, что замена наказания представляет собой уголовно-правовой институт, нормы которого регламентируют изменение вида уголовного наказания осужденному в связи с возникновением посткриминальных (новых) юридических фактов, которые вызывают возникновение новых (субсидиарных, вторичных) отношений, обуславливающих корректировку основного уголовно-правового отношения, возникшего в результате совершения преступления³.

Как видим, в работах, отнесенных нами к первой типологической группе, в понятие института замены наказания включаются положения закона и о смягчении, и об усилении ранее назначенного уголовного наказания, но вместе с тем, дискретным порядком указывается лишь на отдельные институциональные признаки этих нормативных предписаний: их системный характер, юридико-техническую необособленность, межотраслевые связи, нацеленность на регулирование отдельного участка уголовно-правовых отношений. Оставляя на данном этапе исследования без критической оценки существо высказанных позиций, заметим, что такая разрозненность и выборочность анализа не позволяет составить целостное представление о

¹ Абдуллин Э.М. Замена наказания в уголовном праве России (юридическая природа, виды, характеристика): дисс. ... канд. юрид. наук. Ульяновск, 2008. С. 50–51.

² Жуков А.В. Замена наказания в уголовном праве России: дисс. ... канд. юрид. наук. Самара, 2002. С. 31.

³ Сафин Л.Р. Ответственность осужденных за злостное уклонение от наказаний, не связанных с изоляцией от общества в российском уголовном праве: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Казань, 2004. С. 12.

замене наказания как об институте и потому не способствует существенному приращению теоретического знания.

Второй типологический подход к исследованию институциональной характеристики нормативных положений о замене наказания образует группа научных произведений, в которых обосновывается институциональная природа отдельных нормативных положений о замене наказания более мягким или более строгим видом наказания.

Так, например, С.Л. Бабаян признает замену наказания более мягким видом наказания межотраслевым поощрительным институтом права¹. О.В. Конкина (весьма противоречиво и несогласованно, кстати) пишет, что «замена неотбытой части наказания более мягким видом – это разновидность института замены наказаний, являющаяся мерой государственного поощрения и составной частью прогрессивной системы отбывания наказания»².

В свою очередь, О.Г. Демидов указывает, что нормы, устанавливающие ответственность за уклонение осужденного от наказаний, содержащиеся в Общей и Особенной частях уголовного закона, регламентируют однородные общественные отношения, а потому образуют самостоятельный институт уголовного права³. В.М. Степашин же доказывает, что замена наказания более строгим может рассматриваться в качестве межотраслевого института в механизме обеспечения реализации наказания и других мер ответственности, в то время как субинститутом замены наказания более строгим является отмена назначенной судом меры уголовно-правового характера с последующим фактическим отбыванием назначенного наказания⁴.

¹ Бабаян С.Л. Условно-досрочное освобождение и замена неотбытой части наказания более мягким его видом как межотраслевые поощрительные институты // Российское правосудие. 2012. № 9 (77). С. 77–84.

² Конкина О.В. Замена неотбытой части наказания более мягким видом наказания: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Рязань 2000. С. 8.

³ Демидов О.Г. Уклонение от наказания: уголовно-правовой и криминологический аспекты: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Рязань, 2004. С. 7.

⁴ Степашин В.М. Экономия репрессии как принцип уголовного права и его реализация в назначении наказания и мер уголовной ответственности: дисс. ... д-ра юрид. наук. Омск, 2019. С. 167; Степашин В.М. Институт замены наказания более строгим в механизме обеспечения наказания // Право. Законодательство. Личность. 2015. № 2 (21). С. 191–199.

Этот подход, как видим, не только не допускает признания единства правовой природы нормативных предписаний, регулирующих замену наказания более мягким и более строгим видов, но демонстрирует крайне неоднородное понимание природы самих институтов права, их видовой и содержательной характеристики.

Наконец, третья группа юристов, во многом следуя формальной логике закрепления изучаемых нами нормативных предписаний в тексте уголовного закона, воспринимают положения о замене наказаний не самостоятельным институтом (или институтами), а частью иных институциональных образований. Так, распространено мнение о том, что замена наказания более мягким видом является лишь элементом, составной частью института освобождения от уголовного наказания¹. Высказано также суждение о том, что предписания о замене наказания более строгим видом являются частью сложного института понятия и видов наказания².

Оценивая состояние научных исследований институциональной природы замены наказания, нельзя не признать, что они развиваются вне единой или хотя бы какой-то четко выраженной теоретической и методологической платформы, в связи с чем их результаты несопоставимы друг с другом, мало способствуют развитию науки и не могут быть признаны в полной мере удовлетворительными. Как верно отметил В.П. Коняхин, «разработанные в теории права и государства признаки правового института используются для описания институтов Общей части российского уголовного права, как правило, избирательно и в любом сочетании»; а в целом «уровень бессистемности и противоречивости в использовании понятия «институт» для описания в научных, научно-практических исследованиях и учебной литературе совокупностей уголовно-правовых предписаний, закрепленных законодателем в Общей части УК РФ, вряд ли может быть признан

¹ Дуюнов В.К., Подройкина И.А., Закомолдин Р.В. Освобождение от уголовной ответственности и от уголовного наказания в механизме уголовно-правового воздействия. М.: Юрлитинформ, 2022. С. 162–163.

² Усенко С.П. Субинституты российского уголовного права: дисс. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2023. С. 141.

терпимым»¹. Высказанные более двадцати лет назад, эти оценки не утратили своей актуальности. В связи с чем, представляется, что давно назрела необходимость поставить исследование институциональной природы замены наказания на прочный методологический фундамент².

В качестве такой основы полагаем оправданным и целесообразным использовать наработки, сложившиеся в рамках научной школы «Институциональные основы уголовного права Российской Федерации»³. Согласно определению, предложенному основателем школы, В.П. Коняхиным, уголовно-правовой институт – это закрепленный в рамках отдельной статьи, группы статей, главы или раздела уголовного закона структурный элемент уголовного права, представляющий собой совокупность нормативных предписаний, предназначенных для регулирования обособленной группы отношений⁴. Эта дефиниция была уточнена и дополнена М.С. Жуком, в трактовке которого институт уголовного права – это внешне оформленный структурный элемент отрасли уголовного права, представляющий собой подчиненную ее принципам и задачам, основанную на собственной идейной платформе систему уголовно-правовых норм, призванных целостно и беспробельно регулировать часть уголовно-правовых отношений, обусловленную спецификой порождающего их юридического факта. М.С. Жук особым образом выделил признаки уголовно-правового института: идейно-нормативное и соответствующее ему социологическое содержание; множественность норм; отраслевая чистота норм; обособленный признаками юридического факта предмет правового регулирования в рамках отрасли права; взаимосвязь идей и норм для решения задач целостного и

¹ Коняхин В.П. Теоретические основы построения Общей части российского уголовного права. СПб.: Юридический центр Пресс, 2002. С. 165, 167.

² Наше мнение по этому вопросу см.: Зелюка П.А. Замена наказания как уголовно-правовой институт // Вестник МГЛУ. Образование и педагогические науки. 2026. Вып. 2 (859). С. 124–131.

³ Обзор достижений школы см., в частности: Коняхин В.П., Прохорова М.Л., Куфлева В.Н. Институциональные основы уголовного права Российской Федерации // Российский следователь. 2024. № 1. С. 2–7; Коняхин В.П., Асланян Р.Г. Система уголовного права России: доктринальная модель кубанской научной школы // Труды Института государства и права РАН / Proceedings of the Institute of State and Law of the RAS. 2026. Т. 21. № 1. С. 123–155

⁴ Коняхин В.П. Теоретические основы построения Общей части российского уголовного права. СПб.: Юридический центр Пресс, 2002. С. 168.

беспробельного регулирования правоотношений; нацеленность на решение детализированных внутриотраслевых и внешних для отрасли социальных задач; внешнее оформление норм в структуре актов, составляющих источники уголовного права¹.

Не считая возможным оспаривать эти теоретические положения, отталкиваясь от них, полагаем необходимым построить последующий анализ в логике обсуждения вопроса о том, насколько нормативные предписания о замене наказания отвечают основным признакам правового института.

1. Множественность нормативных предписаний

Правовой институт образуют некоторое множество нормативных правовых предписаний². Это общая точка согласия всех, кто пишет об институтах права. Здесь важны два обстоятельства. Во-первых, содержание института составляют нормативные предписания. Этот факт специально подчеркивает Т.В. Кленова, отмечая невозможность отнесения к институтам уголовного права ненормативных элементов уголовно-правовой системы, поскольку это приводит к совмещению уголовного права в значении отрасли права, науки, учебной дисциплины и правоприменительной практики³. Во-вторых, эти предписания должны образовывать именно множество. При этом напомним, что в рамках кубанской научной школы, последовательно различающей нормативное предписание и статью уголовного закона, предполагается возможность закрепления множества нормативных

¹ Жук М.С. Институты российского уголовного права: понятие, система и перспективы развития: дисс. ... д-ра юрид. наук. Краснодар 2013. С. 104, 102

² См.: Коняхин В.П., Асланян Р.Г. Первичные системно-структурные элементы российского уголовного права // Российский следователь. 2024. № 1. С. 18–22.

³ Кленова Т.В. Соотнесение норм и предписаний в институтах уголовного права // Системность в уголовном праве: материалы II Российского конгресса уголовного права, состоявшегося 31 мая – 1 июня 2007 г. М.: Проспект, 2007. С. 186–187.

Стремление исследователей представить замену наказания в качестве института науки уголовного права, объединяющего идеи и положения конституционного, уголовного, уголовно-исполнительного и уголовно-процессуального права о регулировании определенной разновидности однородных общественных отношений, в целях их обособления в рамках учебного курса Общей части уголовного права (см. об этом: Жуков А.В. Замена наказания в уголовном праве России: дисс. ... канд. юрид. наук. Самара, 2002. С. 31) можно рассматривать как продолжение этой общей логики различения нормативного и теоретического содержания института. Хотя предложенная А.В. Жуковым трактовка института науки именно уголовного права как совокупности идей и положений, относящихся к различным отраслям научного знания, является крайне спорной и внутренне противоречивой.

предписаний в рамках одной многоабзацной статьи уголовного закона, а следовательно существование институциональных образований, состоящих и из одной статьи.

Сказанное заставляет определить номенклатуру нормативных предписаний, которые могут претендовать на то, чтобы составить институт замены наказания. Эти предписания закономерным образом должны демонстрировать единство их правовой природы. Если их набор будет бессистемным и разнородным, это исключит направленное и целевое воздействие предписаний на однородную группу правоотношений, а следовательно, и саму возможность признания их правовым институтом. С учетом проведенного ранее анализа правовой природы замены наказания, представляется возможным констатировать, что рассматриваемый институт формируют следующие нормативные предписания:

а) о замене более жестким видом в случае уклонения от исполнения назначенного судом наказания (ч. 5 ст. 46 УК РФ о замене штрафа, ч. 3 ст. 49 УК РФ о замене обязательных работ, ч. 4 ст. 50 УК РФ о замене исправительных работ, ч. 5 ст. 53 УК РФ о замене ограничения свободы, ч. 4 ст. 53¹ УК РФ о замене принудительных работ, ст. 314 УК РФ об ответственности за уклонение от отбывания ограничения свободы и лишения свободы¹);

б) о замене неотбытой части наказания более мягким видом (ст. 80 УК РФ);

в) о порядке соразмерного исчисления сроков и размеров различных видов уголовных наказаний (ч. 2 ст. 53¹, ч. 1 ст. 54, ч. 2 ст. 72 УК РФ).

Представленные три группы предписаний формируют смысловое ядро уголовно-правового института замены наказания. Но наряду с ними, вопросы,

¹ Включение ст. 314 УК РФ в перечень предписаний, формирующих исследуемый институт, на данном этапе исследования продиктован исключительно потребностью выявления всех положений закона, посвященных вопросам замены наказания. В последующем в работе аргументируется мысль о необходимости изменения природы закрепленных в этой статье предписаний и ее корректировки.

прямо или косвенно связанные с заменой наказаний, регулируются и иными уголовно-правовыми предписаниями.

С одной стороны, это положения ч. 2 ст. 84 УК РФ об амнистии и ч. 2 ст. 85 УК РФ о помиловании, которыми установлена возможность изменения вида отбываемого наказания, а также ч. 3 ст. 59 УК РФ о замене в порядке помилования смертной казни пожизненным лишением свободы, ч. 3 ст. 83 УК РФ о замене смертной казни пожизненным лишением свободы при невозможности применить сроки давности, ст. 10 УК РФ о возможности смягчения (в том числе и замены назначенного) наказания в порядке применения обратной силы закона, ст. 55 УК РФ о назначении содержания в дисциплинарной воинской части вместо лишения свободы, ч. 3 ст. 81 УК РФ о замене наказания военнослужащим в случае заболевания, делающего их негодными к военной службе, ч. 3 ст. 82 УК РФ о возможности замены наказания по истечении срока отсрочки его исполнения.

С другой стороны, это предписания ч. 3.2 ст. 79 УК РФ об особенностях исчисления срока отбытого наказания после его замены для применения досрочного освобождения, ч. 4 ст. 86 УК РФ об особенностях исчисления срока погашения судимости после замены наказания.

Как видим, в тексте уголовного закона достаточно много положений, связанных с заменой наказания. Но единство правовой природы демонстрируют только те три группы, которые выделены ранее, и которые нацелены на регулирование правоотношений, возникающих в связи с фактами правомерного или противоправного посткриминального поведения осужденного. Предписания статей 10, 55, 59, 81, 82, 83, 84, 85 УК РФ, как не предполагающие оценки посткриминального поведения осужденного лица, находятся, по нашему представлению, за пределами института замены наказания. Равным образом, предписания статей 79, 86 УК РФ, не составляя содержания института замены наказания, обеспечивают лишь «точки соприкосновения» его с иными правовыми институтами, гарантируя

системную согласованность всей совокупности уголовно-правовых институтов¹.

2. Обособленный признаками юридического факта предмет правового регулирования в рамках отрасли права

Общность правовой природы обособляемых конструкций замены наказания, их целевое и функциональное единство с необходимостью определяют тот факт, что исследуемое множество предписаний регулирует обособленный участок уголовно-правовых отношений, отличающийся общими характеристиками юридических фактов. Юридический факт и правоотношение здесь самым тесным образом связаны. В данном контексте важно обратить внимание на несколько моментов:

а) Юридическими фактами, порождающими необходимость особого регулирования замены наказания, выступает сознательное поведение осужденного лица. В науке была высказана мысль о том, что замена наказания, являясь формой индивидуализации наказания в процессе его исполнения, может быть связана либо с поведением субъекта (юридическим действием), либо с иными обстоятельствами, имеющими юридическое значение

¹ С точки зрения содержания и внутриотраслевых связей нормативных предписаний, формирующих институт замены наказания, важно обратить внимание на тот факт, что уголовный закон не содержит специальных положений, регулирующих замену наказания для отдельных категорий осужденных, в частности, несовершеннолетних. Этот пробел отчасти восполняется указаниями высшей судебной инстанции (п. 24 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 01.02.2011 № 1 «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних»; п. 5.9 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 20.12.2011 № 21 «О практике применения судами законодательства об исполнении приговора»). Это восполнение, однако, не решает всех возникающих проблем. В связи с чем в науке аргументируются идеи расширения нормативной основы института замены наказания и конструирования для этих целей специальных норм (см.: Жилиев Р.М., Строгович Ю.Н. Возвращаясь к проблеме замены неотбытой части наказания лишением свободы несовершеннолетним осужденным (по результатам экспертного опроса, проведенного в 2022 г.) // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2022. № 5. С. 9–11. Жилиев Р.М., Строгович Ю.Н., Зорин Д.Н. Совершенствование института замены неотбытой части наказания лишением свободы несовершеннолетним осужденным, злостно уклоняющимся от отбывания наказания в виде обязательных работ, исправительных работ, ограничения свободы: аналитические материалы. М.: ФКУ НИИ ФСИН России, 2022; Жилиев Р.М., Строгович Ю.Н. Применение института замены неотбытой части наказания лишением свободы к несовершеннолетним осужденным, злостно уклоняющимся от отбывания наказания в виде обязательных работ, исправительных работ, ограничения свободы в случае, если им не может быть назначено наказание в виде лишения свободы в соответствии с частью шестой статьи 88 Уголовного кодекса Российской Федерации: Аналитический обзор с предложениями. М.: ФКУ НИИ ФСИН России, 2017). Признавая перспективное значение этих предложений, но признавая вполне самостоятельный характер замены наказания несовершеннолетним (см. об этом, например: Терентьева В.А. Правовой режим освобождения несовершеннолетних от уголовного наказания: дис. ... д-ра юрид. наук. Кемерово, 2025), полагаем возможным в рамках нашей диссертации оставить этот вопрос за пределами специального анализа. В случае появления таких нормативных предписаний, они могут рассматриваться как элемент института замены наказания.

(событием)¹. Однако такой подход, кстати, поддерживаемый мнением 45 % опрошенных при проведении исследования экспертов, представляется не вполне оправданным. Юридические события (как то, изменение уголовного закона, достижение ребенком осужденного 14-летнего возраста, истечение срока давности привлечения к ответственности за преступления, наказываемые смертной казнью, заболевание военнослужащего и др.), безусловно, требуют корректировки наказания. Но такая корректировка в большей степени связана с идеей назначения или, если допустимо так выразиться, переназначения наказания. Избираемое в порядке такой «замены» наказание никак не связано с параметрами ранее назначенного наказания, а само слово «замена» употреблено законодателем, скорее всего, неточно с лингвистической точки зрения. В данном случае происходит назначение одного наказания вместо иного ранее назначенного (как, например, в ст. 10, 81, 82, 84, 85 УК РФ) либо ограничение или корректировка санкции статьи уголовного закона (как например, в ст. 55, 59 УК РФ). Замена же наказания в собственном смысле этого слова, всегда предполагает пересчет одного наказания, ранее назначенного по приговору суда, в другое. Не назначение или переназначение, а именно строго регламентированную процедуру «перевода», «обмена» одного вида наказания в другой. Причем такая трансакция выступает всегда формой государственной реакции на сознательные поступки осужденного лица².

б) Последнее обстоятельство (замена как реакция на поступки) заставляет связывать замену наказания с ответственностью, а юридический факт, порождающий необходимость замены, с категорией уголовно-правового

¹ Жуков А.В. Замена наказания в уголовном праве России: дисс. ... канд. юрид. наук. Самара, 2002. С. 18–24.

² Свои аргументы в пользу разграничения некоторых видов замены предлагает Э.М. Абдуллин. Он, в частности, указывает, что применяемая в актах амнистии замена наказания, равно как положение о возможности замены наказания вследствие изменения уголовного закона, не являются мерами индивидуализации наказания, поскольку связаны с переменами в уголовной политике государства в отношении конкретных категорий преступлений и неопределенного круга лиц. И по этой причине они не могут образовывать часть содержания института замены наказания. См.: Абдуллин Э.М. Замена наказания в уголовном праве России (юридическая природа, виды, характеристика): дисс. ... канд. юрид. наук. Ульяновск, 2008. С. 48.

отношения. В литературе была высказана мысль о том, что исследуемые юридические факты влекут возникновение новых (субсидиарных, вторичных) уголовно-правовых отношений, обуславливающих корректировку основного уголовно-правового отношения, возникшего в результате совершения преступления¹. По-видимому, в рамках этих вторичных отношений должна мыслиться и проуголовная ответственность за уголовные проступки, в качестве которых выступают основания замены наказания². Однако эти предложения, сколь бы убедительными не казались, по причине своей свехоригинальности не согласуются, «не монтируются» с общепринятым учением об уголовно-правовых отношениях и уголовной ответственности. Ведь если замена наказания – вид ответственности, она не может наступать вследствие позитивного поведения (если, конечно, не допускать существование позитивной ответственности в интерпретации И.Э. Звечаровского), и тем более не может наступать вследствие таких юридических фактов, которые относятся к категории событий. Иное – либо влечет разрыв учения об уголовной ответственности, либо разрыв системного единства нормативных предписаний о замене наказания. И если юридические факты замены наказания влекут за собой возникновение новых уголовно-правовых отношений, то следует признать наличие этих отношений в качестве составной части предмета уголовного права (на что наука не решается), а самое главное, следует возразить против того, чтобы эти самостоятельные отношения интегрировались, сливались с классическими уголовно-правовыми отношениями. Самостоятельность отношений и ответственности требует их параллельного сосуществования: санкции разных видов ответственности должны сосуществовать, но подменять одна другую, не взаимодействовать до уровня смешения. Но такой подход лишает институт замены наказания в его существующем виде социальных оснований.

¹ Сафин Л.Р. Ответственность осужденных за злостное уклонение от наказаний, не связанных с изоляцией от общества в российском уголовном праве: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Казань, 2004. С. 12.

² Лошенкова Е.В. Ответственность в уголовном праве: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2007. С. 8, 22–28.

Таким образом, попытки обосновать в ситуации замены наказания наличие особых видов правоотношений, порождаемых особыми юридическими фактами, нельзя признать удачными. Гораздо больше теоретических оснований считать, вслед за В.К. Андриановым, что все, за исключением преступлений, волевые действия как юридические факты в уголовном праве, распадаясь на две группы – неправомерные и правомерные, не влекут за собой возникновение уголовно-правовых отношений, но лишь изменяют ранее возникшее в связи с преступлением уголовное правоотношение, а в некоторых случаях и прекращают его¹. Такое теоретическое понимание механизма действия замены наказания было поддержано 56 % опрошенных специалистов в области уголовного права.

Этот тезис создает надежную и, что немаловажно, согласуемую с иными учениями, теоретическую основу понимания института замены наказания. Его образуют нормы, которые со строго определенными видами юридических фактов – правомерными и неправомерными действиями осужденного лица – связывают изменение уголовно-правового отношения, возникшего в связи с совершением преступления, за которое лицо уже осуждено. Вот тот участок уголовно-правового регулирования, который выступает социальной основой существования института замены наказания.

3. Идейное единство и нацеленность на решение детализированных внутриотраслевых и внешних для отрасли социальных задач

Единая правовая природа конструкций замены наказания, общий для соответствующих правовых предписаний участок и механизм правового регулирования, составляя важные параметры институциональной природы замены наказания, дополнительно подкрепляются идейным (идеологическим) единством нормативных положений и общностью их функциональной роли.

Идейное единство предписаний, образующих правовой институт, обеспечивается за счет их связанности и подчиненности общим принципам.

¹ Андрианов В.К. Юридические факты в уголовном праве: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2013. С. 11, 20–21. См. также: Андрианов В.К. Освобождение от наказания и динамика уголовных правоотношений // Российское правосудие. 2024. № 5. С. 84–91.

Принципы – часть нормативного материала правового института. Это не просто идеи или правовые пожелания. Это, как правильно пишет В.В. Ершов, фундаментальная внешняя форма российского права, определяющая его сущность, обеспечивающая сбалансированное состояние, взаимосвязь, целостность и внутреннее единство, а также непротиворечивость, ожидаемость, последовательность и предсказуемость правотворческого и правореализационного процессов¹. Принципы – наиболее общая форма права. Их содержание конкретизируется по мере перехода от общей системы права к отдельным отраслевым институтам. Это важно для понимания логики соотношения отраслевых, подотраслевых и институциональных принципов уголовного права. А.С. Усенко замечает по этому поводу: «Институциональные принципы конкретизируют отраслевые, подотраслевые – обобщают институциональные. Но в рамках одного структурного подразделения отрасли (подотрасли или института) принципы разного уровня не могут сосуществовать. Нельзя говорить об отраслевых, подотраслевых и институциональных принципах как компонентах подотрасли уголовного права. Элементом содержания подотрасли способны выступать только подотраслевые принципы»². Все сказанное в полной мере приложимо и к принципам уголовно-правового института замены наказания. На уровне этого института права существует только один уровень принципов – принципы института, которые являют собой конкретизацию принципов отрасли уголовного права. При этом важно отметить, что в силу специфики природы принципов, они не имеют границ или пределов действия в пространстве отрасли. В той или иной степени каждый из них в отдельности и все они в совокупности определяют содержание всех нормативных предписаний. Однако в пространстве отдельных правовых операций, составляющих предмет правового регулирования отдельного уголовно-правового института, значение

¹ Ершов В.В. Российское право с позиций легизма и интегративного понимания // Российское правосудие. 2011. № 10 (66). С. 21.

² Усенко А.С. Подотрасли уголовного права: теоретико-прикладное исследование: дисс. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2025. С. 66.

одного принципа может быть экстраординарным, превалирующим, определяющим, тогда как значение других – более тривиальным. В институте замены наказания таким принципом, имеющим особенное значение, выступает принцип соразмерности.

В российской правовой системе принцип соразмерности традиционно понимается как общеправовой принцип, по преимуществу оказывающий существенное влияние на регулирование конституционно-правовых отношений¹; его влияние на право в рамках отдельных регулятивных или охранительных отраслей оценено в меньшей степени². Тем не менее, юристы признают, что утверждение принципа соразмерности исторически было связано именно со сферой применения наказания за правонарушение, где требовалось обеспечить соответствие наказания совершенному деянию, и лишь впоследствии он стал использоваться в целом для определения пределов осуществления государственной власти и, соответственно, допустимых ограничений прав человека в процессе реализации публично-властных полномочий³.

Возвращая общеправовые требования на отраслевой уровень и конкретизируя соразмерность применительно к условиям замены наказания, надо отметить, что данный принцип не только на уровне правотворчества, но и в сфере правоприменения, предполагает постоянное тестирование мер, применяемых в отношении лица, осужденного за преступление, на пропорциональность. Количество и содержание вопросов этого теста может

¹ См., например: Должиков А.В. Соразмерность как общеправовой принцип в конституционном правосудии России (на примере основных социальных прав): дисс. ... д-ра юрид. наук. СПб., 2022; Хорунжий С.Н. Пропорциональность как самостоятельный конституционный принцип // Конституционализм и государство. 2022. № 2 (26). С. 9–24.

² В сфере частного права имеется крупная работа Д.И. Дедова на этот счет (Дедов Д.И. Реализация принципа соразмерности в правовом регулировании предпринимательской деятельности: дисс. ... д-ра юрид. наук. М., 2005). В сфере права уголовного библиография насчитывает лишь единичные статьи по теме (см., например: Гузеева О.С. Конституционные начала соразмерности и пропорциональности уголовного наказания // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2021. № 3 (91). С. 73–81; Урусов А.А. Принцип пропорциональности при злостном уклонении от отбывания уголовного наказания // Правоприменение в публичном и частном праве: Материалы международной научной конференции (Омск, 29 марта 2024 г.). Омск: Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, 2024. С. 201–207).

³ Шлиник Б. Пропорциональность. К проблеме баланса фундаментальных прав и общественных целей // Сравнительное конституционное обозрение. 2012. № 2 (87). С. 56–76.

текстуально различаться в разных правовых порядках и в разных доктринальных источниках. Но смысл тестирования остается единым. Тест на пропорциональность предполагает последовательное решение следующих вопросов: 1) преследовали ли органы власти, реализуя те или иные ограничительные меры, легитимную цель, 2) были ли эти меры релевантны данной цели, 3) необходимы для ее достижения и, наконец, 4) соблюден ли справедливый баланс между необходимостью достижения данной цели и теми обременениями, которые было вынуждено претерпеть частное лицо¹. Пригодность правоограничений для достижения желаемой цели, их минималистичность и соразмерность² – вот три базовых параметра проверки.

В своих решениях Конституционный Суд Российской Федерации неоднократно подтверждал ценность и значимость соразмерности и пропорциональности как принципа правового регулирования. Он, в частности, указывал:

– недопустимо избыточное государственное принуждение, не адекватное тому вреду, который причинен в результате правонарушения, и нарушающее баланс основных прав индивида и общего интереса, состоящего в защите личности, общества и государства от противоправных посягательств³;

– характер и содержание устанавливаемых уголовным законом мер должны определяться исходя не только из их обусловленности целями защиты конституционно значимых ценностей, но и из требования адекватности

¹ Бажанов А.А. Соразмерность как принцип права: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук М., 2019. С. 11.

² Переверзев А.А. Основания ограничения конституционных прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Ставрополь, 2006. С. 9.

³ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 27.05.2008 № 8-П «По делу о проверке конституционности положения части первой статьи 188 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки М.А. Асламазян» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2008. № 24. Ст. 2892; Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 16.07.2015 № 22-П «По делу о проверке конституционности положения статьи 226.1 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан Республики Казахстан О.Е. Недашковского и С.П. Яковлева» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2015. № 30. Ст. 4659.

порождаемых ими последствий тому вреду, который был причинен в результате преступных деяний¹.

Замена наказания призвана на вполне определенном участке уголовно-правового регулирования гарантировать соблюдение начал соразмерности и пропорциональности при применении наказания. Соразмерность при этом оценивается с двух сторон:

– во-первых, с точки зрения того, насколько соразмерны, пропорциональны меры, применяемые в настоящий момент времени к лицу, осужденному за преступление, с учетом актуальных оценок и данных о совершенном им преступлении и личности. Речь в этом случае идет не о переоценке кары, примененной в момент постановления приговора и вступления его в силу. Соразмерность приговора на этом этапе развития уголовно-правовых отношений не ставится под сомнение. Речь идет о том, насколько адекватен объем применяемого государством принуждения спустя определенное время после вступления приговора в силу с учетом изменившихся параметров оценки личности виновного².

– во-вторых, с точки зрения того, насколько мера, применяемая в порядке замены уже исполняемого (или неисполняемого) наказания, адекватна и соразмерна тем действиям (бездействию), которые выступают юридическим фактом для проведения замены³.

¹ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 8.12.2009 № 19-П «По делу о проверке конституционности подпункта 4 статьи 15 Федерального закона «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию» в связи с жалобами граждан В.Ф. Алдошиной и Т.С.-М. Идалова» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2009. № 50. Ст. 6145.

² В этом нельзя не усматривать некоторой связи (по большей части, исторической и логической) института замены наказания с идеей вынесения судом неопределенных приговоров, срок конкретного наказания в котором мог корректироваться в большую или в меньшую сторону органами исполнения наказания. См. об этом, например: Новиков Е.Е. О продлении срока лишения свободы как элементе института неопределённых приговоров в законодательстве России второй половины XIX – первой четверти XX вв // Вестник Томского института повышения квалификации работников ФСИН России. 2024. № 2 (20). С. 94–104; Полянский П.Л. Зарождение института неопределенных приговоров в советском законодательстве 1918–1921 гг. // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. 2023. № 5. С. 3–27; Полянский П.Л. Неопределенные приговоры в советском законодательстве, практике и науке периода нэпа // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. 2024. № 1. С. 3–26.

³ В этом случае соразмерность непосредственно связана с законностью и правовой определенностью. Суды осуществляют только такое вмешательство в урегулированные ранее уголовно-правовые отношения, которое установлено законом. Они не должны допускать расширенного, суженного или неправильного толкования определенных законом оснований, способов и целей такого вмешательства, для достижения которых оно, согласно закону, может осуществляться. См. об этом: Евтошук Ю.О. Требования принципа пропорциональности в сфере правоприменения // Современное право. 2013. № 2. С. 118.

Принцип соразмерности, таким образом, определяет и ориентирует содержание института замены наказания двуединым образом: как с точки зрения оценки оснований замены, так и с точки зрения оценки результата такой замены: для того, чтобы обеспечить соразмерность наказания, необходимо провести соразмерную замену наказания. Эти идейные установки предопределяют и функциональное назначение института замены наказания в уголовном праве.

4. Отраслевая чистота нормативных предписаний и их связи с иными элементами отрасли и системы права

Этот признак уголовно-правового института демонстрирует его структурное положение в системе права: с одной стороны, относительную обособленность, а с другой – наличие тесных связей с иными правовыми положениями. Он же дает основание для правильной оценки отраслевой принадлежности института.

В литературе было высказано несколько различных суждений относительно содержательно-структурного наполнения института замены наказания. Так, отталкиваясь от идеи классификации видов замены наказания, А.В. Жуков пишет: в зависимости от органа и процедуры принятия решения замена наказания может применяться: а) во внесудебном порядке – по решению органов государственной власти в порядке помилования или амнистии; б) в судебном порядке; в зависимости от стадии уголовного процесса замена наказания может при меняться: а) при назначении наказания судом и при обращении к исполнению приговора; б) в процессе исполнения назначенного судом наказания (видами такой замены являются замена наказания более мягким видом наказания и замена наказания более строгим видом наказания)¹. На этой основе А.В. Жуковым предлагается «новый подход к трактовке института замены наказания в широком и узком смысле». Замена

¹ Жуков А.В. Замена наказания в уголовном праве России: дисс. ... канд. юрид. наук. Самара, 2002. С. 18–24. Такие идеи поддержаны и иными авторами, см., например: Абдуллин Э.М. Замена наказания в уголовном праве России (юридическая природа, виды, характеристика): дисс. ... канд. юрид. наук. Ульяновск, 2008. С. 9.

наказания в широком смысле трактуется им как совокупность уголовно-правовых норм, предусматривающих возможность изменения вида установленного в санкции статьи УК РФ за совершенное деяние вида наказания как при его назначении, так и в процессе исполнения наказания. Замена наказания в узком смысле определяется как совокупность норм уголовного права, регламентирующих основания, правовые условия и порядок изменения судом вида уголовного наказания в ходе его исполнения с целью стимулирования осужденных к добросовестному отношению к отбыванию назначенного судом наказания¹.

При всей своей оригинальности эти суждения заслуживают, как представляется критической оценки. Умножение подходов («в широком смысле», «в узком смысле») для определения института права – методологически ошибочный путь. Равно как не вполне удачно в том случае и применение дедуктивной логики градации всего массива правовых предписания, связанных с изменением наказания, поскольку в процессе его реализации в качестве единого массива предписаний использованы положения закона, регулирующие принципиально различные ситуации выбора, назначения, изменения и замены наказания.

Настаивая на том, что институт замены наказания сформирован нормативными предписаниями, предполагающими оценку посткриминального, пенитенциарного поведения осужденного лица, в контексте соразмерности и пропорциональности оказываемого на него государственного принуждения, отметим, что в рассуждениях А.В. Жукова гораздо больше оснований для установления внутриотраслевых связей исследуемого института, нежели для описания его содержания и видовой характеристики.

А.В. Жуков настаивает на том, что институт замены наказания есть комплексный уголовно-правовой институт. Вместе с тем, отношение к

¹ Жуков А.В. Замена наказания в уголовном праве России: дисс. ... канд. юрид. наук. Самара, 2002. С. 32.

комплексным элементам структуры права в науке неоднозначно. С.В. Поленина указывала, что комплексный институт права может существовать внутри отдельно взятой отрасли, представляя собой «вторичную перегруппировку» норм данной отрасли права, охватываемых разными отраслевыми институтами¹. Аналогичны суждения М.С. Жука, который пишет, что комплексный отраслевой институт включает в себя нормы, относящиеся к нескольким однородным уголовно-правовым институтам². Ю.К. Толстой вообще отмечал, что комплексный институт является результатом систематики права по критерию, произвольно выбранному систематизатором, что он есть «результат систематизации, находящийся за пределами системы права»³. При таких оценках комплексный институт – не столько структурный элемент системы отрасли уголовного права, сколько элемент научной обработки этой системы, то есть результат теоретических построений. В качестве такового он не может оспариваться, но и претендовать на полноценный статус правового института едва ли способен.

Комплексность должна служить характеристикой не столько самого по себе правового института, сколько его связей с иными структурными компонентами отрасли права. Важно при этом подчеркнуть, что наличие внутриотраслевых связей остается лишь внешней характеристикой института и не приводит к тому, что взаимосвязанные однородные институты приобретают статус нового, самостоятельного института уголовного права.

Институт замены наказания внутри отрасли уголовного права имеет тесные системные связи, как минимум, с тремя самостоятельными уголовно-правовыми институтами: с институтом видов уголовного наказания⁴,

¹ Поленина С.В. Комплексные правовые институты и становление новых отраслей права // Известия вузов. Правоведение. 1975. № 3. С. 74.

² Жук М.С. Институты российского уголовного права: понятие, система и перспективы развития: дисс. ... д-ра юрид. наук. Краснодар 2013. С. 165–166.

³ Толстой Ю.К. О теоретических основах кодификации гражданского законодательства // Известия вузов. Правоведение. 1975. № 1. С. 45.

⁴ В науке было обосновано существование особого правового феномена – заменяющих наказаний. Заменяющие наказания, – пишет М.М. Нурмиев, – это определенные виды наказаний, применяемые в судебном порядке либо по амнистии или помилованию вместо предусмотренных в санкции статьи Особенной части УК РФ, либо взамен уже назначенного наказания в процессе его исполнения и отбывания, при наличии оснований, определенных в уголовном законе, выступающие в качестве средства дифференциации и

институтом назначения наказания и институтом освобождения от наказания. Акцентирование внимания на слово «связь» и содержание самой связи призвано еще раз подчеркнуть недопустимость отнесения к институту замены наказания нормативных предписаний, которые относятся к иным уголовно-правовым институтам.

В частности, как верно указывает Л.Р. Сафин, «к институту замены наказания не могут быть отнесены нормы, имеющие отношение к институту назначения наказания»¹. Связь между этими институтами, безусловно, имеется, и продиктована общим влиянием принципа соразмерности наказания, предопределяющим его индивидуализированное применение в любых процедурах – от назначения до замены. Но связь не предполагает, что замена наказания есть часть института его назначения, учитывая, что в основе назначения и замены лежат качественно различающиеся юридические факты, осуществляются эти виды процессуальной деятельности в различающихся процедурах, преследуют различные цели и т.д.

индивидуализации уголовной ответственности и наказания, направленные на повышение гарантий достижения прежде всего целей исправления осужденного и предупреждения новых преступлений. Заменяющее наказание является элементом либо санкции статьи Особенной части УК РФ, либо уголовно-правовой санкции, регламентированной в Особенной и Общей частях УК РФ. В трактовке М.М. Нурмиева заменяющие наказания являются комплексным правовым институтом, который регулируется в одних случаях совокупностью норм конституционного, уголовного и уголовно-исполнительного права, в других совокупностью норм уголовного, уголовно-исполнительного и, уголовно процессуального права и в третьих – только нормами уголовного права. С содержательной точки зрения этот институт, по мысли автора, включает нормы, регламентирующие назначение, исполнение наказания, а также его замену (см.: Нурмиев М.М. Заменяющие наказания по российскому уголовному праву: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Казань, 2005. С. 6–7). В рамках настоящей работы нет возможности углубляться в дискуссию с М.М. Нурмиевым, но позволим себе высказать критическую оценку его концепции, как в принципе не соответствующей общему учению о правовом институте. Заменяющие наказания (как бы их не определять) не создают особого вида наказания и не нацелены сами по себе на регулирование особого вида правоотношений. Специфика ситуации – не в заменяющих наказаниях, а в замене наказания. Способность выступать в качестве заменяющего – это лишь один из признаков наказания, характеристика системных параметров самой системы наказаний. Эта характеристика не образует сама по себе нового правового феномена. Но именно способность наказаний к самозамене, их взаимодействие между собой (см. об этом: Сакаев А.И. Система наказаний по уголовному праву России: история и современность: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Самара, 1999; Бочкарева Ю.В. Проблемы совершенствования системы наказаний в уголовном законодательстве Российской Федерации: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Тамбов, 2009; Подройкина И.А. Теоретические основы построения системы наказаний в уголовном законодательстве России: автореф. дисс. ... д-ра юрид. наук. Омск, 2017) выступают необходимым условием существования института замены наказания, обеспечивает связь института замены наказания с институтом наказания, гарантирует преемственность и соблюдение начал соразмерности уголовно-правового воздействия на этапе назначения и исполнения уголовного наказания.

¹ Сафин Л.Р. Ответственность осужденных за злостное уклонение от наказаний, не связанных с изоляцией от общества в российском уголовном праве: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Казань, 2004. С. 12.

Равным образом, недопустимо отнесение положений о замене наказания к институту освобождения от наказания. Как по причине того, замена предполагает не только ослабление, но и усиление карательного воздействия на преступника, так и по причине того, что при замене наказания в принципе не происходит освобождения от его отбывания (на что уже было обращено внимание ранее).

Признание института замены наказания однородным (не комплексным) уголовно-правовым институтом позволяет с тех же теоретических позиций оспорить тезисы о его межотраслевой природе. Понимание межотраслевых институтов в науке весьма разноречиво. Не углубляясь в широкое обсуждение, можно обозначить две позиции на их счет.

В представлении некоторых специалистов межотраслевые институты проявляются в сфере действия родственных отраслей права; представляют собой не механическую совокупность, а гармоничный сплав разноотраслевых правовых норм, регулирующих однородные отношения; такие институты формируются, когда к предмету одной отрасли права начинает применяться метод иной отрасли права, вследствие чего стандартные (общие) правовые нормы проходят существенную переработку, модификацию применительно к специфике предмета и/или метода правового регулирования другой отрасли¹. По мнению В.М. Сырых, межотраслевой (он его называет комплексным) институт следует понимать как совокупность норм, с помощью которых в отдельной отрасли права, применительно к специфике ее предмета, конкретизируются и дополняются нормы других отраслей права, а регулятивное действие этих норм ограничивается предметом данной отрасли права².

В трактовке других исследователей, межотраслевой характер института обеспечивается за счет сведения в рамки единого института норм права,

¹ Денисова А.В. Межотраслевые правовые институты как средство обеспечения системности российского уголовного законодательства // Общество и право. 2011. № 1 (33). С. 95.

² Сырых В.М. Комплексные институты как компоненты системы российского права// Журнал российского права. 2002. № 10. С. 25.

принадлежащих к различным отраслям, но связанных с решением какой-либо одной юридической проблемы. По этой причине межотраслевые институты являют собой, по большей части, механическое объединение разноотраслевых норм, в рамках которого часть норм, например, определяет основание применения какой-либо меры воздействия, а иная часть – порядок ее применения. По этой причине межотраслевые институты воспринимаются не как система отрасли права, а как часть системы права в целом¹.

Соотнося эти представления с содержанием нормативных предписаний, регулирующих вопросы замены наказания, надо признать, что по предмету и методу своего регулирования такие предписания остаются сугубо уголовно-правовыми и не предполагают ни внедрения уголовно-правового метода в регулирование иноотраслевых отношений, ни применения нетипичного для уголовного права метода для регулирования типичных уголовно-правовых отношений. В связи с чем первый из изложенных вариантов понимания межотраслевого института неприменим для характеристики института замены наказания. Что касается второго из представленных вариантов, то он едва ли выдерживает теоретическую критику, поскольку любые нормы материального права требуют соответствующего процессуального и процедурного сопровождения, но это не дает оснований для оценки любого института материального права в качестве межотраслевого.

Оставаясь, таким образом, сугубо отраслевым институтом уголовного права, институт замены наказания, тем не менее, связан и взаимодействует с правовыми институтами иных отраслей права, прежде всего, с уголовно-исполнительными институтами исполнения отдельных видов наказания, а также с уголовно-процессуальным институтом пересмотра уголовного дела в порядке апелляции или кассации².

¹ См., например: Крымов А.А. Передача осужденных лиц для дальнейшего отбывания наказания как межотраслевой комплексный институт права // Lex Russica (Русский закон). 2014. Т. 96, № 9. С. 1114–1119.

² См. об этом, например: Жуков А.В. Замена наказания в уголовном праве России: дисс. ... канд. юрид. наук. Самара, 2002. С. 34.

5. Взаимосвязь идей и норм для решения задач целостного и беспробельного регулирования правоотношений

Принципы и нормативные предписания, формирующие институт замены наказания, функционально взаимосвязаны и имеют единую целевую устремленность. Эти системные параметры, подкрепленные внутриотраслевыми и межотраслевыми связями, призваны гарантировать целостность и беспробельность регулирования того участка правоотношений, который выступает предметом регулирования института замены наказания. В литературе неоднократно подчеркивалась значимость этого признака правового института. Сумма юридически однородных уголовно-правовых норм, регулирующих специфический тип уголовно-правовых отношений, только тогда может считаться институтом, если она обеспечивает «цельное», «относительно законченное», «беспробельное» правовое регулирование. Целостность и беспробельность уголовно-правового регулирования – это «точка притяжения» норм, образующих институт, признак, исходя из которого можно и нужно строить работу по совершенствованию уголовного права¹.

Оценивая с этой точки зрения совокупность предписаний, посвященных замене наказания, надо отметить два обстоятельства:

– с одной стороны, в структурно-композиционном отношении институт замены наказания в полной мере соответствует требованиям рассматриваемого признака, поскольку включает три группы взаимосвязанных нормативных предписаний – о замене назначенного и отбываемого наказания на более мягкое, на более строгое наказание, а также о порядке их взаимного пересчета, что должно гарантировать целостность правового регулирования соответствующего участка уголовно-правовых отношений;

– с другой стороны, в содержательном отношении имеющиеся нормативные правовые предписания обнаруживают определенную

¹ Жук М.С. Институты российского уголовного права: понятие, система и перспективы развития: дисс. ... д-ра юрид. наук. Краснодар 2013. С. 98, 99.

недостаточность, связанную с характеристикой оснований замены наказания и калькуляцией наказаний отдельных видов. Не предпрещая сейчас вопроса о содержании этих недостатков (этому будет посвящена следующая глава исследования), выскажем лишь самое общее суждение о том, что восполнение нормативной недостаточности составляет существенный резерв для совершенствования уголовного закона.

Целостность и беспробельность регулирования вопросов замены наказания, выступая в качестве институционального признака и конституционно значимой характеристики исследуемой группы нормативных правовых предписаний, вместе с тем отражает и общие цели права – создать заранее определенный, полноценный и не допускающий пробелов механизм упорядочения социальной практики. Хотя само по себе наличие пробела в законе не образует оснований для категоричной конституционной дисквалификации законов (восполнение пробелов в действующем регулировании является исключительной прерогативой законодателя), Конституционный Суд Российской Федерации подчеркивает, что если вследствие пробела в законе возникает непреодолимое с помощью ординарных юрисдикционных средств его противоречивое толкование и применение, ставящее под сомнение соблюдение принципа равноправия, вопрос нормативной достаточности закона приобретает конституционный характер¹. Таким образом, вопрос нормативной недостаточности – это, среди прочего, вопрос о перспективах и механизме ее восполнения и, как следствие, вопрос о внешней форме выражения правового института. Некоторые упущения в содержании уголовно-правового института могут быть оценены как проявление квалифицированного умолчания законодателя, для восполнения которого достаточно выработать и обнародовать согласованную позицию судебной практики (например, принять постановление Пленума

¹ Информация Конституционного Суда Российской Федерации «Методологические аспекты конституционного контроля (к 30-летию Конституционного Суда Российской Федерации)». Одобрено решением Конституционного Суда Российской Федерации от 19.10.2021. URL: <https://www.ksrf.ru/about/Maintenance/Documents/Aspects2021.pdf> (дата обращения: 20.12.2025).

Верховного Суда Российской Федерации); иные упущения – как правовой пробел в подлинном смысле, при котором отсутствует должное, обеспечивающее эффективное нормативное упорядочение соответствующих отношений, регулирование¹, восполнить который может исключительно законодатель.

6. Внешнее оформление нормативных предписаний в структуре актов, составляющих источники уголовного права

Изложенное выше относительно содержания уголовно-правового института замены наказания закономерно подводит к обсуждению вопроса о том, насколько оптимально составляющее этот институт множество предписаний оформлено в источниках уголовного права. Форма в праве имеет особое значение. От того, где и как закреплены нормативные предписания зависит многое – от демонстрации их юридической силы до возможности адекватного восприятия и правильного применения.

При обсуждении внешней формы закрепления правового института следует учитывать:

– во-первых, полиисточниковый характер отрасли уголовного права², который обуславливает тот факт, что предписания, формирующие институт замены наказания, выражены не только в УК РФ, но и в иных иерархически

¹ Информация «Конституционно-правовые аспекты совершенствования нормотворческой деятельности (на основе решений Конституционного Суда Российской Федерации 2013–2015 годов)». Одобрено решением Конституционного Суда Российской Федерации от 23.06.2016. URL: https://www.ksrf.ru/about/Maintenance/Documents/Information_2015.pdf (дата обращения: 20.12.2025).

² Обоснование этого тезиса представлено в научной литературе и не нуждается, на наш взгляд, в дополнительных подтверждениях. См., например: Шаргородский М.Д. Курс уголовного права. Т. 3. Уголовный закон. М.: Юрид. изд-во, 1948. С. 16–51; Коняхин В.П. Теоретические основы построения Общей части российского уголовного права. СПб.: Юридический центр Пресс, 2002. С. 76–128; Ображиев К.В. Система формальных (юридических) источников российского уголовного права. М.: Юрлитинформ, 2015 и др.

Официальным подтверждением источникового статуса постановлений Пленума Верховного Суда РФ стало принятие Федерального закона «О внесении изменений в статью 5 Федерального конституционного закона "О Верховном Суде Российской Федерации"». Соответствующий законопроект был инициирован самим Верховным Судом РФ и направлен на формирование дополнительных правовых средств обеспечения единообразия судебной практики (Законопроект № 1241629-8 «О внесении изменений в статью 5 Федерального конституционного закона "О Верховном Суде Российской Федерации" (об обеспечении единообразия судебной практики)». URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/1241629-8> (дата обращения: 10.07.2026). Согласно внесенным изменениям, за разъяснениями Пленума Верховного Суда РФ по вопросам судебной практики был признан статус «руководящих»,

соподчиненных отраслевых источниках, прежде всего, во множестве постановлений Пленума Верховного Суда Российской Федерации¹;

– во-вторых, внутреннее структурирование уголовного закона (как основного источника отрасли), его архитектонику, в рамках логики которой каждое из укрупненных подразделений закона (глава, раздел) посвящается тому или иному структурному компоненту отрасли права (институт, подотрасль, субинститут)²;

– в-третьих, сложный и иерархический характер нормативных предписаний, составляющих уголовно-правовой институт. На вершине этой системы будут стоять общие и декларативные положения, затем – дефинитивные, следом – основные предписания, затем – детализирующие и вариативные, замыкать систему будут оперативные и коллизионные предписания³; при том, что каждый вид нормативного предписания может требовать специализированного источника своего формального закрепления.

Принимая во внимание эти обстоятельства, стоит признать, что в настоящий момент уголовно-правовой институт замены наказания не имеет в принципе надлежащей формы своего внешнего выражения. Наибольшую

¹ Наиболее значимыми следует признать: Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 22.12.2015 № 58 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2016. № 2; Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 21.04.2009 № 8 «О судебной практике условно-досрочного освобождения от отбывания наказания, замены неотбытой части наказания более мягким видом наказания» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2009. № 7; Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 20.12.2011 № 21 «О практике применения судами законодательства об исполнении приговора» // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2012. № 3; Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 01.02.2011 № 1 «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2011. № 4; Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29.05.2014 № 9 «О практике назначения и изменения судами видов исправительных учреждений» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2014. № 7; Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 18.05.2023 № 11 «О практике рассмотрения судами уголовных дел о преступлениях против военной службы» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2023. № 7; Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 07.06.2022 № 14 «О практике применения судами при рассмотрении уголовных дел законодательства, регламентирующего исчисление срока погашения и порядок снятия судимости» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2022. № 8.

² По этому поводу С.С. Алексеев писал, что «лишь после того, как комплекс норм выделен в самостоятельное подразделение нормативного акта, все компоненты института получают достаточно полное развитие и институт с позиций структурной характеристики приобретает развитый, законченный вид». См.: Алексеев С.С. Структура советского права. М.: Юридическая литература, 1975. С. 128.

³ Жук М.С. Институты российского уголовного права: понятие, система и перспективы развития: дисс. ... д-ра юрид. наук. Краснодар 2013. С. 123, 139.

проблему составляет тот факт, что формирующие этот институт основные нормативные предписания рассредоточены в различных статьях и главах уголовного закона и не сведены в рамки одной структурной единицы текста нормативного правового акта. Это существенным образом препятствует восприятию единства правовой природы и функционального предназначения норм о замене наказания, обедняет теоретические представления о механизме уголовно-правового регулирования, затрудняет выявление пробелов и недостатков в нормативном обеспечении замены наказания.

Между тем, сегодня сложились все условия для того, чтобы придать предписаниям о замене наказания форму отдельной главы уголовного закона: накоплен необходимый нормативный материал, имеется богатый опыт его применения и теоретического обобщения, существует четкое представление о специфике целей, содержания и функций соответствующих нормативных предписаний, из места в системе права. С учетом мнения 62% опрошенных при проведении исследования экспертов, полагаем необходимым констатировать в качестве общего вывода тезис о целесообразности вычленения в структуре УК РФ отдельной главы – «Замена наказания». Немаловажным при этом является определение место ее размещения в структуре закона. Думается, что оптимальным вариантом стало бы ее появление в Разделе III «Наказание», после главы 10 «Назначение наказания». Такое решение обеспечило бы логическую связь практики замены наказания с действиями по его назначению и освобождению от наказания¹.

Все изложенное выше было призвано показать, что нормативные предписания, посвященные вопросам регламентации замены наказания в российском уголовном праве, в полной мере соответствуют основным признакам уголовно-правового института, в том его понимании, которое

¹ Заметим, что в науке формулировались похожие рекомендации. М.А. Кауфман предлагал консолидировать все нормы, регламентирующие основания и четкие правила замены наказания в отдельной главе закона «Замена наказания в связи с уклонением от его отбывания», однако считал логичным дополнить ею Раздел VII УК РФ «Иные меры уголовно-правового характера». См.: Кауфман М. Уклонение от исполнения и отбывания наказания как вид негативного посткриминального поведения и его уголовно-правовое значение // Уголовное право. 2018. № 1. С. 53.

сложилось в рамках научной школы Кубанского государственного университета. А потому, с учетом результатов анализа, можно предложить следующее определение: институт замены наказания – это система основанных на принципе соразмерности, взаимосвязанных, самостоятельных, обладающих отраслевой чистотой, уголовно-правовых предписаний, функционально ориентированных на целостную и беспробельную корректировку применяемых к осужденному в рамках уголовно-правового отношения мер государственного принуждения в качестве правового последствия совершения им позитивных или негативных посткриминальных действий.

Важным компонентом теоретического исследования институциональных параметров замены наказания, дополняющим представленный вывод, является анализ видовых характеристик института замены наказания. Как известно, в уголовно-правовой науке предлагается множество вариантов классификации или типологизации институтов права. Не углубляясь в теоретическое обсуждение этой проблемы, с учетом наработок, которые сложились в рамках кубанской научной школы, представляется возможным дать следующее описание института замены наказания:

а) Замена наказания по отраслевой принадлежности образующих этот институт нормативных правовых предписаний относится к разряду внутриотраслевых институтов российского уголовного права.

б) Замена наказания являет собой институт Общей части уголовного права. Традиция раздельного анализа и представления институтов Общей и Особенной части уголовного права, имеющая многолетнюю историю, не противоречит общепризнанному положению о тесной взаимосвязи этих элементов отрасли¹. Однако позиционирование замены наказания в качестве

¹ См.: Жук М.С. Теоретические и прикладные проблемы взаимосвязи Общей и Особенной частей уголовного права // Российское правосудие. 2010. № 12 (56). С. 54–64; Безверхов А.Г., Голенко Д.В. О соотношении Общей и Особенной частей Уголовного кодекса Российской Федерации // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2024. № 4 (116). С. 39–48.

исключительного элемента Общей части ставит в повестку дня вопрос о природе предписаний, установленных ст. 314 УК РФ об уголовной ответственности за уклонение от отбывания ограничения свободы и лишения свободы. Оставляя его за рамками анализа на данном этапе исследования, выскажем лишь общее положение о том, что решаться этот вопрос должен с учетом определения правовой природы уклонения от отбывания данных видов наказаний.

в) Замена наказания, исходя из содержания доминирующей функции соответствующих предписаний, составляет регулятивный уголовно-правовой институт, который состоит из положений, устанавливающих позитивные правила поведения, представляющих субъективные права и возлагающих юридические обязанности на субъектов уголовного правоотношения¹.

г) Замена наказания, исходя из особенностей предмета и целей регулирования, относится к группе функциональных уголовно-правовых институтов, учитывая что функциональный институт формирует группа норм, призванная дать «сквозное» регулирование отдельной операции в правовом регулировании².

д) Замена наказания по особенностям внутренней структуры относится к группе сложных уголовно-правовых институтов, в состав которого входят не только общие для всех формирующих его предписаний принципы, не только общие положения, устанавливающие соотношение различных видов наказаний и применимые во всех без исключениях ситуациях замены, но и компактно сгруппированные, специализированные предписания, определяющие основания и порядок выполнения самостоятельных и разнонаправленных операций по замене наказания.

Понятие сложного института не является устоявшимся в теории права. Д.Е. Петров, например, пишет, что сложный правовой институт содержит

¹ Коняхин В.П. Теоретические основы построения Общей части российского уголовного права. СПб.: Юридический центр Пресс, 2002. С. 170.

² Алексеев С.С. Структура советского права. М.: Юридическая литература, 1975. С. 141–142.

внутри себя несколько простых институтов¹; Е.А. Киримова отмечает, что сложные правовые институты состоят из двух или более субинститутов². Представляется, что в этой дискуссии правда на стороне тех исследователей, которые, отмечая усложненный характер структурной композиции сложного института, не требуют, чтобы все его содержание без остатка было «разбито» на отдельные самостоятельные компоненты (институты или субституты). Специальные исследования представителей кубанской научной школы свидетельствуют: «сложный институт уголовного права вовсе не обязательно должен включать два или более субинститута и, более того, все содержание сложного правового института не может быть без остатка разделено на образующие его субинституты. Сложный институт вполне допускает присутствие в нем и одного субинститута»³.

Признание замены наказаний сложным институтом с необходимостью ставит вопрос о раскрытии его элементной структуры. Выше отмечалось, что замену наказания образуют три группы предписаний: о смягчении наказания, об ужесточении наказания и о порядке соразмерного исчисления сроков наказаний. Сейчас же необходимо решить вопрос о том, может ли какая-либо из этих групп претендовать на статус субинститута.

В самом общем и не вызывающем возражений виде, субинститут являет собой органическое образование относительно самостоятельного характера, формирующееся внутри института, отражающее «усложнение» структуры института, относительное обособление внутри его определенного комплекса норм⁴. Как и в ситуации с любым иным элементом структуры уголовного права, отраслевая интерпретация и номенклатура субинститутов вызывает многочисленные дискуссии. Специальные исследования субинституционального строения Общей части российского уголовного

¹ Петров Д.Е. Отрасль права: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2001. С. 9.

² Киримова Е.А. Правовой институт (теоретико-правовое исследование): дисс. ... канд. юрид. наук. Саратов, 1998. С. 97–134.

³ Усенко С.П. Субинституты российского уголовного права: дисс. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2023. С. 139. См. также: Жук М.С. Институты российского уголовного права: понятие, система и перспективы развития: дисс. ... д-ра юрид. наук. Краснодар 2013. С. 168.

⁴ Алексеев С.С. Структура советского права. М.: Юридическая литература, 1975. С. 151, 151.

права, проведенные на площадке кубанской научной школы, демонстрируют особый взгляд на природу исследуемых нами предписаний. В частности, С.П. Усенко позиционирует предписания о замене наказания более мягким видом в качестве неотъемлемой части института освобождения от наказания; предписания о замене наказания более строгим видом – в качестве субинститута сложного института понятия и видов наказания, а предписания об исчислении сроков наказания – в качестве субинститута сложного института общих правил назначения наказания¹.

Такой подход, на первый взгляд, существенно расходится с тем, что развивается в рамках настоящей диссертации. Однако это расхождение не является свидетельством внутренних противоречий в методологических основах кубанской научной школы. Несовпадение взглядов, во-первых, отражает сложности в познании структуры уголовного права и несовпадение реальной структуры действующего уголовного закона с идеалистическими представлениями о структуре уголовного права, а во-вторых, что важнее, может быть относительно легко преодолено, если обратиться к представлениям кубанской школы о генезисе структуры уголовного права и отдельных ее элементов.

С этих позиций следует признать, что институт замены наказания находится все еще в стадии своего формирования. Процессы дифференциации и универсализации правового регулирования, которые породили создание относительно обособленных (субинституциональных) формирования в пределах институтов видов наказания и правил их назначения, не завершились с появлением соответствующих предписаний. Они продолжают интенсивно развиваться. Это позволяет рассматривать структуру уголовного права как феномен постоянно развивающийся. Следовательно, группировка и перегруппировка нормативных предписаний внутри отрасли, изменение их структурных характеристик – это непрекращающийся процесс. А.В. Денисова

¹ Усенко С.П. Субинституты российского уголовного права: дисс. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2023. С. 141.

не без оснований заключает, что многие действующие институты уголовного права «первоначально могли существовать в качестве субинститутов, но впоследствии в связи с увеличением объема своего нормативного содержания и расширением сферы регулируемых общественных отношений трансформировались в самостоятельные структурные единицы системы российского уголовного права»¹.

В случае с заменой наказания, как представляется, мы имеем ту же ситуацию. Субинституциональные образования, рассредоточенные в отдельных институтах, сегодня под влиянием процессов правовой унификации объединяются в рамки единого, самостоятельного института, притягивая к себе те предписания, которые наиболее близки им по природе, целевым и функциональным параметрам.

При этом интеграция всех предписаний о замене наказания в рамки одного института сопровождается одновременной дифференциацией этих предписаний в два компактных субинститута – субинститут замены наказания более строгим в случае уклонения от исполнения (отбывания) назначенного судом наказания и субинститут замены наказания более мягким в случае прогресса в исправлении. Связь предписаний с видовой спецификой юридического факта, породившего потребность в изменении уголовно-правового отношения, дифференцирующий режим правового регулирования этих отношений в пределах задач и принципов, заданных институтом замены уголовного права, в целях обеспечения стабилизирующей и адаптивной функций уголовного права – выступают важными признаками их субинституциональной природы, которые отмечаются в работе самого С.П. Усенко².

¹ Денисова А.В. Системность Российского уголовного права: теория, закон, практика: дисс. ... д-ра юрид. наук. М., 2018. С. 180.

² Усенко С.П. Субинституты российского уголовного права: дисс. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2023. С. 11.

Подводя итоги исследованию вопроса об институциональных параметрах замены наказания, представляется возможным сформулировать следующие основные выводы:

- предписания о замене наказания обладают всеми основными признаками правового института; это множество взаимосвязанных, самостоятельных, обладающих отраслевой чистотой, идейным и функциональным единством, уголовно-правовых предписаний, которые активируются специфической группой юридических фактов и направлены на цельное и беспробельное регулирование строго определенного участка уголовно-правовых отношений;

- уголовно-правовые предписания о замене наказания основаны на принципе соразмерности и определяют возможность корректировки применяемых к осужденному в рамках уголовно-правового отношения мер государственного принуждения в качестве правового последствия совершения им позитивных или негативных посткриминальных действий;

- по своим видовым характеристикам институт замены наказания является регулятивным, функциональным, внутриотраслевым институтом Общей части уголовного права со сложной структурой, элементами которых выступают два субинститута: субинститут замены наказания более строгим видом и субинститут замены наказания более мягким видом;

- завершающим этапом в формировании института замены наказания должно стать его внешнее оформление, предполагающее вычленение в структуре уголовного закона самостоятельной главы, разместить которую целесообразно в разделе III УК РФ «Наказание», после главы о назначении наказания.

Глава 3.

СОДЕРЖАТЕЛЬНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ИНСТИТУТА ЗАМЕНЫ НАКАЗАНИЯ

§ 1. Замена неотбытой части наказания более мягким видом наказания

Нормативные предписания о замене отбываемого осужденным наказания иным, более мягким видом наказания, составляют традиционную, неотъемлемую часть института замены наказания в отечественном уголовном праве. Выполняя важную функцию обеспечения соразмерности уголовно-правового воздействия, достижения его целей путем лишь минимально необходимого ограничения прав и свобод лица, совершившего преступление, стимулируя процессы исправления осужденных и их социальной реабилитации, эти предписания вызывают повышенный интерес законодателя, который за период действия УК РФ неоднократно обращался к их реформированию, а также активно востребованы правоприменительной практикой, о чем свидетельствуют не только статистические данные о результатах работы судов, но и пристальное внимание к проблемам замены наказания со стороны высшей судебной инстанции в ряде постановлений Пленума Верховного Суда Российской Федерации.

Удельный вес окончанных производством материалов о применении ст. 80 УК РФ в общем массиве рассмотренных судами первой инстанции с вынесением решения представлений и ходатайств, относительно невелик и составляет в последние пять лет в среднем около 2%. В абсолютном же исчислении количество окончанных производством материалов о замене наказания более мягким видом с 2005 по 2024 год возросло почти в пять раз – с 12658 до 61233¹ (см. приложение 2).

¹ Эта цифра есть результат суммирования показателей окончанных производством материалов о замене лишения свободы принудительными работами и о замене лишения свободы более мягким видом наказания, кроме принудительных работ.

Для обеспечения сопоставимости сравнительных показателей здесь и далее по преимуществу использованы статистические данные за полный календарный год. На момент подготовки работы последний

Возрастающий тренд начал отчетливо проявлять себя с 2010 – 2012 годов. Как известно, до 2012 года вопрос замены неотбытой части наказания более мягким видом, согласно положениям УПК РФ и УИК РФ, мог быть инициирован только представлением учреждения или органа, исполняющего наказание. После внесения изменений в УПК РФ¹ инициатором замены смог выступать сам осужденный. Хотя конституционное право осужденного на непосредственное обращение в суд с соответствующим ходатайством объективно существовало и вне его нормативного закрепления в процессуальном и исполнительном законодательстве, что подтверждалось позицией Конституционного Суда Российской Федерации² и нашло отражение в правовых позициях Верховного Суда Российской Федерации, обозначенных в постановлении Пленума 2009 года³. Уже только один этот факт привел к существенному увеличению числа рассматриваемых материалов (в 2009 году

доступный полный статистический год – 2024 год. По состоянию на 08.08.2026 года Судебный Департамент при Верховном Суде РФ публично представил сведения только за первые шесть месяцев 2025 года. Анализ этих сведений подтверждает наличие выявленных тенденций. Но конкретные цифры, за некоторыми исключениями, сознательно не приводятся чтобы не нарушать требований статистической сопоставимости цифрового ряда.

¹ Федеральный закон от 01.12.2012 № 208-ФЗ «О внесении изменений в статьи 78 и 175 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации и статью 399 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2012. № 49. Ст. 6753.

² Применительно к замене наказания более мягким видом это право было специальным образом подтверждено Конституционным Судом Российской Федерации в Определении 2005 года (Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 20.10.2005 № 388-О «По жалобе гражданина Елисеева Алексея Юрьевича на нарушение его конституционных прав пунктами 2 и 5 части первой статьи 399 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и частью третьей статьи 175 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации» // Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. 2006. № 2), в котором Суд сослался на свою же правовую позицию, сформулированную еще в Постановлении 2002 года (Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 26.11.2002 № 16-П «По делу о проверке конституционности положений статей 77.1, 77.2, частей первой и десятой статьи 175 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации и статьи 363 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданина А.А. Кизимова» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 49. Ст. 4922).

Хотя право осужденного на обращение в суд и существовало, и было признано на уровне решений Конституционного Суда Российской Федерации, практическая возможность его реализации оставалась аморфной вплоть до принятия постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 21.04.2009 № 8, в тексте которого была закреплена правила рассмотрения не только представлений администрации учреждений, исполняющих наказание, но и ходатайств самих осужденных. В более четком и категоричном виде это правило было закреплено в Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 20.12.2011 № 21 «О практике применения судами законодательства об исполнении приговора», п. 28 которого гласил: «разъяснить судам, что положения части 1 статьи 399 УПК РФ не ограничивают право осужденного на обращение в суд с ходатайствами о замене неотбытой части наказания более мягким видом наказания (пункт 5 статьи 397 УПК РФ)».

³ Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 21.04.2009 № 8 «О судебной практике условно-досрочного освобождения от отбывания наказания, замены неотбытой части наказания более мягким видом наказания» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2009. № 7.

их число составило 10910, в 2012 году – 25356, в 2014 году – 31111, в 2016 году – 41183, в 2018 году – 57000).

Сокращение этого показателя, причем весьма резкое – с 92682 в 2023 году до 61233 в 2024 году¹, по всей видимости, связано с введением в УК РФ нового основания освобождения от наказания – ст. 80² «Освобождение от наказания в связи с прохождением военной службы в период мобилизации, в период военного положения или в военное время»². Изменение статистических данных требует более глубокого обоснования, что не входит в круг решаемых в нашем исследовании задач. Однако в отсутствие значимых социально-криминологических характеристик преступности и контингента осужденных, в отсутствие серьезных трансформаций в практике назначения наказания, отмеченное изменение закона остается единственной зримой причиной сокращения масштабов рассмотрения ходатайств о применении ст. 80 УК РФ.

Это отчасти подтверждается и стабильной практикой принятия положительных решений по заявленным ходатайствам. В среднем суды на протяжении последних пятнадцати лет удовлетворяют около 31% заявленных ходатайств и представлений. В последнюю пятилетку этот показатель имеет некоторые колебания. Так, удельный вес положительных решений о замене отбываемого наказания принудительными работами вырос с 2020 по 2024 год с 24,2% до 37,8%, что связано с развитием практики применения и исполнения этого вида наказания, а удельный вес положительных решений о замене отбываемого наказания иными более мягкими наказаниями (кроме принудительных работ) сократился с 36,4% до 30,9%, что может восприниматься не иначе как допустимое отклонение от средних значений или проявление стабилизации практики.

¹ Эти цифры являются результатом суммирования показателей окончанных производством материалов о замене лишения свободы принудительными работами и о замене лишения свободы более мягким видом наказания, кроме принудительных работ.

² Федеральный закон от 23.03.2024 № 64-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2024. № 13. Ст. 1687.

В историческом аспекте интересно обратить внимание на данных за 2005 год, когда удельный вес положительных решений о замене наказания более мягким видом составил 84,6%. Его последующее планомерное снижение до 75,2% в 2006 году, 70,2% – в 2007, 56,5% – в 2008 и обвал до 37,9% в 2009, требует специальных обоснований. Как представляется, здесь сыграл свою роль комплекс факторов: общая либерализация пенализационной практики, включая расширение сферы освобождения от уголовной ответственности и смягчение назначаемых и отбываемых наказаний, амнистия 2005 года, принятие постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации по вопросам замены наказания в 2009 году.

Как бы то ни было, сегодня в среднем судами удовлетворяется примерно каждое третье ходатайство или представление о замене наказания более мягким видом (33,9%), каждое пятое (21,5%) рассматривается без принятия положительного или отрицательного решения по существу рассматриваемого вопроса, и чуть менее половины (44,6%) не удовлетворяется судами. Весьма существенный удельный вес материалов, по которым не принято положительное решение, свидетельствует, на наш взгляд, о сохраняющихся сложностях в оценке оснований замены отбываемого наказания более мягким видом и о необходимости постоянного мониторинга нормативной и правоприменительной практики решения этого вопроса.

Стабилизация судебной практики рассмотрения представлений и ходатайств о замене неотбытой части наказания более мягким видом наказания, безусловно, требует стабильности уголовного законодательства. Между тем, ст. 80 УК РФ за период действия уголовного закона, менялась двенадцатью федеральными законами¹. При этом динамика состоявшихся изменений была не универсальной и разнонаправленной. Она заключалась в следующем:

¹ Федеральные законы от 09.03.2001 № 25-ФЗ, от 08.12.2003 № 162-ФЗ, от 03.11.2009 № 245-ФЗ, от 27.12.2009 № 377-ФЗ, от 07.12.2011 № 420-ФЗ, от 29.02.2012 № 14-ФЗ, от 28.12.2013 № 432-ФЗ, от 05.05.2014 № 104-ФЗ, от 27.12.2018 № 540-ФЗ, от 31.07.2020 № 260-ФЗ, от 24.09.2022 № 365-ФЗ, от 12.12.2023 № 591-ФЗ.

1) Расширение сферы применения ст. 80 УК РФ:

- в 2001 году сняты ограничения на замену наказания только в отношении лиц, отбывающих лишение свободы за преступления небольшой или средней тяжести, норма стала распространяться на осужденных, отбывающих лишение свободы за любые по степени тяжести преступления;
- в 2003 году установлена возможность применения замены наказания в отношении осужденных, отбывающих не только лишение свободы, но также ограничение свободы и содержание в дисциплинарной воинской части, а в 2011 году – в отношении осужденных к принудительным работам;
- в 2020 году установлены льготные условия замены наказания для беременных и женщин, имеющих детей, расширенные в 2023 году;

2) Ограничение сферы применения ст. 80 УК РФ:

- в 2009 году введены повышенные требования для замены наказания в отношении лиц, осужденных за половые преступления против несовершеннолетних и за преступления, предусмотренные ст. 210 УК РФ;
- в 2012 году установлены особые требования к применению ст. 80 УК РФ в отношении лиц, осужденных за преступления против половой неприкосновенности несовершеннолетних, не достигших 14 лет;

3) Конкретизация условий применения ст. 80 УК РФ:

- в 2009 году исключена возможность замены наказания в отношении осужденных, отбывающих ограничение свободы, согласованная с новой трактовкой этого вида наказания;
- в 2013 году установлено требование возмещения вреда (полностью или частично), причиненного преступлением;
- в 2014 году закреплён и конкретизирован перечень обстоятельств, учитываемых судом при решении вопроса о замене наказания;
- в 2018 году дифференцированы условия замены наказания принудительными работами и иными более мягкими видами наказаний, которые были уточнены и системно согласованы с предписаниями о принудительных работах в 2022 году.

В прикладном отношении эта динамика породила, прежде всего, серьезную проблему определения закона, подлежащего применению в том или ином конкретном случае с учетом положений ст. 10 УК РФ.

В судебной практике на этот счет было выработано четкое правило, согласно которому изменение формальных требований ст. 80 УК РФ сторону повышения минимального срока отбытия наказания, необходимого для заявления ходатайства о замене наказания, является ухудшением положения лица, совершившего преступление, которое на основании ст. 10 УК РФ не имеет обратной силы. Пленум Верховного Суда Российской Федерации указал: «новый уголовный закон, предусматривающий увеличение той части срока наказания, фактическое отбытие которой является условием для рассмотрения вопроса о замене неотбытой части наказания более мягким видом наказания, подлежит применению только в отношении лица, осужденного за преступление, совершенное после вступления в силу нового уголовного закона»¹. Сложнее обстоит ситуация с оценкой изменений закона, которые лишь конкретизируют условия замены наказания. В частности, неоднозначную оценку в науке и на практике вызвало установление в законе такого условия, как полное или частичное возмещение вреда от преступления². Полагаем, что в этом случае следует исходить из позиции, сформулированной Конституционным Судом Российской Федерации применительно к правилам условно-досрочного освобождения от наказания, придав ей всеобщее, универсальное значение. Конституционный Суд Российской Федерации не нашел оснований рассматривать включение в закон такого условия досрочного освобождения, как возмещение вреда с точки зрения правил обратной силы, и отметил, что соответствующие изменения уголовного закона

¹ Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 21.04.2009 № 8 «О судебной практике условно-досрочного освобождения от отбывания наказания, замены неотбытой части наказания более мягким видом наказания» (п. 1) // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2009. № 7. См. также, например: Обзор апелляционной практики Брянского областного суда по уголовным делам за четвертый квартал 2020 года. Утвержден президиумом Брянского областного суда 10.02.2021 (Апелляционное постановление от 29.10.2020 по делу № 22-1589). URL: <https://base.garant.ru/400506267/> (дата обращения: 18.01.2026).

² См. подробнее об этом: Волков К.А. Проблемы судебной практики при замене неотбытой части наказания более мягким видом наказания // Уголовное право. 2016. № 1. С. 15, 16.

лишь уточняют редакцию ст. 79 УК РФ, лишь конкретизируют и ранее предусмотренную законом обязанность суда учитывать все обстоятельства, необходимые для принятия решения об условно-досрочном освобождении, которое в любом случае должно быть законным, обоснованным и мотивированным¹.

Разнонаправленные изменения закона были призваны оптимизировать саму конструкцию замены наказания более мягким видом: конкретизировать условия применения соответствующей нормы, расширить возможности ее применения в гуманистических целях, но при этом гарантировать недопустимость излишне либерального подхода к смягчению наказания.

Смысл всех изменений в конечном итоге состоял в том, чтобы обеспечить разумный баланс между правом осужденного просить о смягчении наказания и обязанности государства обеспечить исправление осужденного лишь минимально необходимыми для этого правоограничительными средствами². Специалисты правильно утверждают, что смягчение наказания при его исполнении основывается на требовании целесообразности применения уголовно правовых мер, поскольку было бы бессмысленным дальнейшее исполнение наказания, которое уже привело к предусмотренным в законе социальным результатам. В таких случаях реализуется и требование экономии мер уголовно-правового воздействия на лиц, совершивших преступления, смысл которого состоит в том, чтобы в менее продолжительный

¹ См.: Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 28.06.2018 № 1449-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Захарова Сергея Сергеевича на нарушение его конституционных прав статьями 3, 9, 10 и 79 Уголовного кодекса Российской Федерации». Документ официально не опубликован. URL: <https://www.ksrf.ru/doc/KSRFDecision343458.pdf> (дата обращения: 18.01.2026).

² Цели исправления было подчинено и решение законодателя включить осужденных, которым неотбытая часть наказания заменена более мягким видом наказания (за исключением случаев замены наказания в виде лишения свободы принудительными работами) в число лиц, в отношении которых осуществляются мероприятия исполнительной пробы (п. 6 ч. 1 ст. 11 (Федерального закона от 06.02.2023 № 10-ФЗ «О пробы в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2023. № 6. Ст. 917). Основными направлениями деятельности в сфере исполнительной пробы являются ресоциализация, социальная адаптация и социальная реабилитация указанных лиц.

срок и на основе меньшего объема правоограничений обеспечить достижение в каждом конкретном случае всех целей наказания¹.

Обобщение и анализ динамично меняющейся, но стремящейся к единообразию, масштабной практики применения ст. 80 УК РФ позволяет определить несколько наиболее значимых, сложных и актуальных проблем, которые в своей совокупности формируют устойчивый теоретико-прикладной дискурс о замене отбываемого наказания более мягким видом наказания, и обсуждение которых может способствовать оптимизации правового регулирования этого вида деятельности².

1. Одной из распространенных проблем на практике остается соблюдение (или точнее, несоблюдение) процессуального порядка и процессуальных гарантий рассмотрения вопроса о замене наказания более мягким видом. Закон четко предписывает, что он разрешается по правилам, установленным для разрешения вопросов, возникающих в процессе исполнения приговора. Такова четкая позиция высшего и кассационных судов: «Вопрос о замене неотбытой части наказания более мягким видом наказания в соответствии со ст. 80 УК РФ подлежит разрешению на стадии исполнения приговора в порядке, предусмотренном ст. ст. 397 – 399 УПК РФ»³. Тем не менее, осужденный и его защитники нередко используют процедуру кассационного обжалования приговора для постановки перед судом и обсуждения вопроса о замене наказания более мягким видом. Однако, как справедливо указывают суды: «Вопросы о замене неотбытой части

¹ Гараева А.Р. Смягчение наказания при его исполнении в российском уголовном праве: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Казань, 2007. С. 13.

² См. подробнее: Зелюка П.А. Замена наказания более мягким видом: проблемы судебной практики и перспективы законодательных решений // Союз криминалистов и криминологов. 2026. № 2. С. 148–154.

³ См.: Кассационное определение Верховного Суда Российской Федерации от 30.04.2009 по делу № 2-6/08; Апелляционное определение Верховного Суда Российской Федерации от 8.08.2019 по делу № 2-24/2018; Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 17.09.2024 по делу № 77-3337/2024; Постановление Второго кассационного суда общей юрисдикции от 16.02.2023 по делу № У-513/2023; Кассационное определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 19.08.2021 по делу № 77-2588/2021; Кассационное определение Пятого кассационного суда общей юрисдикции от 26.10.2022 по делу № 77-1926/2022; Кассационное определение Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 28.11.2024 по делу № 77-3739/2024; Кассационное определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 13.11.2025 по делу № 77-3788/2025; Кассационное определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 18.02.2025 по делу № 77-732/2025 и др.

наказания более мягким видом наказания не относятся к предмету рассмотрения суда кассационной инстанции, а в силу ст. 78 УИК РФ и ст. 80 УК РФ, при наличии законных к тому оснований, подлежат разрешению на этапе исполнения приговора, предусмотренном главой 47 УПК РФ»¹.

Несоблюдение порядка – не просто процессуальное нарушение, приводящее к отвлечению сил и средств. Оно – свидетельство недооценки или непонимания материально-правовой природы замены наказания. Кассационное обжалование, в том числе с возможностью смягчения наказания, отбываемого по вступившему в законную силу приговору, предполагает исправление ошибок, допущенных судами первой и апелляционной инстанций, оно не связано с оценкой пенитенциарного поведения осужденного, с обсуждением динамики его исправления. У него иные цели и иной предмет, качественно отличающиеся от процедуры судебного обсуждения вопросов, связанных с исполнением приговора.

Ошибочными являются и попытки разрешить некоторые вопросы замены неотбытой части наказания более мягким видом в порядке административного судопроизводства. В практике встречаются ситуации, когда административный истец обращается с административным заявлением в суд в связи с невключением в срок отбытия замененного, более мягкого вида наказания (например, в виде ограничения свободы) периода нахождения в местах лишения свободы со дня принятия районным судом постановления о замене наказания до дня вступления его в законную силу. Последовательно отказываясь от рассмотрения таких вопросов в порядке административного судопроизводства, вышестоящие суды неоднократно подчеркивают, что вопросы назначения наказания, замены неотбытой части наказания более мягким видом наказания регламентируются УК РФ и должны разрешаться по правилам уголовного судопроизводства².

¹ Постановление Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 19.02.2025 по делу № 77-572/2025.

² Кассационное определение Судебной коллегии по административным делам Верховного Суда Российской Федерации от 16.02.2022 по делу № 83-КАД21-11-К1.

Связь материально-правовых оснований и процессуального порядка замены наказания более мягким видом дополнительно подчеркивает самостоятельную институциональную природу замены наказания. Специалисты кубанской научной школы отмечали значимость такой связи применительно к проблеме подотраслевого строения уголовного права. «В корреспондирующей содержательной связи между подотраслями уголовного права, с одной стороны, и уголовно-процессуального и уголовно-исполнительного права, с другой, вне сомнений, имеется позитивный смысл, – пишет А.С. Усенко. – Она усиливает синергетическое действие различных отраслей права в направлении создания специального режима правового регулирования некоторой совокупности взаимосвязанных правовых отношений, обеспечивает согласованность и непротиворечивость предписаний отраслей криминального цикла, их совместную подчиненность общему замыслу». При этом автор обоснованно замечает, что поскольку в данном случае речь идет о структуре самостоятельных отраслей права, едва ли было бы верным требовать обязательного их совпадения в подотраслевом строении¹. Все сказанное с известными ограничениями применимо и к пониманию уголовно-правового института. Процессуальное сопровождение и межотраслевая инфраструктура применения уголовно-правовых предписаний выступают хотя и дополнительным, но от этого не менее важным критерием их институциональной самостоятельности, позволяющим отграничить институт замены наказания от иных правовых предписаний, допускающих изменение назначенного судом наказания.

2. Соблюдение процессуального порядка замены наказания (включая выполнение предусмотренных законом требований о сроках подачи ходатайств или представлений, месте осуществления судопроизводства, информировании осужденного и потерпевшего о времени и месте рассмотрения вопроса о замене наказания, обеспечении права осужденного на

¹ Усенко А.С. Подотрасли уголовного права: теоретико-прикладное исследование: дисс. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2025. С. 77–78.

пользование услугами защитника) позволяет надлежащим образом обсудить вопрос о наличии основания для замены наказания, подтверждаемого конкретными, фактическими обстоятельствами¹.

Вопрос о содержании этого основания принципиально важен. Напомним, что ст. 53 УК РСФСР 1960 г. устанавливала в одной статье основания и правила применения условно-досрочного освобождения от наказания и замены неотбытой части наказания более мягким наказанием. Таковые могли быть применены к осужденному лишь в том случае, если он примерным поведением и честным отношением к труду доказал свое исправление². В таких условиях осужденному достаточно было заявить одно (недифференцированное по содержанию) ходатайство о применении положений ст. 53 УК РСФСР, при том что выбор правового института – досрочное освобождение или замена наказания – оставался в пределах усмотрения судьи. Действующий закон «развел» освобождение от наказания и замену наказания в разные и самостоятельные статьи, подчеркивая несовпадение их правовой природы и различающуюся институциональную принадлежность. Однако в содержательном отношении статьи 79 и 80 УК РФ, как верно оценивают исследователи, устанавливают, по сути, одни и те же формальные условия для применения условно-досрочного освобождения от отбывания наказания или замены лишения свободы более мягким видом наказания³. На практике это приводит к тому, что осужденные в своих ходатайствах заявляют одновременно и альтернативно о применении положений либо ст. 79 УК РФ, либо ст. 80 УК РФ, что с позиции УПК РФ является препятствием к рассмотрению ходатайства, предмет которого не определен с надлежащей точностью. Такие ходатайства не подлежат

¹ В литературе этот вопрос обсуждается достаточно широко, см., например: Благов Е.В. Освобождение от наказания (традиции, реалии, перспективы). М.: Юрлитинформ, 2023. С. 355 и сл.

² Такое положение закона вызывало у некоторых юристов критическую оценку. Ю.М. Ткачевский писал, что институт замены неотбытой части срока наказания другим, более мягким наказанием необходимо регламентировать в особой норме и применять его к лицам, твердо вставшим на путь исправления, но еще окончательно не исправившимся. См.: Ткачевский Ю.М. Замена неотбытой части наказания более мягким // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 1981. № 3. С. 88.

³ Жуков А.В. Замена наказания в уголовном праве России: дисс. ... канд. юрид. наук. Самара, 2002. С. 37, 59.

рассмотрению, они должны быть возвращены заявителям, а начавшееся производство по ним должно быть прекращено. Уточнение предмета судебного разбирательства в данном случае выступает дополнительным инфраструктурным подтверждением самостоятельности замены наказания в качестве института уголовного права.

Основание замены наказания более мягким видом определено Пленумом Верховного Суда Российской Федерации, который признал таковым «поведение осужденного, свидетельствующее о том, что цели наказания могут быть достигнуты путем замены неотбытой части наказания более мягким наказанием»¹. Эту позицию разделяет Конституционный Суд Российской Федерации, отмечая, что основанием, предопределяющим возможность замены неотбытой части наказания более мягким его видом, является поведение осужденного в период отбывания наказания, позитивные изменения в поведении осужденного, свидетельствующие о возможности смягчения уголовной репрессии до необходимого и достаточного минимума принудительных мер, обеспечивающих достижение целей наказания².

В этих лаконичных теоретических формулах заключено несколько принципиальных прикладных требований:

– во-первых, ст. 80 УК РФ в качестве основания для замены наказания более мягким видом не предполагает установления факта исправления осужденного³ (с чем согласились 87% опрошенных нами при проведении исследования респондентов из числа специалистов в области уголовного права), в связи с чем позиция судов о том, по смыслу ст. 80 УК РФ осужденный

¹ Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 21.04.2009 № 8 «О судебной практике условно-досрочного освобождения от отбывания наказания, замены неотбытой части наказания более мягким видом наказания» (п. 4) // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2009. № 7.

² Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 29.05.2025 № 1254-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Романова Вячеслава Геннадьевича на нарушение его конституционных прав статьями 3 и 4, частью второй статьи 6 и статьей 175 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации». Документ опубликован не был. URL: <https://www.ksrf.ru/doc/KSRFDecision841498.pdf> (дата обращения: 27.12.2025).

Эти формулы прямо используются судами общей юрисдикции. См., например: Постановление Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 08.09.2022 по делу № 77-4478/2022.

³ Черненко Т.Г., Масалитина И.В. Некоторые проблемные вопросы замены уголовного наказания более мягким видом наказания // Вестник Томского государственного университета. Право. 2019. № 32. С. 123.

должен своим поведением доказать свое исправление, что он не нуждается в полном отбывании назначенного судом наказания¹ является ошибочной;

– во-вторых, оценке при принятии решения о замене наказания подлежит постпреступное (пенитенциарное) поведение осужденного, в связи с чем мнение юристов о том, что основанием замены неотбытой части наказания более мягким видом наказания выступают обстоятельства, характеризующие в том числе и совершенное лицо преступление², является неверным, как и практика учета при применении ст. 80 УК РФ характера и степени общественной опасности преступления, совершенного осужденным³ (этот факт подтвердили 82% опрошенных респондентов);

– в-третьих, основанием замены наказания является не просто само по себе поведение осужденного, свидетельствующее о том, что цели наказания могут быть достигнуты путем замены неотбытой части наказания более мягким наказанием⁴, а вывод суда о том, что поведение осужденного в период отбывания наказания свидетельствует об отсутствии необходимости применения более строгого наказания и возможности его замены более мягким видом наказания⁵, что предполагает активную исследовательскую, оценочную деятельность суда и мотивировку принимаемого им решения.

Постановление суда, вынесенное по результатам рассмотрения ходатайства или представления о замене неотбытой части наказания более мягким видом наказания, должно быть законным, обоснованным и мотивированным. Слабость или отсутствие мотивировки признается

¹ Кассационное постановление Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 17.12.2024 № 77-3444/2024.

² Бадамшин И.Д., Фасхутдинов Р.Ф. К вопросу о реализации замены неотбытой части наказания более мягким видом наказания // Черные дыры в Российском законодательстве. 2015. № 3. С. 106.

³ Характер и степень общественной опасности совершенного осужденным преступления, в том числе его тяжесть и последствия, – указал Верховный Суд Российской Федерации, – не могут являться основаниями для отказа в удовлетворении ходатайства или представления, поскольку они служат критериями для установления сроков, указанных в ст. 80 УК РФ, а также учтены судом в приговоре при назначении наказания осужденному. См.: Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 21.04.2009 № 8 «О судебной практике условно-досрочного освобождения от отбывания наказания, замены неотбытой части наказания более мягким видом наказания» (п. 6) // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2009. № 7.

⁴ Апелляционное постановление Калужского областного суда от 27.05.2025 по делу № 4/17-3-53/2025.

⁵ Апелляционное постановление Ленинградского областного суда от 09.01.2025 по делу № 22-37/2025.

существенной ошибкой, которая приводит к отмене судебных решений¹. Это обоснованный подход судов проверочных инстанций, поскольку необходимость надлежащей аргументации судебного решения вытекает непосредственно из конституционного права лица, совершившего преступление, на справедливый суд. Она дополнительно подчеркивает и тот факт, что при рассмотрении вопроса о замене наказания суд осуществляет правосудие, хотя и в особой процессуальной форме. Апелляционные и кассационные суды верно ориентируют практику: «судам надлежит обеспечить индивидуальный подход к каждому осужденному»²; «решение о замене наказания должно содержать подробное обоснование выводов, к которым суд пришел в результате рассмотрения ходатайства о замене неотбытой части наказания более мягким видом наказания. В случае отказа в удовлетворении ходатайства или представления в решении суда должны быть указаны конкретные фактические обстоятельства, исключающие возможность замены неотбытой части наказания более мягким видом наказания. Выводы о наличии таких обстоятельств не могут быть основаны на сведениях, не проверенных в судебном заседании»³.

3. Мотивированное основание замены наказания более мягким видом – вывод суда о том, что для своего исправления не нуждается в дальнейшем отбытии наказания, назначенного по приговору суда, но требует организации исправительного процесса в рамках применения более мягкого вида наказания, – должно опираться на конкретные фактические обстоятельства. В науке уже представлены материалы широкого обобщения судебной практики

¹ Широкая апелляционная практика на этот счет приведена в Обзоре апелляционной практики Брянского областного суда по уголовным делам и материалам за первый квартал 2025 года (утвержден президиумом Брянского областного суда 10 апреля 2025 г.). Документ официально не опубликован. URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 18.01.2026). См. также: Постановление Первого кассационного суда общей юрисдикции от 26.04.2023 по делу № 77-1730/2023; Постановление Первого кассационного суда общей юрисдикции от 13.06.2024 по делу № 77-1963/2024; Постановление Первого кассационного суда общей юрисдикции от 13.06.2024 по делу № 77-2119/2024; Кассационное постановление Второго кассационного суда общей юрисдикции от 23.05.2024 по делу № 77-1353/2024.

² Апелляционное постановление Саратовского областного суда от 07.06.2021 по делу № 22-1331/2021.

³ Постановление Первого кассационного суда общей юрисдикции от 05.02.2025 по делу № 77-407/2025.

правильного и неправильного учета и оценки таких обстоятельств¹. А потому, не повторяя известных выводов, акцентируем внимание на нескольких значимых для правильного толкования и применения закона тезисах:

– во-первых, правильное поведение осужденного в местах лишения свободы и добросовестное отношение к труду является неотъемлемой частью норм поведения при отбывании наказания и само по себе не может являться безусловным основанием для замены наказания более мягким видом наказания², однако в тоже самое время, констатация на этой основе отсутствия оснований для замены наказания неправомерна и противоречит положениям ст. 80 УК РФ³, по смыслу которой «именно положительное поведение осужденного в период отбывания наказания предусмотрено в качестве главного основания для замены ей неотбытой часть наказания более мягким»⁴;

– во-вторых, при оценке основания замены наказания подлежат исследованию все обстоятельства, имеющие значение для разрешения вопроса о применении к осужденному положений ст. 80 УК РФ. При этом «закон не требует наличия каких-либо исключительных обстоятельств для применения к осужденному указанной статьи, решение должно быть законным, обоснованным и мотивированным, содержать подробное обоснование выводов, к которым суд пришел в результате рассмотрения ходатайства о замене неотбытой части наказания более мягким видом наказания»⁵;

– в-третьих, вывод суда о замене наказания не может обосновываться лишь формальной констатацией отдельных фактов или их совокупности⁶. В

¹ См.: Освобождение от уголовного наказания: закон, теория, практика / под ред. Ю.Е. Пудовочкина. М.: Юрлитинформ, 2023. С. 237–282

² Апелляционное постановление Ставропольского краевого суда от 29.05.2025 по делу № 4/17-103/2025.

³ Постановление Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 27.11.2025 по делу № 77-3435/2025.

⁴ Кассационное постановление Второго кассационного суда общей юрисдикции от 11.12.2024 по делу № 77-3241/2024.

⁵ Кассационное постановление Второго кассационного суда общей юрисдикции от 10.09.2024 по делу № 77-2321/2024.

⁶ Едва ли можно считать оправданной попытку некоторых исследователей представить, во-первых, исчерпывающий перечень критериев, на основании которых суд может оценивать исправление осужденных (тем более, описывать эти критерии в формулировках, которым не соответствует значительная часть правопослушных граждан), а во-вторых, четко дифференцировать критерии исправления для применения таких институтов, как замена наказания, условно-досрочное освобождение от наказания и изменение вида

частности, фактическое отбытие осужденным предусмотренной ч. 2 ст. 80 УК РФ части срока наказания не может служить безусловным основанием для замены неотбытой части наказания более мягким видом наказания¹; наличие у осужденного взысканий само по себе не может свидетельствовать о том, что он нуждается в дальнейшем отбывании назначенного судом наказания²; равно как и наличие поощрений не свидетельствует само по себе о возможности замены наказания; кроме того, закон не содержит указания на количество поощрений, необходимых для получения права на замену неотбытой части наказания в виде лишения свободы более мягким видом наказания³. Вывод суда должен опираться на всестороннюю и комплексную оценку обстоятельств дела. Суд, рассматривая материалы, должен учитывать поведение осужденного на протяжении всего отбывания наказания, в том числе в период нахождения в следственном изоляторе⁴; суд вправе учитывать любые характеризующие поведение осужденного в период отбывания им наказания обстоятельства⁵; суд также учитывает данные о личности осужденного⁶, включая не только характеристику предшествующего поведения, но и прогностические оценки.

– в-четвертых, суд не вправе отказать в удовлетворении ходатайства или представления о замене неотбытой части наказания более мягким видом наказания по основаниям, не указанным в законе⁷. По этой причине сложно согласиться с юристами, которые пишут, что правом на замену неотбытой

исправительного учреждения. См.: Абдуллин Э.М. Замена наказания в уголовном праве России (юридическая природа, виды, характеристика): дисс. ... канд. юрид. наук. Ульяновск, 2008. С. 11–12.

¹ Апелляционное постановление Ставропольского краевого суда от 10.12.2021 по делу № 22-6281/2021; Апелляционное постановление Верховного суда Республики Дагестан от 17.11.2021 по делу № 22-2124/2021; Апелляционное постановление Саратовского областного суда от 15.06.2021 по делу № 22-1382/2021.

² Постановление Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 12.02.2025 по делу № 77-353/2025.

³ Кассационное постановление Пятого кассационного суда общей юрисдикции от 20.01.2025 по делу № 77-92/2025; Апелляционное постановление Тверского областного суда от 28.05.2025 по делу № 4/17-2-4/2025.

⁴ Апелляционное постановление Ленинградского областного суда от 30.01.2025 по делу № 22-107/2025.

⁵ Апелляционное постановление Калужского областного суда от 29.05.2025 по делу № 4/17-3-49/2025.

⁶ Апелляционное постановление Саратовского областного суда от 11.08.2022 по делу № 22-2286/2022.

⁷ Кассационное постановление Второго кассационного суда общей юрисдикции от 11.12.2024 по делу № 77-3241/2024.

части наказания более мягким видом осужденный вправе воспользоваться при соблюдении таких условий, как признание своей вины, раскаяние в содеянном, полное или частичное возмещение ущерба, причиненного преступным деянием¹. Эти (а равно иные) факторы не указаны в законе в качестве обязательных условий замены наказания. В этом отношении проверочные инстанции правильно ориентируют суды на то, что само по себе неполное возмещение ущерба не является безусловным основанием для отказа в удовлетворении ходатайства о замене неотбытого наказания более мягким видом наказания², что отказ в замене наказания не может быть мотивирован выводом о высокой общественной опасности личности осужденного, основанным на оценке обстоятельств, которые в силу закона при рассмотрении ходатайства о замене неотбытой части наказания более мягким видом наказания учитываться не могут³, что «удовлетворительное поведение», «средний уровень самообладания», «нестабильное поведение» осужденного не указано в ст. 80 УК РФ в ряду препятствий для замены неотбытой части наказания более мягким видом⁴.

4. Важным элементом процедуры замены отбываемого наказания более мягким видом является определение вида заменяемого наказания. Изначально замена наказания предполагалась только для лиц, отбывающих лишение свободы. В настоящий момент она может быть применена к лицам, отбывающим три вида наказания: содержание в дисциплинарной воинской части, принудительные работы⁵ или лишение свободы.

¹ Тарькин В.К., Плохих Г.И., Серенко Р.С. Замена неотбытой части наказания более мягким видом наказания: вопросы теоретической и практической реализации // Современное общество и право. 2024. № 3 (70). С. 123.

² Постановление Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 17.07.2025 по делу № 77-2052/2025.

³ Кассационное определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 08.07.2021 по делу № 77-1862/2021.

⁴ Кассационное постановление Второго кассационного суда общей юрисдикции от 14.11.2024 по делу № 77-2818/2024.

⁵ Возможность замены более мягким наказанием в виде принудительных работ установлена с 2018 года (Федеральный закон от 27.12.2018 № 540-ФЗ «О внесении изменений в статьи 53.1 и 80 Уголовного кодекса Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2018. № 53 (ч. I). Ст. 8466). При этом надо учитывать, что с 2025 года законодатель существенным образом модернизировал содержание и порядок назначения (Федеральный закон от 23.07.2025 № 218-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и признании утратившим силу пункта 7.1 части первой статьи 299 Уголовно-

В 2003 году законодатель включил¹, а в 2009 году исключил² из этого перечня наказание в виде ограничения свободы. Попытки некоторых судов применить предписания о замене наказания к лицам, отбывающим ограничение свободы, в наши дни являются ошибочными, на что справедливо обращают внимание суды кассационных инстанций³. Как свидетельствуют материалы законотворческого процесса⁴, обсуждаемое решение было связано с активацией «отложенного» в момент принятия кодекса ограничения свободы и с кардинальным пересмотром его содержания.

Ограничение свободы, которое задумывалось изначально как содержание осужденного, достигшего к моменту вынесения судом приговора восемнадцатилетнего возраста, в специальном учреждении без изоляции от общества в условиях осуществления за ним надзора, с 1.01.2010 г. приобрело совершенно иной вид и заключается в установлении осужденному некоторых правоограничений, не предполагающих его изоляцию от общества. Не оспаривая такого решения по существу, стоит тем не менее серьезно обсудить вопрос о том, насколько адекватно местоположение ограничения свободы в системе наказаний, установленных ст. 44 УК РФ⁵, которая, согласно

процессуального кодекса Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2025. № 30 (ч. I). Ст. 4367) самих принудительных работ, в том числе с учетом позиции Конституционного Суда Российской Федерации относительно возможности применения данного вида наказания к лицам, достигшим пенсионного возраста (Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 24.02.2022 № 8-П «По делу о проверке конституционности части седьмой статьи 53.1 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина В.Н. Егорова» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2022. № 10. Ст. 1595).

¹ Федеральный закон от 08.12.2003 № 162-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2003. № 50. Ст. 4848.

² Федеральный закон от 27.12.2009 № 377-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с введением в действие положений Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации о наказании в виде ограничения свободы» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2009. № 52 (ч. I). Ст. 6453.

³ Кассационное определение Пятого кассационного суда общей юрисдикции от 23.06.2021 по делу № 77-723/2021.

⁴ Законопроект № 321851-4 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с введением в действие положений Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации о наказании в виде ограничения свободы». URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/321851-4> (дата обращения: 28.12.2025).

⁵ Вопрос этот был поставлен практически сразу после активации ограничения свободы. Г.В. Верина, в частности писала: «Думается, ограничение свободы трансформировано в более мягкий вид уголовного наказания (если вообще его можно признать таковым), поэтому оно не может находиться в п. «з» ст. 44 УК РФ. Оно должно занять более высокую ступень в иерархической лестнице наказаний перед обязательными работами. Данное предложение высказано также с учетом того, что ограничение свободы может назначаться в качестве дополнительного наказания. Все так называемые смешанные наказания по своей репрессивной

общераспространенной теоретической позиции выстроена в порядке возрастания степени строгости видов наказаний¹. В свете обсуждения вопросов замены наказания более мягким видом эта проблема имеет особое звучание, учитывая, что именно порядок изложения видов наказаний в ст. 44 УК РФ является основой для выбора «более мягкого» наказания. Представляется, что ограничение свободы в части соотносительной оценки тяжести образующих наказание правоограничений едва ли можно признать более строгим, нежели исправительные или обязательные работы (это обстоятельство признали справедливым 58% опрошенных специалистов в области уголовного права). Соответственно, замена лишения свободы ограничением свободы не может восприниматься как более жесткая мера по сравнению с заменой лишения свободы исправительными или обязательными работами. С учетом этих рассуждений, последовательность изложения элементов системы наказаний очевидно должна быть скорректирована, равно как и последовательность изложения видов наказаний в санкциях соответствующих статей УК РФ.

При обсуждении проблемы видов заменяемых наказаний в науке высказываются разнонаправленные суждения о расширении или, напротив, ограничении соответствующего перечня.

Так, А.Р. Гараевой было предложено исключить из перечня заменяемых наказаний такого наказания как содержание в дисциплинарной воинской

силе в принципе не должны быть жестче основных наказаний». См.: Верина Г.В. Ограничение свободы как вид уголовного наказания в свете законодательных новелл // Уголовное право. 2010. № 5. С. 10.

К аналогичным выводам пришли по итогам специальных исследований и иные авторы, см., например: Зайнутдинов Р.С. Ограничение свободы: уголовно-правовые и уголовно-исполнительные аспекты // Вестник Кемеровского государственного университета. 2014. № 4, Т. 3. С. 280–284; Звонов А.В., Соколова О.В. О месте ограничения свободы в системе мер уголовно-правового воздействия // Уголовно-исполнительное право. 2015. № 4 (22). С. 18–23; Пермиловская Е.А. К вопросу о месте ограничения свободы в современной системе уголовных наказаний // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2017. № 4 (40). С. 47–52.

¹ Проблема системных связей между содержанием наказанием и его местом в системе наказаний и в санкции отмечалась давно. Н.В. Огородникова обоснованно писала по этому поводу: «Система уголовных наказаний, с одной стороны, должна обладать существенной стабильностью, состоять из устойчивых, проверенных опытом и временем мер уголовно-правового воздействия. С другой стороны, постоянное совершенствование уголовно-правовой политики в области борьбы с преступностью относится к системе уголовных наказаний и их видам. Аксиологический подход к анализу перечня наказания, к их последовательности подтверждает мысль о том, что содержание наказания – не постоянная субстанция» См.: Огородникова Н.В. Санкции за имущественные преступления (виды, обоснованность, построение): автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Саратов, 1991. С. 9.

части, «поскольку заменить осужденному военнослужащему неотбытую часть содержания в дисциплинарной воинской части в соответствии со ст. 80 УК РФ практически невозможно»¹. Данное наказание было включено в список заменяемых наказаний упомянутым законом № 162-ФЗ от 08.12.2003 года. Однако в практике нововведение не получило поддержки. Действительно, из наказаний, которые признаются законом более мягкими по сравнению с содержанием в дисциплинарной воинской части, арест не применяется вовсе, а принудительные работы, ограничение свободы, ограничение по военной службе, исправительные работы и обязательные работы не применяются к военнослужащим, проходящим службу по призыву (то есть к тем, кому может быть назначено содержание в дисциплинарной воинской части). В то время как единственное возможное заменяющее наказание – лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью едва ли может быть признано адекватным, учитывая специфику преступлений, за которые назначается содержанием в дисциплинарной воинской части и особенности самого этого наказания. Проведенный по данному поводу опрос специалистов в области теории и практики применения уголовного закона также показал нецелесообразность конструирования оснований для замены содержания в дисциплинарной воинской части более мягким видом наказания (в пользу соответствующей корректировки закона косвенно высказалось 69% респондентов).

Иное предложение, о расширении списка заменяемых наказаний было высказано рядом авторов, которые считают возможным закрепить в законе положение о замене неотбытой части исправительных работ обязательными работами или штрафом². Однако поддержать такое предложение сложно (отвергнуто оно и 60% опрошенных специалистов в области уголовного

¹ Гараева А.Р. Смягчение наказания при его исполнении в российском уголовном праве: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Казань, 2007. С. 19.

² Абдуллин Э.М. Замена наказания в уголовном праве России (юридическая природа, виды, характеристика): дисс. ... канд. юрид. наук. Ульяновск, 2008. С. 176; Бабаян С.Л. К вопросу о совершенствовании поощрительных институтов, применяемых к лицам, осужденным к наказаниям без изоляции от общества // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2013. № 3 (23). С. 19–22.

права). Основная причина состоит в том, что различия между исправительными работами и обязательными работами, в том числе принимая во внимание изменение содержания исправительных работ, которые теперь назначаются только лицам, имеющим основное место работы¹, не являются настолько существенными, чтобы считать сложную процедуру замены наказания оправданным средством достижения цели минимизации карательного воздействия. И совершенно неприемлемым (учитывая различия в степени карательного воздействия) выглядят предложения о возможности закрепления в законе правил о замене пожизненного лишения свободы ограничением свободы².

Активно дискутируется и вопрос о возможности распространения положений ст. 80 УК РФ на лиц, осужденных к пожизненному лишению свободы. Некоторые авторы высказываются в пользу такого решения³, другие – категорически против⁴. Этот вопрос, как уже отмечалось, находится в полном конституционном усмотрении законодателя. И потенциально может быть решен положительно. Однако полагаем, что к этому нет теоретических оснований и практической надобности, поскольку во-первых, применение ст. 80 УК РФ так или иначе увязано с целью исправления осужденного, которая при назначении пожизненного лишения свободы не является для суда приоритетной; во-вторых, (и это не учитывают многие авторы) потребует масштабного пересмотра положений закона, определяющих само наказание в

¹ Федеральный закон от 23.07.2025 № 218-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и признании утратившим силу пункта 7.1 части первой статьи 299 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2025. № 30 (ч. I). Ст. 4367.

² Конкина О.В. Замена неотбытой наказания более мягким видом наказания: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Рязань, 2000. С. 9.

³ О.В. Конкина предлагала дополнить ст. 80 УК РФ следующими положениями: «Лицу, отбывающему пожизненное лишение свободы, суд при условии положительно характеризующегося поведения и фактическом отбытии не менее двадцати лет лишения свободы может заменить указанное наказание ограничением свободы в пределах, предусмотренных настоящим Кодексом для данного вида наказания». См.: Конкина О.В. Замена неотбытой наказания более мягким видом наказания: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Рязань, 2000. С аналогичным предложением высказывается Е.В. Благов, см.: Благов Е.В. Освобождение от наказания (традиции, реалии, перспективы). М.: Юрлитинформ, 2023. С. 354, 374.

⁴ Черненко Т.Г., Масалитина И.В. Некоторые проблемные вопросы замены уголовного наказания более мягким видом наказания // Вестник Томского государственного университета. Право. 2019. № 32. С. 122–132.

виде пожизненного лишения свободы, связанных с конструированием последствий уклонения от отбывания смягченного наказания, что сведет на нет саму идею пожизненного лишения свободы; в-третьих, это дискредитирует саму идею замены наказания более мягким видом, рассчитанную на эквивалентную замену срока (размера) неотбытой части наказания соответствующим сроком (размером) иного наказания (такой эквивалент установить в данном случае невозможно по определению). Заметим также, что мысль о распространении ст. 80 УК РФ на лиц, отбывающих пожизненное лишение свободы, не поддерживается значительной частью (57%) опрошенных нами специалистов.

Таким образом, можно констатировать, что в реальности лишь два вида наказания могут оправданно претендовать на статус заменяемых, это лишение свободы и принудительные работы (что вполне подтверждают приведенные выше статистические формы наблюдения).

5. Институт замены наказания предусматривает, что более мягким видом может быть заменено только основное наказание. Дополнительные наказания на основании ст. 80 УК РФ не подлежат замене иной мерой воздействия, равно как не подлежит сокращению их срок или размер. Рассматривая материалы о замене основного наказания суд в обязательном порядке обсуждает вопрос о дополнительном наказании и принимает мотивированное решение: либо сохраняет дополнительное наказание, определенное приговором по делу, либо полностью или частично освобождает осужденного от отбывания дополнительного наказания¹. Игнорирование в постановлении о замене наказания судьбы дополнительного наказания является нарушением закона, создающим повод для обжалования судебного решения.

В науке были высказаны сомнения в необходимости предписаний об освобождении от дополнительного наказания². Однако разделить эти

¹ Такое освобождение является безусловным. Последующая потенциально не исключенная замена более мягкого основного наказания в случае уклонения от его отбывания иным, более строгим наказанием, не приводит к отмене решения об освобождении от дополнительного наказания, не «восстанавливает» его.

² Бадамшин И.Д., Фасхутдинов Р.Ф. К вопросу о реализации замены неотбытой части наказания более мягким видом наказания // Черные дыры в Российском законодательстве. 2015. № 3. С. 107–108.

сомнения не представляется возможным. Решения вопроса о дополнительном наказании требует, прежде всего, принцип правовой определенности, обуславливающий стабильность судебных решений и отсутствие сомнений в правовом статусе личности.

Другое дело, целесообразность собственно освобождения от дополнительного наказания. В качестве дополнительных наказаний, согласно ст. 45 УК РФ, могут быть применены штраф, лишение специального, воинского или почетного звания, классного чина и государственных наград, лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, ограничение свободы. Основная задача всех этих наказаний (штраф – исключение) – обеспечить предупреждение преступлений со стороны осужденного лица, гарантировать безопасность общественных интересов от потенциально неисключенных проявлений его криминальной активности. Если учесть, что замена наказания в большей степени ориентирована на цели исправления лица и мало учитывает цели предупреждения преступлений осужденных в будущем, то можно высказать общее предположение, что освобождение от дополнительного наказания, как правило, не является целесообразным (такое суждение признали справедливым 65% опрошенных нами при проведении исследования респондентов из числа специалистов в области уголовного права). Вероятно, по этой причине, в судебной практике практически не встречается ситуаций освобождения от дополнительного наказания на основании предписаний ст. 80 УК РФ.

Однако сохранение дополнительного наказания при применении ст. 80 УК РФ ставит в ряде случаев на повестку дня проблему разрешение коллизий при совпадении имеющегося дополнительного наказания с избираемым в порядке замены видом более мягкого наказания, учитывая, что три из семи общих наказаний, которые могут быть применены в порядке замены, относятся к категории тех, что могут назначены в качестве основных или дополнительных. Разрешение этой коллизии, как представляется, должно

основываться на правовой позиции Верховного Суда Российской Федерации, согласно которой «в качестве дополнительного не может быть применено наказание, которое назначено лицу в качестве основного за то же преступление»¹. Следовательно, обсуждая вопрос о замене основного наказания и сохранении дополнительного наказания, суд должен избрать такой вид основного заменяющего наказания, который не совпадает с имеющимся дополнительным наказанием². Освобождение от дополнительного наказания с заменой основного наказания более мягким наказанием, содержательно совпадающим с ранее назначенным по приговору суда дополнительным наказанием, является, на наш взгляд, недопустимым существенным вторжением в существо приговора, особенно принимая во внимание различающиеся правовые последствия уклонения от отбывания одного и того же наказания, назначенного в качестве основного или дополнительного.

6. Отдельного внимания заслуживает анализ видов заменяющих основных наказаний. Напомним, что это рассматриваемый институт предполагает замену отбываемого осужденным наказания именно наказанием, в связи с чем ситуация изменения на основании ст. 78 УИК РФ вида исправительного учреждения, в котором осужденный отбывает наказание в виде лишения свободы³, или ситуация освобождения от наказания с

¹ Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 22.12.2015 № 58 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания» (п. 59) // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2016. № 2.

² В науке в качестве частного правила предлагалось дополнить ст. 80 УК РФ частью 3.1 следующего содержания: «Неотбытая часть наказания в виде лишения свободы или принудительных работ не может быть заменена наказанием в виде ограничения свободы в случае, если приговором суда в качестве дополнительного наказания назначено наказание в виде ограничения свободы. В указанном случае суду необходимо рассмотреть вопрос об освобождении осужденного от дополнительного вида наказания в виде ограничения свободы либо заменить неотбытую часть наказания в виде лишения свободы или принудительных работ наказанием в виде исправительных работ» (Глазков М.Б. Замена неотбытой части наказания в виде лишения свободы наказанием в виде ограничения свободы в порядке ст. 80 Уголовного кодекса Российской Федерации: вопросы правоприменения // Уголовная юстиция. 2022. № 20. С. 19). Однако столь детальная регламентация частного случая едва ли требуется в тексте уголовного закона, к тому же это частное правило не разрешает иных сходных ситуаций совпадения заменяющего наказания в постановлении суда и дополнительного наказания в приговоре суда.

³ Правовые позиции высшей судебной инстанции на этот счет см: Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29.05.2014 № 9 «О практике назначения и изменения судами видов исправительных учреждений» (п. 20–31) // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2014. № 7.

направлением осужденного несовершеннолетнего в специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа на основании ст. 92 УК РФ¹, находится за пределами настоящего анализа. Что касается собственно наказаний, которые могут быть применены в качестве заменяющих, то здесь есть два бесспорных императивных положения и несколько положений альтернативно-обсуждаемых.

Бесспорным следует признать правило о том, что основное наказание подлежит замене только таким наказанием, которое может быть назначено в качестве основного и которое при этом является общим, универсальным. Соответственно, недопустима замена основного наказания таким, которое может быть применено только в качестве дополнительного (из перечня, указанного в ст. 44 УК РФ, таковым является лишение специального, воинского или почетного звания, классного чина и государственных наград) или таким, которое может быть назначено только военнослужащим (ограничение по военной службе). Бесспорно и положение о том, что при выборе основного заменяющего наказания необходимо учитывать установленные законом общие правила назначения этого наказания и возможные ограничения в его назначении (ч. 4 ст. 49, ч. 4 ст. 50, ч. 6 ст. 53, ч. 5 ст. 53¹, ч. 2 ст. 54 УК РФ). В последнем случае важно обратить внимание на несогласованность нормативных предписаний, определяющих особенности назначения наказаний, связанных с привлечением к труду (в том числе межотраслевую несогласованность, учитывая положения ч. 2 ст. 103 УИК РФ). Представляется, что сегодня требуется выработка универсальных и единообразных правил, особенно в части решения вопроса о назначении обязательных или исправительных работ инвалидам второй группы и лицам, достигшим возраста, дающего право на назначение страховой пенсии по

¹ Возможность такого решения основывается на правовой позиции высшей судебной инстанции, см.: Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 01.02.2011 № 1 «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних» (п. 37) // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2011. № 4.

старости в соответствии с законодательством России, и признанным в установленном порядке полностью неспособными к трудовой деятельности¹.

К числу дискутируемых проблем относятся выбор наиболее оправданных или эффективных наказаний из числа заменяющих. Закон в ч. 3 ст. 80 УК РФ предписывает, что при замене наказания суд может избрать *«любой более мягкий вид наказания»* (курсив наш – П.З.). Однако в научной литературе высказываются на этот счет критические замечания:

– Ю.М. Ткачевский писал о недопустимости замены отбываемого наказания штрафом, поскольку, будучи одноразовым наказанием, он не предполагает исправительно-трудового, воспитательного воздействия на осужденного, и о недопустимости применения в порядке замены лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, так как основанием его применения является совершение лицом преступления, непосредственного связанного по своему характеру с выполнением служебных обязанностей, занятием определенной деятельностью²;

– Л.В. Яковлева писала, что хотя замена лишения свободы штрафом теоретически допустима, на практике она может вылиться в почти безвозмездное освобождение осужденных, учитывая их материальное положение во время отбывания наказания. По ее мнению (высказанному применительно к ранее действовавшей редакции ст. 80 УК РФ), лишение свободы можно заменять только такими более мягкими видами наказания, как обязательные работы, исправительные работы и ограничение свободы³;

¹ Разработка таких правил и формулировка конкретных рекомендаций находится за пределами темы настоящего исследования.

² Ткачевский Ю.М. Замена неотбытой части наказания более мягким // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 1981. № 3. С. 89–90.

Заметим, что в современной судебной практике, согласно изученным материалам, ситуации замены лишения свободы лишением права занимать определенные должности не встречается. Замена лишения свободы штрафом встречается крайне редко и является, скорее, исключением из правил. См., например: Апелляционное постановление Рязанского областного суда от 28.07.2025 по делу № 4/16-15/2025.

³ Яковлева Л.В. Институт освобождения от наказания в российском праве: автореф. дисс. ... д-ра юрид. наук. М., 2003. С. 30.

– А.В. Жуков также категорически выступал против замены отбываемого наказания штрафом, и дополнительно указывал, что особенности ареста как уголовного наказания не позволяют признать его более мягким видом наказания, чем лишение свободы. По его мнению, наиболее целесообразной является замена лишения свободы исправительными работами, обязательными работами и ограничением свободы¹;

– М.Г. Курганский отмечает практическую неприменимость и нецелесообразность замены лишения свободы не только штрафом, но и обязательными работами².

Проведенный при подготовке исследования опрос специалистов в области уголовного права также подтвердил нецелесообразность применения абсолютно любых более мягких видов наказаний. В частности, в пользу возможности замены лишения свободы или принудительных работ штрафом высказались 12% респондентов, в пользу замены их лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью – 5%, обязательными работами – 78%, исправительными работами – 96%, ограничением свободы – 69%. В пользу замены лишения свободы арестом в порядке замены наказания более мягким видом высказались 4% респондентов.

Эти данные нельзя игнорировать. Как представляется, в решении рассматриваемого вопроса следует учитывать не только формальное расположение наказаний в списке, установленном ст. 44 УК РФ (этот порядок, как было показано применительно к ограничению свободы не соблюдается в полной мере), но и содержательное сопоставление реального объема правоограничений, предполагаемых тем или иным наказанием с учетом срока отбывания наказания, и с учетом содержания правоограничения, составляющего сущность наказания. С этой точки представляется, что наказание в виде лишения свободы целесообразно заменять на наказания,

¹ Жуков А.В. Замена наказания в уголовном праве России: дисс. ... канд. юрид. наук. Самара, 2002. С. 68, 71.

² Курганский М. Замена неотбытой части наказания более мягким видом наказания // Законность. 2007. № 7 (873). С. 51–52.

связанные с трудовым воздействием (принудительные работы), тогда как наказание, предполагающее исправление трудом (принудительные работы) в порядке замены более мягким целесообразно заменять на ограничение свободы. Избирать вместо лишения свободы ограничение свободы нецелесообразно ввиду существенного разрыва в степени репрессивности этих наказаний, тогда как заменять принудительные работы иными наказаниями, связанными с трудовым воздействием, едва ли целесообразно по существу и затруднительно с практической точки зрения (учитывая, что исправительные работы сегодня могут назначаться только осужденным, имеющим основное место работы). Нецелесообразно и едва ли возможно с практической точки зрения в современных условиях заменять лишение свободы исправительными или обязательными работами, поскольку: (а) лишенные свободы не имеют основного места работы, как того требует ст. 50 УК РФ, что формально блокирует применение исправительных работ; (б) органы местного самоуправления лишены механизма определять место отбывания обязательных работ в порядке исполнения приговора на основании постановления суда.

Эти теоретические рекомендации, как представляется, могут найти прямое выражение в тексте уголовного закона, где целесообразно дифференцировать две ситуации замены наказания более мягким видом: а) замена неотбытой части наказания в виде лишения свободы принудительными работами и б) замена неотбытой части принудительных работ наказанием в виде ограничения свободы.

Такое предложение ставит в повестку дня вопрос о замене принудительными работами лишения свободы, назначенного лицам за совершение особо тяжких преступлений. Как известно, Законом № 365-ФЗ такая возможность была исключена¹. Мотивировалась она тем, что «в учреждениях, исполняющих наказание в виде принудительных работ, все

¹ Федеральный закон от 24.09.2022 № 365-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2022 № 39. Ст. 6535.

осужденные содержатся совместно, в связи с чем неоднократно судимые лица криминальной направленности оказывают негативное влияние на ранее несудимых лиц, приобщая их к криминальной субкультуре, что отрицательно отражается на оперативной обстановке в учреждениях. Данные обстоятельства становятся причиной нарушений осужденными установленного порядка и условий отбывания наказания, а также совершения повторных преступлений в период отбывания принудительных работ»¹. Там же отмечалось, что «более успешной подготовке осужденных за совершение особо тяжких преступлений к возвращению в общество будет способствовать, в первую очередь, поэтапное изменение вида исправительного учреждения, а именно - перевод из колонии строгого режима в колонию-поселение, а затем замена неотбытой части лишения свободы более мягким наказанием или условно-досрочное освобождение». Однако высказанные соображения свидетельствуют не столько о необходимости установления запрета на замену лишения свободы принудительными работами в отношении осужденных за особо тяжкие преступления, сколько о просчетах практики применения соответствующих норм, а также о несовершенстве порядка применения ст. 80 УК РФ. В самой же Пояснительной записке к исследуемому законопроекту указывалось, что «у осужденного за особо тяжкое преступление первоначально по отбытии половины срока лишения свободы возникает право на изменение вида исправительного учреждения, а по отбытии двух третей – право на замену наказания в виде лишения свободы принудительными работами». Хотя эта последняя мысль и не была надлежащим образом реализована в тексте самого закона.

Продолжая обсуждение той проблемы и анализируя вопросы о предпочтительных заменяющих наказаниях, нельзя обойти стороной общую проблему соотносимости лишения свободы и принудительных работ, которые

¹ Пояснительная записка к проекту федерального закона «О внесении изменения в статью 80 Уголовного кодекса Российской Федерации» (в части изменения условий замены неотбытой части наказания осужденным за совершение особо тяжкого преступления). URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/160006-8> (дата обращения: 26.01.2026).

позиционированы, с одной стороны, в качестве более мягкого вида наказания (следуя предписаниям ст. 44 УК РФ), а с другой стороны, – в качестве самого строгого из наиболее мягких видов наказаний, для применения которого в порядке замены осужденному достаточно отбыть сокращенный минимальный срок лишения свободы (ч. 2 ст. 80 УК РФ). Это важно, учитывая, что лишение свободы может отбываться в различных учреждениях, в том числе в колониях-поселениях, а УИК РФ предусматривает возможность перевода осужденных, отбывающих лишение свободы в колониях строгого и общего режима, в колонию-поселение. Специалисты уже отметили, что по уровню репрессивности принудительные работы не всегда являются менее строгой альтернативой лишению свободы, что уровень карательного воздействия принудительных работ имеет значительное сходство с отбыванием наказания в виде лишения свободы в колониях-поселениях¹. Об особом характере правоограничений, распространяемых на лиц, пребывающих в колониях-поселениях, утверждает и Конституционный Суд Российской Федерации, когда указывает, что режим в колониях-поселениях в значительной мере приближается к режиму отбывания наказания, ограничивающему свободу осужденных комплексом устанавливаемых судом ограничительных условий (обязанностей) и запретов, исполняемых ими без изоляции от общества под надзором специализированного государственного органа, и когда предлагает законодателю трансформировать отбывание наказания в колониях-поселениях в отдельный вид уголовного наказания².

В свете исследования вопросов замены наказания соотносимость принудительных работ и лишения свободы ставит серьезные проблемы. В частности: а) лица, отбывающие лишение свободы в тюрьме, ограниченные в

¹ Маликов Б.З. Политика либерализации уголовной ответственности и наказания: принудительные работы вместо лишения свободы // Человек: преступление и наказание. 2012. № 4. С. 77–81; Дроздов А.И., Орлов А.В. Принудительные работы и лишение свободы в колониях-поселениях: сравнительно-правовой анализ // Уголовно-исполнительное право. 2015. № 1 (19). С. 40–44.

² Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 19.04.2016 № 12-П «По делу о разрешении вопроса о возможности исполнения в соответствии с Конституцией Российской Федерации постановления Европейского Суда по правам человека от 4 июля 2013 года по делу "Анчуглов и Гладков против России" в связи с запросом Министерства юстиции Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2016. № 17. Ст. 2480.

возможности применения к ним принудительных работ (с учетом положений ч. 2 ст. 58 УК РФ, это могут быть лишь лица, осужденные по ч. 1 или ч. 2 ст. 205², ч. 1 или ч. 2 ст. 220, ч. 1 ст. 221 УК РФ), и ограниченные в возможности либо лишенные возможности перевода в исправительную колонию, тем не менее, формально вправе претендовать на замену лишения свободы любым иным более мягким видом наказания; б) лица, отбывающие лишение свободы в колонии-поселении, едва ли согласятся с тем, что замена им наказания принудительными работами (а формально – и арестом) является проявлением гуманизма и мерой поощрения.

Обратим внимание: полноценное обсуждение этих проблем выходит за пределы темы настоящей диссертации и требует глубокого и вдумчивого анализа системы наказаний, в том числе с точки зрения уголовно-исполнительного права. Однако изучение межинституциональных связей института замены наказания позволяет выявить и указать на эти существенные проблемы в интересах совершенствования уголовного права в целом. Применительно к нашей теме ограничимся общим соображением о том, что в уголовный закон следует вернуть правило о возможности замены лишения свободы, назначенного за особо тяжкие преступления, принудительными работами.

7. Определившись с видами заменяемых и заменяющих наказаний, в качестве завершающего аспекта, важно обсудить вопрос о порядке определения размера или срока заменяющего наказания и его соотношения со сроком неотбытой (заменяемой) части наказания. Это, пожалуй, наиболее сложный момент замены наказания.

Бесспорным является правило о том, что заменяя отбываемое наказание более мягким видом, суд не может выйти за пределы этого более мягкого вида, установленные для него в Общей части УК РФ («неотбытая часть наказания может быть заменена судом более мягким видом наказания, указанным в статье 44 УК РФ, которое в силу части 3 статьи 80 УК РФ не может быть больше максимального срока или размера наказания, предусмотренного

Уголовным кодексом Российской Федерации для этого вида наказания»¹; «по смыслу закона суд, решая вопрос о замене неотбытой части наказания более мягким видом наказания, может заменить неотбытую часть наказания более мягким видом наказания, при этом срок исправительных работ, назначенный в порядке замены, в соответствии с ч. 3 ст. 80 УК РФ ограничивается пределами, предусмотренными для данного вида наказания Общей частью УК РФ, то есть не должен превышать 2 года»²). Допускаемые в этой части ошибки (например, по одному из дел суд заменил неотбытое наказание в виде лишения свободы сроком в 1 год 10 месяцев 4 дня на исправительные работы сроком на 5 лет и 5 месяцев с удержанием 5% из заработной платы осужденной) последовательно исправляются проверочными инстанциями³.

Это правило существенно скорректировано абз. 2 п. 4 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 21.04.2009 № 8 «О судебной практике условно-досрочного освобождения от отбывания наказания, замены неотбытой части наказания более мягким видом наказания», согласно которому, определяя максимальный срок заменяющего вида наказания, надо учитывать не только предписания закона об этом виде наказания, но и требования ч. 2 ст. 72 УК РФ, отсылающей к положениям ч. 1 ст. 71 УК РФ. То есть максимальный срок заменяющего наказания не должен превышать пределов этого наказания, рассчитанных на основе коэффициентов замены. Например, в случае замены лишения свободы исправительными работами, если неотбытая часть наказания в виде лишения свободы составляет 6 месяцев, то срок исправительных работ не должен превышать 1 год 6 месяцев.

Однако, оставаясь в пределах минимального и максимального срока наиболее мягкого вида наказания, суд обладает свободой в установлении его

¹ Постановление Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 02.02.2023 по делу № 77-168/2023.

² Кассационное постановление Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 24.01.2023 по делу № 77-286/2023.

³ Кассационное постановление Санкт-Петербургского городского суда от 25.02.2015 по делу № 44у8/15.

конкретного периода. И именно тут возникают дискуссионные и противоречивые моменты, связанные с характеристикой срока заменяющего наказания: может ли он быть больше или меньше, чем неотбытая часть назначенного и отбываемого наказания, либо же он должен быть равным неотбытой части. В научной литературе нет единства мнений на этот счет.

Некоторые специалисты последовательно доказывают, что срок более мягкого вида наказания, назначенный в порядке замены в соответствии со ст. 80 УК РФ, не должен превышать не отбытую часть срока заменяемого наказания¹. Такая позиция весьма популярна в судебной практике. Еще в 2007 году Верховный Суд Российской Федерации указал в одном из решений, что «по смыслу закона срок более мягкого вида наказания, назначенный в порядке замены, не должен превышать неотбытую часть срока лишения свободы»². Этот подход, основанный, по всей видимости, на традициях ч. 8 ст. 53 УК РСФСР 1960 г.³, получил поддержку в современной кассационной практике, которая жестко фиксирует тезис: «по смыслу закона, срок более мягкого вида наказания, назначенного в порядке замены в соответствии с ч. 3 ст. 80 УК РФ, не может превышать неотбытую часть срока лишения свободы и должен исчисляться исходя из фактически отбытого срока»⁴.

Вместе с тем, положение «не должен превышать неотбытой части срока» иногда трактуется как «должен быть равным неотбытой части срока». По одному из дел суд указал, что «по смыслу закона замене подлежит наказание в виде лишения свободы на определенный срок и замена неотбытой части

¹ Черненко Т.Г., Масалитина И.В. Некоторые проблемные вопросы замены уголовного наказания более мягким видом наказания // Вестник Томского государственного университета. Право. 2019. № 32. С. 128, 129; Жуков А.В. Замена наказания в уголовном праве России: дисс. ... канд. юрид. наук. Самара, 2002. С. 73.

² Определение Верховного Суда Российской Федерации от 16.08.2007 по делу № 49Дп07145к.

³ Согласно этой норме, «при замене неотбытой части лишения свободы исправительными работами они назначаются в пределах сроков, установленных законом для этих видов наказания, и не должны превышать неотбытого срока лишения свободы».

⁴ Постановление Второго кассационного суда общей юрисдикции от 16.08.2023 по делу № 77-2611/2023; Постановление Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 20.02.2025 по делу № 77-524/2025; Постановление Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 24.09.2024 по делу № 77-3047/2024; Кассационное определение Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 22.09.2021 по делу № 77-4021/2021; Кассационное определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 28.01.2021 по делу № 77-80/2021 и др.

наказания более мягким видом наказания не может быть меньше не отбытого, поскольку является альтернативным условно-досрочному освобождению от наказания, что исключает его сокращение»¹.

Тезис о равенстве сроков заменяющего наказания и неотбытой части срока заменяемого наказания, в том числе принимая во внимание правила применения коэффициента пересчета срока различных видов наказаний, в некоторых ситуациях приводит суды к выводу о невозможности применения ст. 80 УК РФ на том основании, что рассчитанный срок заменяемого наказания оказывается большим, чем неотбытая часть срока отбываемого наказания, или большим, чем максимальный срок этого наказания, установленный Общей частью УК РФ. По одному из дел, суд первой инстанции, отказывая в применении ст. 80 УК РФ, исходил из того, что в ходатайстве осужденного ставился вопрос о замене неотбытой части наказания в виде лишения свободы на ограничение свободы. Указав, что неотбытая часть наказания составляет более 2 лет 4 месяцев лишения свободы, суд, сославшись на разъяснения Пленума Верховного Суда Российской Федерации, сделал вывод о том, что замена наказания в виде лишения свободы в порядке ст. 80 УК РФ на ограничение свободы возможна, если неотбытая часть лишения свободы не превышает 2 лет. Такое решение было признано ошибочным кассационным судом².

Таким образом, складывается ситуация, при которой срок заменяющего наказания, в представлениях судов, не должен быть больше, не должен быть меньше, чем неотбытая часть срока наказания, но не обязательно должен быть равен ему с учетом применения коэффициентов пересчета.

Ю.А. Тимошенко указывает, что «строгой зависимости срока оставшейся не отбытой части наказания и срока более мягкого вида наказания, на которое происходит замена в порядке ст. 80 УК РФ, закон не

¹ Постановление Девятого кассационного суда общей юрисдикции от 11.04.2022 по делу № 77-643/2022.

² Постановление Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 17.10.2023 по делу № 77-4284/2023.

устанавливает»¹. Однако эта верная констатация сама по себе не может служить надежной рекомендацией для правоприменителя, она требует пояснения и конкретизации.

В литературе предложено два противоположных решения проблемы. Некоторые исследователи указывают, что отсутствие нормативных положений о соотношении сроков заменяемого и заменяющего наказания способно привести к негативным последствиям: по итогам применения ст. 80 УК РФ лицо может отбывать наказание, явно несоответствующее тяжести совершенного деяния, ему может быть назначен слишком малый срок, либо, напротив, срок вновь назначенного наказания будет явно превышать неотбытую часть первоначально назначенного наказания, но находиться в пределах срока, установленного санкцией соответствующей статьи. В связи с этим исследователи предлагают законодательно закрепить механизм пересчета наказаний путем внесения дополнений в ст. 80 УК РФ. Содержание таких дополнений, по их мнению, должно строиться по образцу того, как это реализовано с заменой неотбытой части наказания более строгим видом наказания, то есть закреплением конкретной формулы². Напротив, иные авторы утверждают, что нет необходимости учитывать положения ст. 71 УК РФ «Порядок определения сроков наказаний при сложении наказаний» и ст. 72 УК РФ «Исчисления сроков наказаний и зачет наказания» для целей определения срока более мягкого вида наказания в рамках ст. 80 УК РФ. Они не могут приниматься во внимание, поскольку по своим основаниям, содержанию, целям, а также условиям замены имеют не только отличную правовую природу, но и форму воздействия³.

¹ Тимошенко Ю.А. Комментарий к постановлению Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О судебной практике условно-досрочного освобождения от отбывания наказания, замены неотбытой части наказания более мягким видом наказания» от 21 апреля 2009 года № 8 с изменениями, внесенными Постановлением Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 декабря 2010 года № 31. СПб.: Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации, 2011. С. 21–24.

² Тарькин В.К., Плохих Г.И., Серенко Р.С. Замена неотбытой части наказания более мягким видом наказания: вопросы теоретической и практической реализации // Современное общество и право. 2024. № 3 (70). С. 125.

³ Волков К.А. Проблемы судебной практики при замене неотбытой части наказания более мягким видом наказания // Уголовное право. 2016. № 1. С. 20.

Нет единства мнений по этому вопросу и среди опрошенных при подготовке исследования специалистов в области уголовного права. 67% респондентов считает, что срок заменяющего наказания должен быть равен сроку неотбытой части заменяемого наказания; тогда как 33% опрошенных полагают, что этот срок может быть либо меньшим, а 52% указывают, что этот срок заменяющего наказания может быть больше срока неотбытой части наказания, при условии, что он не выходит за максимальные пределы этого наказания, установленные Общей частью УК РФ, в том числе с учетом заменяющих коэффициентов.

В решении этой сложной проблемы, как представляется, необходимо отталкиваться от итогов обсуждения одного фундаментального вопроса: предполагает ли ст. 80 УК РФ замену наказания, основанную на правилах пересчета наказаний с учетом коэффициентов, предписанных ст. 71 и ст. 72 УК РФ, либо же она требует замены, основанной на общих правилах назначения наказания, закрепленных в ст. 60 УК РФ.

Наука, по большому счету, только подошла к решению этого вопроса. Е.В. Благов, следуя канонам формальной логики, пишет, что «назначение наказания невозможно тогда, когда наказание уже было назначено». Следовательно, при применении ст. 80 УК РФ уголовный закон не предполагает собственно назначения наказания. Однако такое положение вещей самим Е.В. Благовым оценивается критически, а легитимность такой замены признается сомнительной¹.

Вполне однозначно на этот счет высказались Ю.Е. Пудовочкин и Н.В. Генрих: «замена неотбытой части наказания более мягким видом не может рассматриваться как механическая деятельность по пересчету наказания, аналогичная той, что предусмотрена ст. 71 УК РФ в целях определения итогового наказания при его сложении. По сути, речь идет о том, что с учетом а) времени, прошедшего после совершения преступления и вынесения при

¹ Благов Е.В. Наказание без назначения и скрытые формы наказания в уголовном праве России // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2023. Т. 25, № 4. С. 101.

говора, б) данных о личности осужденного и его поведении, в) результатов и положительной динамики исправительного процесса суд обязан в порядке ст. 80 УК РФ назначить новое наказание, отвечающее требованиям справедливости и гуманизма. Возлагать в данном случае на суд подчеркнуто математический перевод одного наказания в другое нельзя»¹.

Аналогично мнение и тех специалистов, которые пишут о том, что любые формулы для перерасчета неотбытой части более строгого наказания в более мягкое по виду наказание будут затруднять индивидуализацию наказания при решении вопроса о замене наказания более мягким видом².

Поставив этот вопрос на обсуждение экспертного сообщества, мы получили неоднозначные результаты: 39% респондентов из числа специалистов в области уголовного права высказались в пользу механического пересчета наказаний, тогда как 61% признали необходимым более мягкий вид наказания именно назначать в подлинном смысле этого слова.

Представляется, однако, что распространять на ситуации замены наказания требования, связанные с его назначением, не вполне обоснованно как с теоретической точки зрения (это разные правовые институты), так и с практической (эти виды деятельности осуществляется в разных процедурах, на основе применения различных критериев; более того, использование критериев назначения наказания при его замене является правоприменительной ошибкой)³. Поэтому замена – не есть назначение. Это

¹ Пудовочкин Ю.Е., Генрих Н.В. Замена неотбытой части наказания более мягким видом наказания: проблемы судебной практики // Уголовное право. 2022. № 5 (141). С. 24.

² Черненко Т.Г., Масалитина И.В. Некоторые проблемные вопросы замены уголовного наказания более мягким видом наказания // Вестник Томского государственного университета. Право. 2019. № 32. С. 128, 129.

³ Проблема назначения наказания составляет важный компонент научных интересов кафедры уголовного права Кубанского государственного университета, ей посвящен значительный массив ценных научных источников, см., например: Прохоров Л.А. Общие начала назначения наказания по советскому уголовному праву: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. М., 1972; Прохоров Л.А., Полтавец В.В., Елец Е.А. Специальные правила назначения наказания: концептуальные основы и проблемы взаимодействия // Правосудие. 2021. Т. 3, № 2. С. 117–138; Прохорова М.Л., Полтавец В.В. Институт назначения наказания: проблемы реализации и направления оптимизации // Оптимизация правовой основы противодействия преступности: к 25-летию Конституции Российской Федерации: сборник научных трудов по итогам Всерос. науч.-практ. конф. с международным участием: в 2 частях, Волгоград, 12–13 декабря 2018 года / под ред. Л.

вовсе не означает, что замена не требует индивидуализации наказания; просто индивидуализация наказания может осуществляться за рамками процедуры его назначения (в том числе и при исполнении наказания). Индивидуализация проявляется, прежде всего, в учете критериев замены наказания более мягким видом и в выборе самого более мягкого вида наказания. Она, таким образом, расположена в основе принятия решения о замене. Но сама замена, на наш взгляд, есть именно замена, обмен. Он должен быть эквивалентным и основываться на законодательном представлении о соотношении различных видов наказаний. Поэтому общим правилом замены должен стать именно пересчет, перевод одного вида наказания в другой с учетом «обменного курса», установленного ст. 72 УК РФ. Замена наказания не должна приводить к сокращению срока наказания. Равным образом суд не должно смущать то обстоятельство, что срок более мягкого вида наказания, определенный с учетом коэффициентов, может оказаться более продолжительным, нежели срок неотбытой части назначенного судом и отбываемого осужденным наказания. Поскольку репрессивность (большая или меньшая мягкость) наказания определяется не только сроком, но и содержанием предписанных наказанием правоограничений, условиями его отбывания и пр. Только в том случае, если срок более мягкого вида наказания, установленный с учетом коэффициентов, выйдет за пределы максимального срока этого наказания, зафиксированного в Общей части УК РФ, должны сработать соответствующие ограничители.

Подводя итоги исследованию вопросов, связанных с характеристикой теории и практики замены неотбытой части наказания более мягким видом наказания, представляется возможным сформулировать несколько принципиальных положений:

– как компонент самостоятельного института замены наказания, замена неотбытой части наказания более мягким видом наказания, принципиально

отличается от процедуры назначения наказания и требует: а) строгого соблюдения отдельной, особой процессуальной формы; б) четкой артикуляции основания замены, не совпадающего с основанием назначения наказания; в) оценки критериев замены наказания, характеризующих исключительно постпреступное поведение осужденного и процесс его исправления;

– замена наказания более мягким видом основывается на идеях: а) сопоставимости и взаимозаменяемости видов наказаний в системе наказаний, которая позволяет обеспечить эквивалентную замену одних правоограничений иными правоограничениями; б) прогрессивной системы исполнения наказания, которая позволяет смягчать уровень карательных правоограничений по мере достижения целей исправления лица, совершившего преступление; в) последовательности и планомерности в улучшении правового статуса лица, совершившего преступление;

– в уголовном законе целесообразно предусмотреть дифференцированный порядок замены наказания: а) замену неотбытой части лишения свободы (в том числе отбываемого за особо тяжкое преступление) наказанием в виде принудительных работ; б) замену принудительных работ (назначенных судом или отбываемых в порядке замены ими лишения свободы) наказанием в виде ограничения свободы. При этом в процессе замены необходимо использовать установленные законом коэффициенты пересчета, согласно которым одному дню лишения свободы соответствует один день принудительных работ, а одному дню принудительных работ – два дня ограничения свободы;

– перспективным и самостоятельным направлением оптимизации практики замены наказания более мягким видом является межинституциональное согласование: а) практики отбывания лишения свободы в колонии-поселении с системой видов наказаний (учитывая, что такое лишение свободы имеет мало общего собственного с лишением свободы и близко к практике отбывания принудительных работ или ограничения

свободы); б) практики изменения вида исправительного учреждения, учитывая многообразный и существенно отличающийся характер таких учреждений, с практикой замены лишения свободы принудительными работами, принимая во внимание содержательно близкие критерии применения обоих институтов.

§ 2. Замена назначенного судом наказания при уклонении от его отбывания

Нормативные предписания о замене назначенного судом наказания, в случае уклонения виновного от его исполнения или отбывания, иными видами наказания, составляя неотъемлемую часть исследуемого правового института, весьма востребованы правоприменительной практикой.

Соответствующие представления и материалы вместе с материалами о замене наказания более мягким видом (ст. 80 УК РФ) формируют устойчивый в статистическом измерении массив практики. Причем соотношение этих видов материалов также является устойчивым (см. таблицу 5).

**Таблица 5. Соотношение практики удовлетворения представлений
и ходатайств о замене наказания более мягким и более строгим видом¹**

	2020		2021		2022		2023		2024		6 мес. 2025	
	Абс.	Уд. вес	Абс.	Уд. вес	Абс.	Уд. вес	Абс.	Уд. вес	Абс.	Уд. вес	Абс.	Уд. вес
Замена более мягким	26538	39,8	24912	37,5	26682	38,5	35391	45,1	22577	35,5	8080	31,8
Замена более строгим	40156	60,2	41464	62,5	42532	61,5	43004	54,9	40953	64,5	17306	68,2

Если весь массив рассмотренных судами первой инстанции (с вынесением окончательного решения по существу) материалов, связанных с

¹ Составлено и подсчитано нами на основании сведений, официально опубликованных Судебным департаментом при Верховном Суде Российской Федерации. Использованы данные следующих форм: Форма 1 «Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел по первой инстанции», Раздел 4. Рассмотрение представлений, ходатайств и жалоб (по числу лиц). Информация размещена в сети «Интернет» на официальном сайте Судебного Департамента по адресу: <https://cdep.ru/?id=79> (дата обращения: 09.08.2026).

заменой наказания, оценить в 100%, то примерно 60% из них будет связано с рассмотрением представлений о замене наказания более строгим видом.

Анализ статистических данных также свидетельствует, что в общем массиве рассмотренных судами первой инстанции с вынесением решения представлений удельный вес окончанных производством материалов о замене наказания более строгим видом относительно невелик, составляя в последние пять лет в среднем чуть более 3%, и колеблясь в абсолютном выражении от 84533 в 2020 году до 88448 – в 2024. Равно как демонстрирует относительную стабильность и устойчивость тренда число удовлетворенных представлений о замене наказания более строгим видом. В общем массиве удовлетворенных судами ходатайств и представлений он составляет 1,8% и находится в пределах от 40156 в 2020 году до 40953 – в 2024 году (см. диаграмму 1).

Диаграмма 1. Динамика представлений о замене наказания более строгим видом

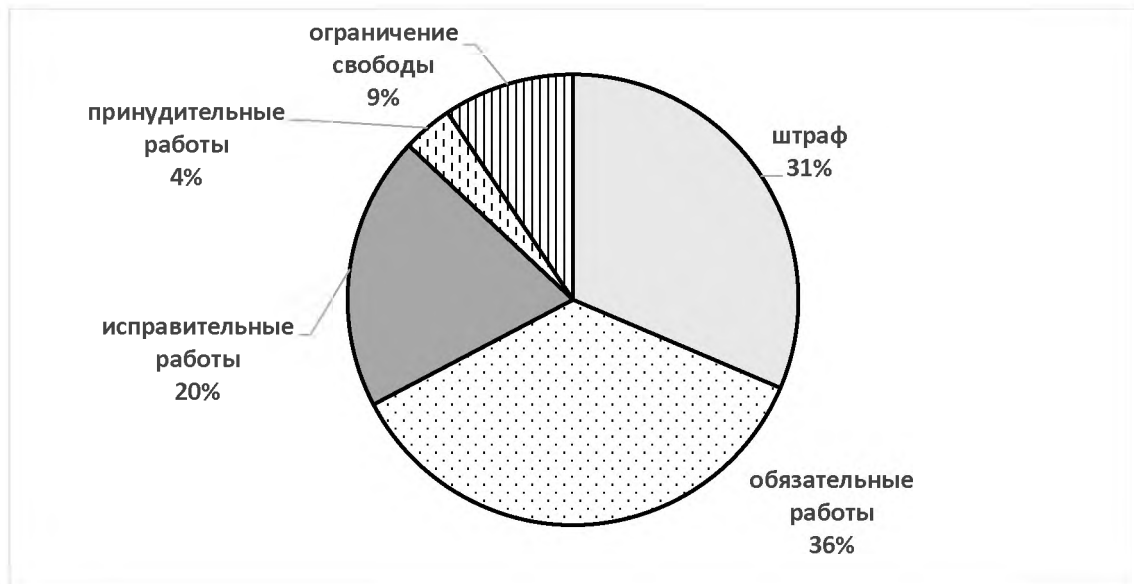
Должно быть очевидным, что динамика общего числа материалов о замене наказания более строгим видом и их внутренняя структура определяются, в первую очередь, структурой судебной практики назначения наказания. В недавнем прошлом слабая диверсификация практики, ее сосредоточенность на лишении свободы (реальном или условном), связанная, как минимум, с тем, что многие альтернативные лишению свободы наказания не были введены в действие, обуславливала востребованность лишь двух норм, а именно о замене штрафа (ч. 5 ст. 46 УК РФ) и исправительных работ (ч. 4 ст. 50 УК РФ). В наши дни, изменение структуры судебной практики

назначения наказаний – сокращение удельного веса осужденных к лишению свободы за счет увеличения удельного веса осужденных к наказаниям, не связанным с лишением свободы – делают массив нормативных предписаний о замене неотбытой части наказания более строгим видом все более востребованным. В статистическом отношении это же обстоятельство, по сути, блокирует необходимость и целесообразность длительных наблюдений за практикой, в связи с чем в последующем изложении мы ограничимся данными за последние пять лет (см. приложение 3).

Имеющиеся в распоряжении данные позволяют оценить значимую для общей оценки функционирования и исследуемой системы нормативных предписаний, и видов наказаний в целом, структуру заявленных представлений о замене наказания.

Трансформации судебной практики в последние годы привела к формированию следующей конфигурации удельного веса наказаний, не связанных с лишением свободы (см. диаграмму 2).

Диаграмма 2. Структура назначенных судом основных наказаний, не связанных с лишением свободы (по числу лиц)¹

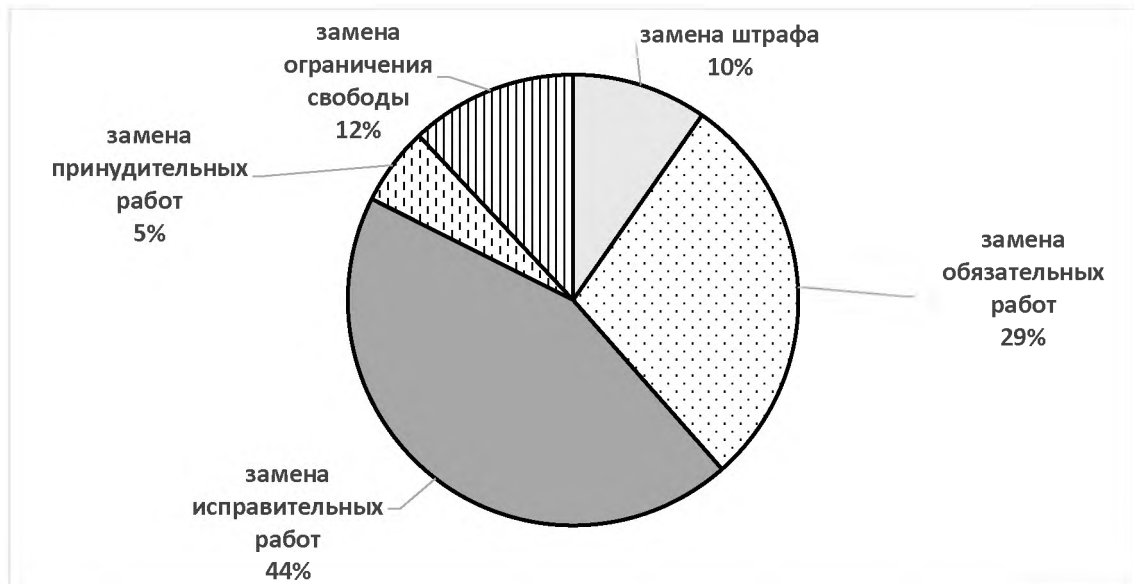

¹ Составлено и подсчитано нами на основании сведений, официально опубликованных Судебным департаментом при Верховном Суде Российской Федерации. Использованы данные следующих форм: Форма 11 «Отчет о составе осужденных, месте совершения преступления». Раздел 2. Характеристика преступления, его рецидива и повторности. Информация размещена в сети «Интернет» на официальном сайте Судебного Департамента по адресу: <https://cdep.ru/?id=79> (дата обращения: 09.03.2026).

Обязательные работы и штраф устойчиво вышли на лидирующие позиции, суммарно составляя около 70%; далее расположились исправительные работы с показателем в 20%. Принудительные работы в настоящий момент занимают небольшой удельный вес – 4%, однако в связи с изменениями уголовного закона, состоявшимися в июле 2025 года и вступившими в силу с 1 января 2026 года¹, стоит ожидать увеличения этого показателя.

Иная ситуация складывается при обращении к структуре материалов о замене наказания более строгим видом (см. диаграмму 3).

Диаграмма 3. Структура материалов о замене наказания более строгим видом (по числу лиц)

Сопоставление имеющихся данных позволяет выявить два важных обстоятельства. При сопоставимых показателях удельного веса наказанных и уклоняющихся от наказания (не исполняющих наказание) в таких графах, как «ограничение свободы», «принудительные работы», «обязательные работы», значение показателей в графах «штраф» и «исправительные работы» существенно расходится. Если удельный вес осужденных к штрафу составляет 31% (от массы осужденных к наказаниям, не связанным с лишением свободы), то удельный вес материалов о замене штрафа иным, более строгим

¹ Федеральный закон от 23.07.2025 № 218-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и признании утратившим силу пункта 7.1 части первой статьи 299 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2025. № 30 (Часть I). Ст. 4367.

наказанием, – всего 10%, что может свидетельствовать об относительно благополучной обстановке в части исполнения этого наказания. В тоже время лица, осужденные к исправительным работам, составляют лишь 20% среди осужденных к наказаниям, не связанным с лишением свободы, но материалы о замене исправительных работ иным, более строгим видом наказания составляют 44% в общем массиве удовлетворенных представлений о замене наказания, что очевидно демонстрирует весьма неблагоприятную ситуацию с исполняемостью этого вида наказания.

Эти цифры подтверждаются результатами соотнесения числа вынесенных уголовно-исполнительными инспекциями представлений о замене отдельных видов наказаний с числом осужденных к этим видам наказаний¹ (см. таблицу 6).

Предложенное сравнение, возможно, не вполне корректно, учитывая, что удельный вес исчисляется в данном случае не от числа отбывающих соответствующий вид наказания, а от числа лиц, которым он был назначен в текущем году, тем не менее, оно вполне допустимо и информативно. Наименьшие показатели, причем с тенденцией к сокращению, демонстрирует удельный вес лиц, уклоняющихся от уплаты штрафа в качестве основного наказания. Наибольшие же показатели – у лиц, осужденных к исправительным работам.

Дополнительно заметим, что удельный вес лиц, осужденных за уклонение от отбывания ограничения свободы, назначенного в качестве дополнительного наказания, в общем числе лиц, которым это дополнительное наказание было назначено, колеблется в пределах 5 – 7% и имеет тенденцию к сокращению.

¹ В данном случае мы определяли удельный вес числа поступивших в суд ходатайств о замене наказания (по числу лиц) в общем числе лиц, осужденных к соответствующему виду наказания.

**Таблица 6. Удельный вес осужденных, в отношении которых
вынесены представления о замене наказания, в числе осужденных (по
видам наказаний)**

		2020	2021	2022	2023	2024	6 мес. 2025
Штраф	Осуждено лиц (число)	61706	68232	73491	76992	78858	37304
	Замена наказания (уд. вес)	23,9	25,8	21,3	14,7	13,5	17,7
Обязательные работы	Осуждено лиц (число)	92617	90224	86311	76869	64723	27368
	Замена наказания (уд. вес)	28,4	30,2	32,9	34,5	33,5	32,1
Исправительные работы	Осуждено лиц (число)	40924	46271	48566	45780	44521	19177
	Замена наказания (уд. вес)	89,9	81,6	81,1	77,6	72,5	72,0
Ограничение свободы	Осуждено лиц (число)	20099	20059	21754	23453	23181	11062
	Замена наказания (уд. вес)	24,9	25,8	23,1	22,1	19,3	16,7
Принудительные работы ¹	Осуждено лиц (число)	947	1198	3140	15342	20194	9222
	Замена наказания (число лиц)	2303	2800	3998	12320	17510	7468
Ограничение свободы как доп. наказание	Назначено лицам (число)	6919	7204	7390	7676	7212	2245
	Осуждено по ч. 1 ст. 314 УК РФ (уд. вес)	7,3	7,0	5,8	5,8	5,4	6,8

Эти цифры редко представляются и тем более анализируются в специальной литературе, хотя содержат значимую уголовно-социологическую информацию. Они заставляют обратить внимание на феномен замены наказания как на существенный фрагмент правоприменительной практики². При этом многие юристы, обратив на него внимание, традиционно

¹ В таблице иначе представлены данные о лицах, осужденных к принудительным работам и лицам, в отношении которых вынесены представления о замене принудительных работ более строгим видом. Исчисление удельного веса в данном случае не представляется возможным, поскольку замена осуществляется как в случае назначения этого вида наказания по приговору суда, так и в случае, когда принудительные работы применялись в порядке замены лишения свободы более мягким видом на основании ст. 80 УК РФ. Как свидетельствует практика, замена принудительных работ лишением свободы осуществляется в настоящий момент по преимуществу в тех ситуациях, когда принудительные работы назначались на основании ст. 80 УК РФ. Это обстоятельство не позволяет представить соотносимые данные в заявленную таблицу, исходя из ее логики.

Резкое увеличение числа осужденных к принудительным работам нуждается в объяснении. Оно вызвано, на наш взгляд, тем, что в 2019 году (Федеральный закон от 18.07.2019 № 179-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2019. № 29 (часть I). Ст. 3846) были существенно расширены возможности исполнения принудительных работ за счет организации их исполнения вне исправительных центров, в организациях, использующих труд осужденных к принудительным работам, что, в свою очередь, стимулировало увеличение масштабов применения данного вида наказания.

² Обратим внимание, что государство уделяет большое внимание вопросам регулирования уголовно-исполнительных отношений в части, касающейся обеспечения эффективности исполнения наказания. Приказ Минюста России от 20.05.2009 № 142 «Об утверждении Инструкции по организации исполнения наказаний и мер уголовно-правового характера без изоляции от общества» (Российская газета. 2009. № 151, 14.08.2009) в январе 2026 года утратил силу. Вместо него принят иной акт: Приказ Минюста России от 19.01.2026 № 6 «Об организации исполнения наказаний в виде обязательных работ, лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, исправительных работ, контроля за поведением осужденных, к которым применена отсрочка отбывания наказания, условно осужденных» (Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru>, 20.01.2026).

усматривают причины высоких показателей замены наказания в недочетах судебной и пенитенциарной деятельности. А.И. Тарханов, например, писал, что уклонение от уплаты штрафа «может быть следствием неправильного применения уголовного закона и служить основанием к отмене либо изменению приговора», а прогулы, свидетельствующие об уклонении от отбывания исправительных работ, говорят о «недостаточной оперативности инспекций исправительных работ в реализации предписаний приговора и установлении тесных контактов с трудовыми коллективами предприятий и организаций по месту работы осужденного»¹. По мнению И.Э. Звечаровского, озвученному уже в наши дни, рассматриваемые статистические показатели заставляют задуматься над тем, что либо замененные виды наказаний, не связанные с лишением свободы, назначались лицам, их не заслуживающим, либо имеются серьезные недостатки в организации исполнения этих видов наказаний².

Однако едва ли можно говорить о том, что негативное пенитенциарное поведение осужденного лица является итогом судебного или пенитенциарного недосмотра либо ошибки (во всех или в большинстве случаев). В основе поведения, ставшего основанием для замены наказания более строгим видом, лежат свои причины и обстоятельства, которые неподвластны судебной и исполнительной власти (хотя, разумеется, и могут прогнозироваться и учитываться в момент назначения наказания). Потому оценивать сам факт и масштабы замены наказания более строгим в контексте темы судебной ошибки было бы не вполне корректно. На это справедливо указывает большинство опрошенных нами экспертов: 89% из них признали, что потребность в замене наказания более строгим видом, как правило, не связана с допущенной при назначении или исполнении наказания ошибкой. Более того, если уклонение от отбывания наказания вызвано объективной

¹ Тарханов И.А. Замена наказания по советскому уголовному праву. Казань: Изд. Казан. ун-та, 1982. С. 66, 70.

² Звечаровский И.Э. Уголовное право России. Курс Общей части, во многом определяющий действенность положений его Особенной части. М.: Проспект, 2024. С. 456; Иванов А.Л. Замена исправительных работ более строгим видом наказания // Закон и право. 2016. № 9. С. 70.

неспособностью, невозможностью его отбывания по причинам, не зависящим от воли осужденного, тем более если эти причины были известны или должны были быть известными суду на момент постановления приговора, субинститут замены наказания более строгим видом не может быть активирован. В подобных ситуациях лицо должно быть освобождено от наказания.

В качестве краткого вывода из представленных статистических данных можно сформулировать положение о том, что исправительные работы и обязательные работы, то есть виды основные виды наказаний, связанные с осуществлением трудовой деятельности в условиях, не предполагающих ограничение свободы осужденного, являются наиболее рискогенными в плане возникновения оснований для замены неотбытой их части более строгим видом.

В статистическом отношении несомненный интерес представляют данные о динамике положительных решений судов об удовлетворении представлений о замене наказаний более строгим видом. Соответствующие показатели не являются однородными и существенно разнятся в зависимости от вида наказания, от исполнения которого уклоняется осужденный (см. таблицу 7).

Таблица 7. Удельный вес удовлетворенных представлений о замене наказания более строгим

	2006	2020	2024	В среднем
Штраф	45,5	33,8	22,4	28,9
Кратный штраф	–	27,0	17,1	22,6
Обязательные работы	74,4	47,9	43,5	45,9
Исправительные работы	77,6	51,6	47,7	49,8
Ограничение свободы	–	48,2	45,5	46,4
Принудительные работы	–	67,1	61,9	65,2

Если из окончанных производством материалов о замене наказания в виде штрафа судами удовлетворяется в среднем около 30% представлений, о замене обязательных работ, исправительных работ и ограничения свободы – около 45 – 50%, то о замене принудительных работ – 65%. Такой разброс

вызван, как представляется, несколькими взаимосвязанными обстоятельствами:

- строгость наказания, от исполнения (отбывания) которого уклоняется осужденное лицо, выражает опасность самого лица, которое уклоняется от исполнения (отбывания) наказания, и которая несомненно оказывает влияние на принятие судом положительного решения о замене наказания;

- вид наказания предопределяет порядок его исполнения, а вместе они предопределяют содержание действий, связанных с уклонением от отбывания наказания, в связи с чем вполне закономерно, что действия по уклонению от отбывания наказаний, связанных со специальной организацией их исполнения (например, действия по уклонению от отбывания принудительных работ, исполняемых в специальных центрах со специальным режимом), обладают сравнительно большей общественной опасностью, нежели действия по уклонению от отбывания наказаний, исполнение которых требует не столько организации, сколько контроля (например, действия по уклонению от уплаты штрафа);

- наконец, строгость наказания отражает опасность преступления, за которое оно было назначено, и которая принимается в расчет при принятии решения о замене наказания.

В этом отношении практика отчетливо демонстрирует строгое следование указаниям высшей судебной инстанции, согласно которым «решение о замене наказания принимается с учетом характера и степени общественной опасности преступления, за которое лицо осуждено, личности виновного, а также причин, по которым осужденный уклонялся от отбывания назначенного ему наказания»¹. Такой подход к определению влияющих на замену наказания факторов в целом поддерживается и опрошенными специалистами: 68% из них указали на необходимость учета при решении вопроса о замене наказания опасности преступления, 76% – данных о

¹ Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 20.12.2011 № 21 «О практике применения судами законодательства об исполнении приговора» // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2012. № 3.

личности, 97% – содержания действий, связанных с уклонением от отбывания наказания, 99% – причин уклонения.

Вместе с тем, стоит обратить внимание на позицию тех юристов (а это 32% из числа опрошенных экспертов), которые не допускают учета данных о преступлении при обсуждении вопроса о замене наказания более строгим. Применительно к частному случаю замены исправительных работ иным наказанием в соответствии с ч. 4 ст. 50 УК РФ эту позицию озвучил А.Л. Иванов. Подчеркивая, что решение суда о замене наказания не может быть произвольным, он пишет: «Оно должно основываться не на учете характера совершенного преступления и лица, его совершившего, которые уже однажды получили свою оценку в форме обвинительного приговора суда, а причин неисполнения наказания, предусмотренного этим приговором»¹. В общем виде А.А. Алиев пишет, что более строгое (в том числе и не предусмотренное санкцией) наказание определяется в соответствии с законом, без учета обстоятельств самого совершенного преступления².

Учитывать или не учитывать сведения о преступлении и личности виновного в процессе замены наказания более строгим видом – это не просто вопрос аргументации судебного решения. Это вопрос правильного понимания социальной природы исследуемого субинститута, а следовательно – и основных направлений оптимизации практики его нормативного воплощения и судебного применения, учитывая, что «выработка эффективного механизма реализации ответственности за уклонение от отбывания наказаний, не связанных с изоляцией осужденного от общества, является обязательным условием гуманизации уголовной политики государства вообще и ее карательной составляющей, в частности»³.

¹ Иванов А.Л. Замена исправительных работ более строгим видом наказания // Закон и право. 2016. № 9. С. 69.

² Алиев А.А. Замена уголовного наказания более строгим видом наказания: проблемы законодательной регламентации // Вестник Российской правовой академии. 2019. № 3. С. 39–40.

³ Колосов А.С. Ответственность за уклонение от отбывания наказаний, не связанных с изоляцией осужденного от общества: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2005. С. 8.

Дело в том, что если основанием замены наказания более строгим видом является исключительно негативное постпреступное поведение в виде уклонения от отбывания наказания, то замену справедливо рассматривать как особую санкцию (наказание или меру уголовно-правового характера), которая применяется на основании решения суда именно в связи с этим поведением. Такой подход в различных вариациях широко представлен в критической литературе.

Исходной точкой здесь служит понятие злостного уклонения от отбывания наказания. Специалисты понимают под ним «общественно опасное, противоправное поведение осужденного, направленное на неисполнение обязанности претерпеть негативные последствия, связанные с применением уголовного наказания, осуществляемое лицом по неуважительным причинам»¹, «отрицательное, имеющее антисоциальную направленность, противоправное, но не содержащее признаков состава преступления деяние лица (действие или бездействие), ранее совершившего преступление, которое влечет предусмотренные уголовным законом последствия, ухудшающие его правовое положение»².

Такие определения³, сочетающие в себе указание на опасность и противоправность злостного уклонения от отбывания (исполнения) наказания однозначно позиционируют его в качестве особого вида правонарушения со своим, специфическим по содержанию объективной стороны составом⁴. Отсюда – представление о заменяющем наказании как о последствии этого правонарушения с вполне прогнозируемой критикой, обосновывающей недопустимость применения уголовного наказания за деяния, не являющиеся

¹ Тимофеева Е.А. Уголовно-правовые средства реагирования на уклонение (злостное уклонение) от отбывания наказания: проблемы дифференциации ответственности и законодательной техники: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2008. С. 10.

² Кауфман М. Уклонение от исполнения и отбывания наказания как вид негативного посткриминального поведения и его уголовно-правовое значение // Уголовное право. 2018. № 1. С. 53.

³ Будучи обобщенными, эти определения не отражают содержательной специфики уклонения от отбывания конкретных видов наказаний. Но в качестве рабочего, операционального понятия для исследования рассматриваемых вопросов они вполне приемлемы.

⁴ См.: Сафин Л.Р. Ответственность осужденных за злостное уклонение от наказаний, не связанных с изоляцией от общества в российском уголовном праве: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Казань, 2004. С. 11.

по природе своей преступлениями, и в порядке, не предписанном уголовно-процессуальным законом.

Применительно к условиям действующего уголовного закона одним из первых представил систему критических аргументов Л.Л. Кругликов. Он писал, в частности, что установление наказания за конкретное противоправное деяние не является функцией Общей части УК РФ и что замена наказания означает, по сути, назначение нового наказания, вопреки конституционным требованиям, без приговора суда¹. Аналогична озвученная в наши дни позиция Е.В. Благова, который отмечает, что наказание не может назначаться не по приговору суда, не может следовать за совершение непроступного деяния и не может иметь цели предупреждения деяний, не являющихся преступлениями².

Логичным продолжением таких рассуждений является вывод о необходимости исключения из Общей части УК РФ всех положений о замене наказания (ч. 5 ст. 46, ч. 3 ст. 49, ч. 3 ст. 50, ч. 4 ст. 53, ч. 4 ст. 53¹ УК РФ) с одновременным конструированием специальных оснований ответственности за уклонение от отбывания (исполнения) назначенных судом наказаний.

Некоторые юристы при этом видят возможным установление за такие деяния только уголовной ответственности. Они отмечают, что регламентация ответственности за уклонение от отбывания наказания в Общей части УК РФ, по сути, являет собой «латентную (скрытую) криминализацию деяния, обладающего свойствами общественной опасности»³. А потому, «если ... отрицательные стимулы необходимы с точки зрения достижения целей уголовного наказания, – заключает И.Э. Звечаровский, – их следует облечь в форму конкретных составов преступлений по аналогии со ст. 315 УК РФ»⁴.

¹ Кругликов Л.Л. Проблемы замены наказания более строгим не по приговору суда с позиции международно-правовых стандартов // Российская правовая система и международное право: современные проблемы взаимодействия: материалы Всерос. науч.-практ. конф. Нижний Новгород: Нижегородский юридический институт МВД РФ, 1996. С. 160.

² Благов Е.В. Наказание без назначения и скрытые формы наказания в уголовном праве России // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2023. Т. 25, № 4. С. 101.

³ Сафин Л.Р. Ответственность осужденных за злостное уклонение от наказаний, не связанных с изоляцией от общества в российском уголовном праве: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Казань, 2004. С. 12.

⁴ Звечаровский И.Э. Современное уголовное право России: понятие, принципы, политика. СПб.: Юридический центр Пресс, 2001. С. 46.

Специалисты, рассуждающие в этой логике, предлагают рассматривать в качестве самостоятельных преступлений против правосудия злостное уклонение от отбывания исправительных работ¹, а также неуплату штрафа, причем назначенного и в качестве основной, и в качестве дополнительной меры².

Другие авторы усматривают в уклонении от отбывания наказания уголовный проступок. Хотя, например, В.Д. Филимонов, обосновывающий эту точку зрения, занимает, как представляется, противоречивую позицию. С одной стороны, он отмечает, что уклонение от наказания обладает признаком уголовной противоправности и соотносимой с преступлениями общественной опасностью. С другой стороны, указывает, что нет оснований признавать эти действия преступными и включать в Особенную часть УК РФ соответствующих деяний. Ответственность за проступок, по мнению В.Д. Филимонова, должна быть установлена в «специальных статьях УК, предусматривающих штрафные санкции в виде замены ранее назначенного наказания новым видом наказания», а смысл установления этой ответственности (которую сам В.Д. Филимонов именует «криминализацией»), состоит не в усилении ответственности за ранее совершенное преступление, а в «назначении такого наказания, которое по своей тяжести соответствовало бы тяжести ранее назначенного наказания, но в отличие от первого могло быть реально исполненным»³.

Наряду с этим в науке высказаны и иные суждения, отталкивающиеся от идеи неравноценной опасности, а следовательно, и противоправности уклонения от отбывания различных видов наказаний. Развивая эту мысль, Е.А. Тимофеева, например, утверждает, что с учетом различий в опасности злостного и незлостного уклонения от отбывания наказания, необходимо предусмотреть административную ответственность за злостное уклонение от

¹ Рахмаев Э.С. Исправительные работы как вид уголовного наказания: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Рязань, 2005. С. 22.

² Иванчин А.В. О необходимости конструирования в уголовном законе состава уклонения от уплаты штрафа // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2008. № 2. С. 40.

³ Филимонов В.Д. Норма уголовного права. СПб.: Юридический центр Пресс, 2004. С. 272–274.

наказания в виде лишения специального, воинского или почетного звания, классного чина и государственных наград и от остальных наказаний, не связанных с лишением свободы, при отсутствии признака злостности, а также уголовную ответственность во всех остальных случаях уклонения от наказания¹. О дифференциации ответственности за уклонение от отбывания (исполнения) наказания пишут и иные исследователи².

Надо признать, что мысль о целесообразности установления ответственности за уклонение от отбывания наказания на уровне самостоятельной статьи (или нескольких статей) Особенной части УК РФ находит поддержку в экспертном сообществе. В ее пользу высказались 65% опрошенных нами при подготовке диссертации специалистов.

Вместе с тем, стоит отметить, что предложения подобного рода при всей привлекательности их внешней правовой формы содержат серьезные упущения прикладного характера.

Первое состоит в том, что при их реализации в область преступлений вводятся деяния, не обладающие криминальной степенью общественной опасностью. Сегодня это наглядно демонстрирует опыт криминализации уклонения от отбывания ограничения свободы в ч. 1 ст. 314 УК РФ, который подвергается в науке обоснованной и достаточно жесткой критике³.

Второе упущение связано с тем, что самостоятельная криминализация уклонения от отбывания (исполнения) назначенного судом наказания не решает вопроса об исполнении самого этого наказания. Согласно закону, в таком случае к наказанию, назначенному вторым приговором за уклонение от

¹ Тимофеева Е.А. Уголовно-правовые средства реагирования на уклонение (злостное уклонение) от отбывания наказания: проблемы дифференциации ответственности и законодательной техники: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2008. С. 10.

² Иванова С.И. Уклонение от отбывания уголовного наказания: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Красноярск, 2004. С. 7; Шихвердиев В.А. Уклонение от отбывания наказания: проблемы оптимизации уголовно-правовых средств реагирования: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Курск, 2017. С. 8.

³ Гаманенко Л.И. Уголовно-правовое обеспечение реализации назначенного наказания: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Рязань, 2010. С. 11; Губко И.В., Прохоров Л.А. Криминализация злостного уклонения от отбывания ограничения свободы (ч. 1 ст. 314 УК РФ): вопросы обоснованности и целесообразности // Российский следователь. 2012. № 16. С. 24–26; Филимонов В. Проблемы дифференциации видов наказаний, не связанных с лишением свободы, и ответственности за уклонение от их отбывания // Уголовное право. 2013. № 2. С. 42–46; Черненко Т.Г. Некоторые вопросы замены наказания более строгим видом наказания // Вестник Кузбасского института. 2021. № 1 (46). С. 91–98.

отбывания наказания, должно быть полностью или частично присоединено неотбытое наказание по первому приговору, в соответствии со ст. 70 УК РФ. Такое сложение будет сопровождаться применением правил пересчета наказаний (ст. 71, 72 УК РФ), с тем, чтобы наказание менее строгое, чем лишение свободы, в итоге не превышало размера, установленного для этого наказания в Общей части УК РФ, а наказание в виде лишения свободы, по общему правилу, – тридцати лет. По сути, это означает либо увеличение срока (размера) подлежащего отбытию наказания (если виды наказаний по первому и второму приговору совпадут), либо одновременно и замену неотбытой части наказания более строгим и присоединение ее к новому наказанию. В любой ситуации создается, на наш взгляд, неоправданное усиление уголовной репрессии, не соответствующее задачам и принципам уголовного права.

Этих упущений, как представляется, вполне достаточно, чтобы признать идею самостоятельной криминализации уклонения от отбывания наказания неперспективной. На этом фоне большей убедительностью обладает развиваемые в настоящем исследовании представления о гарантийной функции института замены наказания.

Смысл замены наказания более строгим видом состоит в том, чтобы гарантировать реализацию государством его безусловного права на исполнение назначенного судом наказания в тех ситуациях, когда наказание не исполняется. При этом, как правильно подчеркивает В.М. Степашин, необходимость замены наказания обуславливается в рассматриваемом случае не объективной невозможностью исполнения меры государственного принуждения, а умышленными действиями осужденного, целенаправленно и злостно избегающего претерпевания уголовно-правового возмездия, определенного судом¹. Иными словами, юридическим фактом, влияющим на замену наказания и изменение уголовно-исполнительного статуса осужденного лица, выступает не само по себе его поведение, связанное с

¹ Степашин В.М. Некоторые проблемы замены наказания более строгим // Вестник Омского университета. Серия: Право. 2006. № 1 (6). С. 146–155.

нарушением порядка исполнения наказания или уклонением от его исполнения¹ (оно может служить основанием для применения мер уголовно-исполнительной или административно-правовой ответственности²), и не сам по себе факт неисполнения наказания (он может быть вызван объективными и уважительными причинами, например, утратой трудоспособности или наступлением беременности³). Таким основанием выступает деяние осужденного, состоящее непосредственно в неисполнении наказания.

Очень наглядно суть такого деяния демонстрирует понимание судебной практикой признаков злостного уклонения от уплаты штрафа. В многочисленных решениях синхронно подчеркивается: злостное уклонение от уплаты штрафа предполагает нежелание его уплаты при наличии у должника реальной финансовой возможности выполнить это обязательство либо намеренное создание препятствий для обращения взыскания на заработную плату и связанный с этим отказ должника от трудоустройства. При решении вопроса о признании лица злостно уклоняющимся от уплаты штрафа обстоятельством, имеющим правовое значение и подлежащим доказыванию,

¹ В этом контексте важно отметить, что законом предусмотрена замена штрафа, обязательных работ, исправительных работ и ограничения свободы более строгим только в случае злостного уклонения от их отбывания, в то время как для принудительных работ замена наказания устанавливается, во-первых, в случае уклонения (не квалифицируемого в качестве злостного) от отбывания наказания, а во-вторых, с 2018 года (Федеральный закон от 23.04.2018 № 96-ФЗ «О внесении изменений в статью 53.1 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2018. № 18. Ст. 2566) – в случае признания осужденного к принудительным работам злостным нарушителем порядка и условий отбывания принудительных работ.

² Разграничение этих видов ответственности в некоторых ситуациях вызывает на практике сложности и порождает неединообразный подход к правовой оценке идентичных действий. Так, например, действия осужденных к обязательным работам, которые не повинуются распоряжению сотрудника уголовно-исполнительной инспекции о явке в данный орган, некоторыми судами оцениваются как административное правонарушение по ч. 1 ст. 19.3 КоАП РФ (Решение Верховного Суда Республики Коми от 11.06.2025 по делу № 12-253/2025(5-153/2025)), а другими судами – как элемент злостного уклонения от отбывания обязательных работ, предполагающего применение норм уголовного закона о замене наказания (решение Забайкальского краевого суда от 15.12.2025 по делу № 7-12-156/2025). Проблему разграничения административно-правовой и уголовно-исполнительной ответственности демонстрируют и иные решения, см., например: Постановление Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 24.10.2023 по делу № 16-6361/2023.

³ В одном из решений по конкретному делу, кассационный суд верно отметил: «При рассмотрении вопроса о замене штрафа, назначенного в качестве основного наказания, другим видом наказания суду необходимо проверять доводы о том, что осужденный не уклонялся от уплаты штрафа, а не уплатил его в срок по уважительным причинам. Уважительными причинами могут считаться такие появившиеся после постановления приговора обстоятельства, вследствие которых осужденный лишен возможности уплатить штраф в срок (например, утрата дееспособности, нахождение на лечении в стационарном лечебном учреждении, утрата заработка или имущества вследствие обстоятельств, которые не зависели от лица). Осужденный может быть освобожден от наказания лишь в том случае, если приговор не был исполнен по независящим от него причинам» (см.: Кассационное постановление Пятого кассационного суда общей юрисдикции от 10.09.2024 по делу № 77-1062/2024).

является установление имущественной состоятельности должника, позволяющей ему выплатить штраф¹. Требования к судебному приставу-исполнителю о предоставлении доказательств злостности неуплаты штрафа, назначенного по приговору суда, не основаны на законе². По смыслу закона, установление других условий, кроме неуплаты штрафа в срок (например, неоднократное предупреждение осужденного судебными приставами-исполнителями о возможности замены штрафа другим наказанием, отобрание у него объяснений о причинах неуплаты штрафа, представление сведений об имущественном положении осужденного и источниках его доходов), для признания осужденного злостно уклоняющимся от уплаты штрафа не требуется. Сам по себе факт отсутствия у осужденного денежных средств не может признаваться уважительной причиной для неуплаты штрафа в срок³.

Приведенные суждения позволяют, как представляется, констатировать важное теоретическое наблюдение, значимое для понимания сути института замены наказания и разработки прикладных аспектов его применения. Замена наказания происходит не за то, что лицо уклоняется от его отбывания, а потому что оно уклоняется. Замена наказания призвана не столько отреагировать на уклоняющееся поведение (оно, по большей части, выступает поводом для реакции), сколько обеспечить исполнимость мер принуждения, установленных приговором суда. В этом отношении замена наказания более строгим видом не может рассматриваться как специфическое проявление практики назначения наказания. Она (как и в ситуации с заменой наказания более мягким видом) выступает лишь как перевод, пересчет одного наказания

¹ Постановление Президиума Забайкальского краевого суда от 14.06.2018 по делу № 44у-76/2018; Кассационное постановление Пятого кассационного суда общей юрисдикции от 26.05.2025 по делу № 77-600/2025.

² Кассационное постановление Девятого кассационного суда общей юрисдикции от 30.01.2025 по делу № 77-142/2025.

³ Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 20.12.2011 № 21 «О практике применения судами законодательства об исполнении приговора» (п. 5.1) // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2012. № 3. См. также: Апелляционное определение Верховного Суда Российской Федерации от 24.09.2014 по делу № 46-АПУ14-30; Постановление Московского городского суда от 18.06.2015 по делу № 4у/3-2596/15; Постановление Президиума Красноярского краевого суда от 10.10.2017 по делу № 44У-229/2017; Постановление Первого кассационного суда общей юрисдикции от 16.10.2024 по делу № 77-3602/2024.

(не исполняемого) в другое (исполняемое). В одном из решений Верховный суд Российской Федерации высказался вполне однозначно по этому поводу: «перевод одного вида наказания в другой не является назначением наказания»¹.

Акцентированное внимание на переводе, пересчете одного наказания в другой заставляет критически оценить и отмеченные ранее идеи усиления кары при уклонении от наказания. Такого усиления при осуществлении процедуры замены происходить не должно, но должна быть обеспечена эквивалентная конвертация одного вида наказания в другой. Хорошо высказался на этот счет В.Д. Филимонов. Он пишет: «В случае злостного уклонения осужденного от отбывания назначенного ему наказания новое наказание по своей карательной силе не должно превышать первоначальное наказание. Санкция за уголовный проступок в данном случае должна состоять не в усилении наказания за совершенное преступление, а в замене наказания на более строгое»².

Сказанное заставляет уделить особое внимание двум взаимосвязанным, но относительно самостоятельным вопросам о том, какие наказания предполагаются к замене в случае злостного уклонения от их исполнения, и какими именно более строгими наказаниями следует их заменять³.

В настоящий момент УК РФ содержит правила о замене (а) не всех и (б) только основных наказаний.

Проблема отсутствия нормативных правил замены для всех видов наказаний в случае уклонения от их отбывания давно обсуждается в литературе. Как известно, из числа предусмотренных в ст. 44 УК РФ наказаний правила замены более строгим не предусмотрены для лишения права занимать

¹ Кассационное определение Верховного Суда Российской Федерации от 15.01.2007 по делу № 1-О06-56.

² Филимонов В.Д. Норма уголовного права. СПб.: Юридический центр Пресс, 2004. С. 274.

³ В настоящем параграфе использованы материалы ранее опубликованных работ, см.: Зелюка П.А. Проблемы и перспективы развития практики замены наказания более строгим видом // Судебная экспертиза и исследования. 2026. № 2. С. 60–70; Зелюка П.А. Замена наказания более строгим видом: вопросы теории // Материалы III Всероссийской научно-практической конференции «Стратегии противодействия преступности в условиях изменяющейся реальности». Севастополь, 2026.

определенные должности или заниматься определенной деятельностью, лишения специального, воинского или почетного звания, классного чина и государственных наград, ограничения по военной службе, а также для наказаний, предполагающих изоляцию лица от общества (ареста, содержания в дисциплинарной воинской части, лишения свободы на определенный срок и пожизненного лишения свободы). Если в последнем случае с законодательным решением можно согласиться, учитывая консенсуальное мнение о высокой степени опасности уклонения от отбывания этих наказаний, подтвержденное ч. 2 ст. 314 УК РФ, то в оставшейся части – не вполне, что порождает многочисленные рекомендации со стороны представителей правовой доктрины о конструировании специальных предписаний относительно замены наказаний¹.

Однако, оценивая высказанные в теории суждения, надо признать, что они не всегда учитывают специфику содержания того или иного вида наказания и формулируются, исходя из формальных соображений. Так, очевидно, что лишение права занимать определенные должности или лишение звания, чина и наград не исполняется собственно самим осужденным, а действия, связанные с неисполнением приговора суда об исполнении таких наказаний, обращенные к специальным субъектам, как обладающие совершенно иной природой, криминализированы в ч. 2 ст. 315 УК РФ. Сложнее ситуация с наказанием в виде лишения права заниматься определенной деятельностью² и ограничением по военной службе. Здесь

¹ Лошенко Е.В. Институт ответственности за злостное уклонение от отбывания уголовного наказания требует совершенствования // Актуальные проблемы российского права. 2007. № 2. С. 331–337; Степашин В.М. Ответственность осужденных к лишению права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью и ограничению по военной службе за уклонение от отбывания наказания // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2016. № 1 (46). С. 210–215; Шихвердиев В.А. Уклонение от отбывания наказания: проблемы оптимизации уголовно-правовых средств реагирования: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Курск, 2017; Донская О.Г., Поляков Н.Н. Формы реализации ответственности за злостное уклонение от отбывания наказаний, не связанных с лишением свободы // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского Юридические науки. 2021. Т. 7 (73), № 3, Ч. 1. С. 256.

² Лишение права занимать определенные должности и лишение права заниматься определенной деятельностью – это два отдельных вида наказания. См.: Уголовное право Российской Федерации: проблемный курс для магистрантов и аспирантов. В 3 т. Т. 2. Книга 2 / под общ. ред. А.Н. Савенкова; науч. ред. А.И. Чучаев. М.: Проспект, 2026. С. 162 (автор – А.И. Коробеев).

правила замены, безусловно, необходимы, поскольку теоретически и практически мыслима сознательная деятельность осужденного, направленная на уклонение от отбывания этих наказаний. Однако прежде чем разрабатывать эти правила, надо решить более общий и фундаментальный вопрос о том, необходимы ли указанные виды наказаний в самой системе наказаний, не воспринимая их наличие как непреодолимую данность. В литературе, например, уже высказывалась мысль о целесообразности исключения лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью из числа основных наказаний¹, равно как и мысль о придании этой мере статуса иной меры уголовно-правового характера². Ставились под сомнение и воинские наказания³. Не претендуя на всестороннее осмысление и решение этих специальных вопросов, отметим в порядке экспертного суждения, что в нашем представлении лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью целесообразно все же вынести за пределы уголовного закона в область регулирования служебных и трудовых правоотношений, в то время как для сохраняющего свою надобность наказания в виде ограничения по военной службе разумно предусмотреть правила, аналогичные тем, что предписаны в ч. 4 ст. 50 УК РФ, учитывая соотносимый характер ограничения по военной службе и исправительных работ⁴.

Теперь о правилах реагирования на уклонение от исполнения дополнительных наказаний.

Дополнительное наказание в виде штрафа не подлежит замене иным более строгим наказанием при уклонении от его исполнения. Последствия такого уклонения (принудительное исполнение) определяются Законом «Об

¹ См.: Подройкина И.А. К вопросу о наказании в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. – 2012. № 4. С. 244–247.

² Современные проблемы и стратегия борьбы с преступностью / науч. ред. В.Н. Бурлаков, Б.В. Волженкин. СПб.: СПбГУ, 2005. С. 571.

³ Уголовный кодекс Российской Федерации (научный проект) / под ред. Н. А. Лопашенко. М.: Юрлитинформ, 2019.

⁴ Закомолдин Р.В. Специальные воинские уголовные наказания: состояние и перспективы // Сибирский юридический вестник. 2020. № 4 (91). С. 67–71.

исполнительном производстве»¹. Однако штраф как основное наказание может быть заменен иным более строгим наказанием. В тоже самое время, согласно ч. 10 ст. 103 Закона «Об исполнительном производстве» принудительное взыскание в общем порядке обращения взыскания на имущество должника, допускается в случаях, когда штраф за преступление, назначенный в качестве основного наказания, не уплачен должником в срок для добровольного исполнения и суд отказал в замене штрафа другим видом наказания. Иными словами, законодатель одновременно и не допускает, и в определенных ситуациях допускает принудительное исполнение штрафа, назначенного в качестве основного наказания. При этом само принудительное исполнение выступает последствием как сознательного, в том числе и злого уклонения от штрафа, назначенного в качестве дополнительного наказания, так и последствием объективно невиновного неисполнения штрафа, назначенного в качестве основного наказания (если суд отказывает в применении правил ч. 5 ст. 46 УК РФ)².

Злостное уклонение от ограничения свободы, назначенного в качестве основного наказания, влечет его замену более строгим наказанием, в то время как уклонение от этого же наказания, назначенного в качестве дополнительного, образует самостоятельный состав преступления (ч. 1 ст. 314 УК РФ) с санкцией, содержание и максимальный размер которой полностью

¹ Федеральный закон от 02.10.2007 № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2007. № 41. Ст. 4849.

² Судебная практика регулярно сталкивается с фактами неправильного применения судебными приставами-исполнителями этих предписаний закона и последовательно исправляет соответствующие ошибки. Взыскание штрафа, назначенного в качестве основного наказания, не может быть произведено в принудительном порядке, а поэтому имущество осужденного не может быть обращено в доход государства в целях обеспечения исполнения наказания в виде штрафа. Меры по принудительному взысканию судебным приставом-исполнителем штрафа за преступление в общем порядке обращения взыскания на имущество должника в силу п. 1 ч. 10 ст. 103 Федерального закона «Об исполнительном производстве» принимаются судебным приставом-исполнителем в случаях, когда штраф, назначенный в качестве основного наказания, не уплачен должником в срок, установленный для добровольного исполнения, и суд отказал в замене его другим видом наказания. Вопрос же о замене штрафа как основного наказания в случае злого уклонения от его уплаты рассматривается судом в порядке главы 47 УПК РФ, а Федеральный закон «Об исполнительном производстве» устанавливает лишь порядок взыскания штрафа судебным приставом-исполнителем и регулирует порядок обращения последнего в суд с соответствующим представлением (Кассационное определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 14.08.2025 по делу № 77-2583/2025). См. также: Постановление Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 26.11.2025 по делу № 77-3392/2025, Кассационное постановление Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 25.09.2025 по делу № 77-3367/2025; Определение Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 26.02.2025 по делу № 77-641/2025.

повторяют результат применения правил замены, установленных ч. 5 ст. 53 УК РФ (максимальный двух годичный срок дополнительного ограничения свободы через расчетный коэффициент 1:2 трансформируется в годичный срок лишения свободы или принудительных работ)¹.

При этом важно отметить сложности и противоречия в практике применения ч. 1 ст. 314 УК РФ в части, касающейся определения судьбы неисполненного дополнительного наказания при осуждении за уклонение от его отбывания². Юристы прогнозировали, что применение ч. 1 ст. 314 УК РФ повлечет за собой реальную возможность назначения наказания не просто в рамках санкции этой нормы, но и по совокупности приговоров (ст. 70 УК РФ), поскольку злостное уклонение, образующее второе самостоятельное преступление, произошло в процессе отбывания наказания за первое³. Такие прогнозы оправдались. Суды, руководствуясь правилами назначения наказания по совокупности приговоров и положениями о недопустимости сложения основного и дополнительного наказания, даже с учетом правил их пересчета, к наказанию, назначенному по ч. 1 ст. 314 УК РФ, как правило, полностью⁴, редко – частично⁵ присоединяют неотбытую часть

¹ Интересно заметить, что такое решение было принято в процессе обсуждения соответствующего законопроекта во втором чтении. Первоначальный вариант проекта закона, который активировал ограничение свободы в качестве вида наказания, не предусматривал различий в процедуре замены ограничения свободы другим видов наказания в зависимости от того, в каком порядке оно было назначено. См.: Проект Федерального закона «О введении в действие положений Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации о наказании в виде ограничения свободы и внесении изменений в законодательные акты Российской Федерации». URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/321851-4> (дата обращения: 19.03.2026).

² Дополнительно отметим, что распространенной, но последовательно исправляемой ошибкой выступает признание судами наличияотягчающего обстоятельства в виде рецидива преступлений при осуждении лица по ч. 1 ст. 314 УК РФ. См., например: Кассационное определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 13.09.2022 по делу № 77-2514/2022; Постановление Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 24.11.2022 по делу № 77-4597/2022; Постановление Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 15.03.2022 по делу № 77-1476/2022; Кассационное определение Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 17.08.2022 по делу № 77-3544/2022.

³ Верина Г. Ограничение свободы как вид уголовного наказания в свете законодательных новелл // Уголовное право. 2010. № 5. С. 10.

⁴ См., например: Кассационное постановление Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 18.02.2026 по делу № 77-577/2026; Кассационное постановление Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 09.12.2025 по делу № 77-3340/2025; Кассационное постановление Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 20.11.2025 по делу № 77-2212/2025; Кассационное постановление Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 11.11.2025 по делу № 77-2106/2025; Постановление Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 20.08.2025 по делу № 77-2373/2025; Постановление Первого кассационного суда общей юрисдикции от 20.11.2024 по делу № 77-4234/2024.

⁵ См., например: Постановление Первого кассационного суда общей юрисдикции от 10.02.2026 по делу № 77-345/2026.

дополнительного наказания в виде ограничения свободы, назначенного предыдущими приговорами.

Однако при исследовании судебной практики были выявлены и решения иного содержания, в рамках которых происходит «обнуление» неисполненного дополнительного наказания в виде ограничения свободы именно в связи с исполнением иного, более строгого, указанного в санкции ч. 1 ст. 314 УК РФ и назначенного судом основного наказания. Показательно в этом отношении дело из практики Верховного суда Республики Карелия. В апелляционном представлении прокурора на приговор, которым лицо было осуждено по ч. 1 ст. 314 УК РФ, ставился вопрос об отмене судебного решения в связи с необходимостью применения ст. 70 УК РФ и присоединении к назначенному по приговору наказанию в виде лишения свободы неотбытой части срока наказания в виде ограничения свободы по предыдущему приговору. Отвергая доводы представления, суд отметил следующее. «Уголовное наказание по ч. 1 ст. 314 УК РФ предусмотрено законодателем в связи с тем, что в результате пробела в праве к лицам, злостно уклоняющимся от отбывания ограничения свободы, назначенного приговором в качестве дополнительного наказания, не были предусмотрены меры воздействия и соответствующая ответственность. В соответствии с ч. 5 ст. 53 УК РФ суд вправе заменить неотбытую часть ограничения свободы (в том числе лишением свободы), только если это наказание назначено приговором в качестве основного наказания, при этом исключая применение данных правил в отношении ограничения свободы, назначенного приговором в качестве дополнительного наказания. В связи с этим исключается применение в отношении наказания в виде ограничения свободы, назначенного приговором в качестве дополнительного наказания, порядка определения сроков наказания при их сложении и зачета наказания в соответствии с положениями ст. ст. 71, 72 УК РФ. Не подлежит по указанным выше причинам по совокупности приговоров и самостоятельное исполнение ограничения свободы, назначенного приговором в качестве дополнительного наказания.

Осужденному Е. за злостное уклонение от отбывания дополнительного наказания в виде ограничения свободы по предыдущему приговору обжалуемым приговором назначено уголовное наказание в виде лишения свободы на срок шесть месяцев, поэтому присоединение по совокупности приговоров неотбытого дополнительного наказания в виде ограничения свободы будет означать, что Е. понесет уголовную ответственность дважды за одно и то же преступление, что противоречит принципу справедливости, закрепленному ч. 2 ст. 6 УПК РФ»¹.

Понятно, что представленный в решении Верховного суда Республики Карелия подход не является господствующим и, скорее всего, свидетельствует об ошибочном толковании закона. Тем не менее, такое решение нашло поддержку у 15% опрошенных нами в процессе подготовки диссертации экспертов. В любом случае оно демонстрирует особый взгляд на проблему замены наказания, восходящий к идее недопустимости усиления репрессии и нецелесообразности криминализации деяний, не обладающий высоким уровнем общественной опасности.

Оценивая изложенные законодательные решения, отметим, что установление принципиальных правовых различий в последствиях злостного уклонения от одних и тех же по содержанию, но не совпадающих по порядку назначения, наказаний едва ли может быть оправдано². Т.Г. Черненко справедливо пишет, что для случаев злостного уклонения от отбывания (исполнения) назначенных судом наказаний должны быть предусмотрены правила замены наказания на более строгое с учетом только вида заменяемого наказания, а не от того, назначено соответствующее наказание в качестве

¹ Апелляционное определение Верховного суда Республики Карелия от 23.12.2019 по делу № 22-1852/2019.

² Хотя некоторые исследователи его поддерживают и более того, предлагают развить данный принцип, установив различающиеся правила реагирования на уклонение от отбывания наказания в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, путем дополнения ч. 1 ст. 314 УК РФ и конструирования специального предписания в ч. 5 ст. 47 УК РФ. См.: Шихвердиев В.А. Уклонение от отбывания наказания: проблемы оптимизации уголовно-правовых средств реагирования: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Курск, 2017. С. 9–10.

основного или дополнительного¹. Этот тезис находит поддержку у большинства (69%) опрошенных при проведении исследования специалистов в области уголовного права. Однако его практическая реализация существенным образом затруднена тем, что замена дополнительных наказаний в виде штрафа или ограничения свободы на иные наказания предполагает применение к лицу, совершившему преступление, вместо дополнительного основного наказания, а это создает риски нарушения принципа справедливости в части недопущения применения двух основных наказаний за одно преступление.

Представляется, что решение вопроса о замене дополнительного наказания иным, более строгим и основным наказанием, должен решаться, исходя из понимания природы дополнительных наказаний, их целей, видов, соотношения с мерами уголовно-правового характера, ролью в реализации уголовной ответственности, в целом, исходя из понимания целесообразности дополнительных наказаний в арсенале используемых судом средств воздействия на преступника. Не углубляясь в обсуждение теории дополнительных наказаний и сознавая, что этот вопрос требует отдельного, самостоятельного обсуждения, только в порядке самого общего замечания выскажем мысль о том, что факт существования дополнительных наказаний в УК РФ может быть оспорен². При положительном решении об исключении дополнительных наказаний из системы наказаний вопрос о различиях в процедуре и средствах реагирования на факты уклонения от однотипных основных и дополнительных наказаний будет снят. Если же дополнительные наказания сохранять в системе наказаний, то очевидно, что последствия уклонения от отбывания разных дополнительных наказаний не могут различаться в своей природе. Сегодня при уклонении от уплаты штрафа как дополнительного наказания для законодателя важно его исполнить, в связи с

¹ Черненко Т.Г. Некоторые вопросы замены наказания более строгим видом наказания // Вестник Кузбасского института. 2021. № 1 (46). С. 93.

² В науке уже предлагалось исключить из системы наказаний те, что могут применяться только в качестве дополнительных. См.: Сакаев А.И. Система наказаний по уголовному праву России: история и современность: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Самара, 1999.

чем он обращается к процедуре принудительного исполнения. Тогда как при уклонении от отбывания ограничения свободы, назначенного в качестве дополнительного наказания, законодатель не только принуждает к его отбытию, но и сверх того, наказывает за сам факт уклонения. В подобной ситуации требуется два направления унификации законодательных решений: во-первых, надо обеспечить единый механизм замены различных дополнительных наказаний, во-вторых, обеспечить единый механизм замены основных и дополнительных наказаний. Добиться этого можно, на наш взгляд, только одним способом – разрешить замену дополнительного наказания более строгим основным наказанием с установлением правил сложения отбываемого осужденным основного наказания, назначенного по приговору суда, с замененным основным наказанием, установленным постановлением суда в порядке замены дополнительного наказания более строгим основным наказанием. Такие перспективы признают допустимыми 45% опрошенных экспертов в области уголовного права. При всех возникающих сложностях представляется, что это едва ли не единственно возможное решение.

Определившись с анализом заменяемых наказаний, можно перейти к освещению вопроса о видах и размерах наказаний, выступающих в качестве заменяющих.

Законодатель несколько раз существенным образом корректировал соответствующие предписания УК РФ:

– для штрафа (без различения и уточнения того, назначен он в качестве основного или в качестве дополнительного наказания) первоначальная редакция УК РФ предусматривала возможность его замены обязательными работами, исправительными работами или арестом соответственно размеру назначенного штрафа в пределах, предусмотренных УК РФ для этих видов наказаний. В 2003 году это правило было изменено и установлено, что в случае злостного уклонения от уплаты штрафа, назначенного в качестве основного наказания, он заменяется в пределах санкции, предусмотренной

соответствующей статьей Особенной части УК РФ¹. В 2011 году были сняты ограничения на применение лишь тех наказаний, что указаны в санкции, и установлен четкий запрет за замену штрафа лишением свободы, с оговоркой о неприменении этих правил к штрафу за коррупционные преступления². Правила замены кратного штрафа были установлены в 2012 году³;

– для обязательных работ первоначальное правило относительно их замены ограничением свободы или арестом в 2009 году было исключено, установлено положение о замене обязательных работ лишением свободы⁴, которое в 2011 году дополнено возможностью замены обязательных работ принудительными работами⁵;

– для исправительных работ теми же законами изначально правило об их замене ограничением свободы, арестом или лишением свободы было скорректировано в 2009 году положением об их замене только лишением свободы, которое в 2011 году дополнено возможностью их замены и принудительными работами;

– для ограничения свободы правило об их замене лишением свободы из расчета день за день, в 2009 году было скорректировано, установлен новый коэффициент пересчета: один день лишения свободы за два дня ограничения свободы; в 2011 году установлена возможность замены ограничения свободы принудительными работами;

¹ Федеральный закон от 08.12.2003 № 162-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2003. № 50. Ст. 4848

² Федеральный закон от 07.12.2011 № 420-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2011. № 50. Ст. 7362.

³ Федеральный закон от 03.12.2012 № 231-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона "О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам"» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2012. № 50 (часть 4). Ст. 6954.

⁴ Федеральный закон от 27.12.2009 № 377-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с введением в действие положений Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации о наказании в виде ограничения свободы» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2009. № 52 (1 ч.). Ст. 6453.

⁵ Федеральный закон от 07.12.2011 № 420-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2011. № 50. Ст. 7362.

Как видим, содержание изменений состояло, по преимуществу, в поиске оптимальной формулы замены, которая учитывала бы динамику видов и содержания предусмотренных законом наказаний, а равно возможность реального исполнения наказания, которое суд считает назначить в качестве заменяемого.

Сегодня, согласно закону, количество вариантов замены обратно пропорционально строгости наказания.

Для принудительных работ предусмотрена возможность замены их только лишением свободы.

Для ограничения свободы, исправительных работ и обязательных работ закон устанавливает две более строгие альтернативы: лишение свободы или принудительные работы. Хотя это положение действует уже более 15 лет, суды не проявляют активности в части применения принудительных работ в рассматриваемом контексте¹. При замене ограничения свободы более строгим видом наказания в изученных нами материалах в 100% случаев суды избрали лишение свободы. При замене обязательных работ более строгим видом принудительные работы применяются в 14,0% случаев (в 86,0% случаев – лишение свободы), а при замене исправительных работ – только в 11,1% случаев (в 88,9% случаев – лишение свободы). Таким образом, для этих видов наказаний именно лишение свободы выступает наиболее востребованным заменяемым наказанием. Интересно отметить, что в профессиональном экспертном сообществе эта практика находит широкую поддержку. Большая часть опрошенных при подготовке диссертации специалистов (79%) признали, что оптимальным заменяющим наказанием в случае уклонения от обязательных, исправительных работ или ограничения свободы, выступает наказание, предполагающее изоляцию осужденного от общества.

¹ В литературе со ссылкой на эмпирические исследования приводились данные о том, что причина такого положения вещей, среди прочего, кроется в специфике результатов системного толкования закона судами, согласно которому принудительные работы (в строгом соответствии с изначальной редакцией ст. 53¹ УК РФ) мыслились исключительно как альтернатива лишению свободы, но не иным, не связанным с изоляцией от общества наказанием. См., например: Соколова О., Степанова И. Замена исправительных и обязательных работ иным видом наказания в случае злостного уклонения от их отбывания: анализ судебной практики // Уголовное право. 2018. № 6. С. 90–91.

Для штрафа (некратного) спектр заменяемых наказаний наиболее широк. Согласно исследованным материалам, он в соответствии с законом включает в себя обязательные работы в 57,9% случаев, исправительные работы в 15,8% случаев, принудительные работы – в 15,8% случаев и ограничение свободы в 10,5% случаев. В экспертном сообществе представлена иная структура предпочтений: 67% респондентов полагают, что наиболее предпочтительным заменяющим наказанием для штрафа выступают принудительные работы, 43% и 37% назвали соответственно обязательные и исправительные работы, 26% признали предпочтительным ограничение свободы.

Рассматривая саму процедуру замены наказания более строгим, важно обратить внимание на два ключевых вопроса: мотивировка выбора вида наказания и коэффициент пересчета одного вида наказания в другой.

Анализ судебной практики свидетельствует, что аргументация выбора заменяющего вида наказания составляет наиболее слабый участок текста судебного постановления. Выбор наказания составляет исключительную прерогативу суда, который не связан содержанием представления уголовно-исполнительной инспекции. Однако сам этот выбор остается в значительной части случаев неаргументированным, что подтверждается результатами исследований иных авторов¹. В апелляционных судебных решениях в ответ на доводы жалоб о немотивированности выбора заменяющего вида наказания (например, исправительных работ вместо обязательных работ) суды указывают зачастую: «Вид наказания выбран судом по своему усмотрению из числа наказаний, за исключением лишения свободы, в соответствии с требованиями закона, исходя из реальной возможности осужденного отбывать данное наказание»².

Сопоставляя проблему мотивировки в случаях замены наказания более мягким и более строгим видом, стоит обратить внимание на значимое

¹ Соколова О., Степанова И. Замена исправительных и обязательных работ иным видом наказания в случае злостного уклонения от их отбывания: анализ судебной практики // Уголовное право. 2018. № 6. С. 92.

² Апелляционное постановление Ярославского областного суда от 14.05.2023 по делу № 4/10-1/2023.

обстоятельство. Замена наказания более мягким видом предполагает оценочный характер основания замены, в связи с чем главный вектор судебной аргументации направлен на то, чтобы установить само это основание, убедиться, что цели наказания могут быть достигнуты применением более мягкого наказания. Замена же наказания более строгим предполагает наличие формализованных критериев уклонения (злостного уклонения) от наказания (ст. 30, 32, ч. 3 ст. 46, ч. 4 ст. 58, ч. 2, 3 ст. 60.15, ст. 60.17 УИК РФ). В такой ситуации вектор аргументации смещается с установления основания на выбор вида наказания. Хотя выбор вида заменяющего наказания должен быть аргументирован в любом случае замены.

Наиболее наглядно ситуацию произвольного выбора вида и размера заменяющего наказания демонстрирует практика замены штрафа. Так, например, судебными решениями штраф в размере 250000 рублей заменен обязательными работами на срок 450 часов¹, штраф в размере 200000 рублей заменен на обязательные работы сроком 200 часов², штраф в размере 30000 рублей – обязательными работами на срок 300 часов³, штраф в размере 10000 рублей – обязательными работами на срок 260 часов⁴. При сопоставимых суммах размера штрафа, как видим, срок обязательных работ может различаться практически вдвое, и наоборот, сопоставимые сроки обязательных работ могут назначаться при существенных расхождениях в суммах штрафов. Аналогичная ситуация с иными наказаниями. Согласно судебным решениям, исправительные работы на срок 6 месяцев с удержанием 10% из заработной платы назначались в порядке замены и 15000 рублей штрафа⁵, и 100000 рублей⁶; а ограничение свободы сроком на 6 месяцев

¹ Апелляционное постановление Верховного Суда Республики Алтай от 26.08.2020 по делу № 4/10-1/20.

² Апелляционное постановление Московского областного суда от 24.07.2023 по делу № 4-138/2023.

³ Апелляционное постановление Воронежского областного суда от 8.06.2020 по делу № 4/10-2/2020.

⁴ Апелляционное постановление Красноярского краевого суда от 8.01.2024 по делу № 4/10-15/2023.

⁵ Апелляционное постановление Ростовского областного суда от 9.01.2023 по делу № 4/10-45/2022.

⁶ Апелляционное постановление Ворошиловского районного суда г. Ростова-на-Дону от 5.03.2025 по делу № 4/16-7-1/2025.

назначалось в порядке замены и 8000 рублей штрафа¹, и 20000 рублей², в то время как 4 месяца ограничения свободы избирались в порядке замены 100000 рублей штрафа³.

Такой разброс формально законных решений нельзя признать нормальным⁴. Представляется, что с учетом базовых характеристик и целей субститута замены наказания более строгим видов, законодатель имеет возможность ограничить вид заменяемого наказания, в том числе для того, чтобы свести к минимуму саму процедуру свободной судебной аргументации.

С проблемой мотивировки и выбора связана еще одна, не столько формально-догматическая сколько социально-правовая проблема. Речь идет о том, что строго реализуя нормативные предписания о замене неисполненных наказаний, не связанных с лишением свободы, наказанием в виде лишения свободы, суды вынужденным образом определяют к исполнению краткие и сверхкраткие сроки лишения свободы, которые могут составлять и 15 дней⁵, и 12 дней⁶, и даже 4 дня⁷. Схожая ситуация часто складывается при выборе в качестве заменяющего наказания принудительных работ. Причем специалисты отмечают, что невозможностью достичь целей принудительных работ за счет пребывания в исправительном центре в течение непродолжительного времени, дополнительно стимулирует судебную практику к выбору наказания в виде лишения свободы⁸. Однако доктрина и практика давно исходят из того, что краткосрочное лишение свободы также не

¹ Апелляционное постановление Пермского краевого суда от 27.08.2025 по делу № 4/10-7/2025.

² Апелляционное постановление Ставропольского краевого суда от 27.03.2025 по делу № 4/10-3/2025.

³ Апелляционное постановление Ленинского районного суда от 25.03.2025 по делу № 10-7/2025.

⁴ Специалисты правильно пишут: «Уголовное судопроизводство напрямую связано с ограничением прав и свобод осужденного, охраной и защитой прав потерпевшего, поэтому важнейшей задачей уголовной политики ... выступает недопущение судебного произвола и беззакония, факты которых дают основание констатировать наличие судебного усмотрения и в негативном аспекте. Реализация усмотрения суда должна осуществляться в строго установленных рамках, иметь правовые ограничения, формирующие пределы названной деятельности, определяющие вектор, условия и основания, а также и правила ее осуществления». См.: Огородникова Н.В., Полтавец В.В. К вопросу о диапазоне судебного усмотрения: законодательные предпосылки // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2021. № 11-2. С. 102.

⁵ Апелляционное постановление Хабаровского краевого суда от 3.09.2025 по делу № 4/17-189/2025.

⁶ Апелляционное постановление Верховного Суда Республики Карелия от 7.09.2025 по делу № 4/17-610/2025.

⁷ Апелляционное постановление Красноярского краевого суда от 1.09.2025 по делу № 4/17-520/2025.

⁸ Соколова О., Степанова И. Замена исправительных и обязательных работ иным видом наказания в случае злостного уклонения от их отбывания: анализ судебной практики // Уголовное право. 2018. № 6. С. 92.

эффективно в части достижения целей наказания¹. Кроме того, реальное исполнение кратких (и особенно сверхкратких, исчисляемых несколькими днями) сроков лишения свободы сопряжено с практическими, организационными сложностями. Юристы уже давно отметили, что в таких случаях направление осужденных в исправительную колонию становится технически невозможным, если иметь в виду пятнадцатидневный срок апелляционного обжалования судебных актов, в течение которого осужденный находится в следственном изоляторе. Избранная судом в отношении осужденного мера пресечения в виде заключения под стражу на период до вступления в законную силу постановления суда о замене обязательных работ лишением свободы утрачивает свое значение в момент истечения срока лишения свободы, назначенного на основании ч. 3 ст. 49 УК РФ, а сама апелляционная проверка постановления суда о замене обязательных работ лишением свободы теряет смысл, поскольку осужденный к моменту ее проведения будет считаться уже отбывшим наказание².

Отмеченные проблемы требуют своего разрешения. Как показывает анализ научных источников, выход из ситуации связывается, по преимуществу, с разработкой новых вариантов соотношения заменяемого и заменяющего наказания. При этом можно отчетливо выделить две модели конструируемых специалистами решений. Первая состоит в разработке новых коэффициентов пересчета наказаний, включая коэффициенты пересчета штрафа в иные виды наказаний³. Вторая модель восходит к принципу пропорциональности и предполагает такой вариант замены наказания в случае злостного уклонения от его отбывания, при котором новое, более строгое

¹ Шаргородский М.Д. Наказание, его цели и эффективность // Шаргородский М.Д. Избранные работы по уголовному праву. СПб.: Юридический центр Пресс, 2003. С. 327–332.

² Николук В., Пупышева Л. Замена наказания в виде обязательных работ лишением свободы // Уголовное право. 2017. № 6. С. 118.

³ См., например: Нурмиев М.М. Заменяющие наказания по российскому уголовному праву: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Казань, 2005. С. 7–8; Колосов А.С. Ответственность за уклонение от отбывания наказаний, не связанных с изоляцией осужденного от общества: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2005. С. 8; Гаманенко Л.И. Уголовно-правовое обеспечение реализации назначенного наказания: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Рязань, 2010. С. 8; Иванов А.Л. Замена неотбытой части ограничения свободы более строгим видом наказания (часть 5 статьи 53 Уголовного кодекса Российской Федерации) // Вестник Российской правовой академии. 2016. № 2. С. 61.

наказание будет определяться санкцией той уголовно-правовой нормы, по которой было квалифицировано деяние осужденного¹.

Представляется, что каждый из этих вариантов одновременно и возможен, и ущербен. Если первый основан во многом на субъективных, умозрительных представлениях о соотношении разных видов наказаний, то второй в силу своей линейной логики не учитывает, прежде всего, несогласованный характер а порой и неадекватность самих санкций², и, кроме того, сложные ситуации уклонения от наказания, назначенного по правилам совокупности преступлений или приговоров, наказания, назначенного в порядке замены неотбытой части более мягким видом и др.

В итоге, можно констатировать, что требуется новый вариант, новая модель замены наказания более строгим видом. В ее разработке надо учесть: а) необходимость минимизации, а желательно исключения, проблемы выбора заменяющего наказания; б) обеспечение исполнимости заменяющего наказания; в) соблюдение начал соотносимости строгости наказаний. Но сделать это можно лишь при условии, что система наказаний, установленная ст. 44 УК РФ является полноценной и «рабочей»³. Сегодня она не обладает такими характеристиками по причине того, что в ней не активирован такой вид наказания, как арест⁴. В связи с этим разработка механизма замены наказания

¹ См., например: Титаренко А.П. Влияние правил замены наказания при злостном уклонении осужденного от его отбывания на уголовно-исполнительные отношения // Алтайский юридический вестник. 2013. № 3 (3). С. 64; Алиев А.А. Замена уголовного наказания более строгим видом наказания: проблемы законодательной регламентации // Вестник Российской правовой академии. 2019. № 3. С. 41; Урусов А.А. Принцип пропорциональности при злостном уклонении от отбывания уголовного наказания // Правоприменение в публичном и частном праве: Материалы междунаро. науч. конф. (Омск, 29 марта 2024 г.). Омск: Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, 2024. С. 205–206.

² Проблема несогласованности и несоразмерности санкций отмечалась в науке давно (см., например: Огородникова Н.В. Санкции за имущественные преступления (виды, обоснованность, построение): автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Саратов, 1991). В наши дни она не только не преодолена, но напротив, многомерно обострилась. См. об этом: Простосердов М.А. О некоторых проблемах несогласованности санкций норм Особенной части с положениями Общей части Уголовного кодекса России // Законы России: опыт, анализ, практика. 2023. № 5. С. 72–75; Простосердов М.А. Понятие, признаки и причины возникновения дефектов в санкциях уголовно-правовых норм в УК РФ // Российское правосудие. 2023. № 6. С. 77–83.

³ Проблема согласованности системы наказаний не является исключительно внутренней правовой проблемой России. Она отчетливо проявляет себя на всех уровнях права, включая право международное. См., например: Коняхин В.П., Полатвец В.В. Система наказаний в международном уголовном праве в контексте современных геополитических реалий // Вестник Кыргызско-Российского Славянского университета. 2023. Т. 23, № 3. С. 49–54

⁴ Отношение к аресту в науке противоречиво. В.В. Антонченко, например, пишет: «Арест (ст. 54 УК РФ), заключающийся в строгой, но кратковременной изоляции осужденного от общества, представляется очень эффективным видом наказания. Строгая изоляция оказывает на арестованного мощное морально-

более строгим должна быть выполнена в вариантах: с учетом и без учета ареста, принимая во внимание распространенное и в целом правильное представление о том, что «одной из задач уголовного наказания в виде ареста является повышение эффективности краткосрочного лишения свободы»¹.

Итак, для принудительных работ сегодня единственным заменяющим наказанием признается исключительно лишение свободы (что логично с учетом содержания лестницы наказаний в ст. 44 УК РФ). Для наказаний, связанных с привлечением к труду – обязательных и исправительных работ – таким единственным заменяющим более строгим наказанием могут стать принудительные работы. Этот вид наказаний более строгий и его применение сопряжено практически с теми же ограничениями, что сопровождают назначение заменяемых наказаний². Ограничение свободы, как наказание, не предполагающее привлечение к труду, едва ли целесообразно заменять принудительными работами (трудовым видом наказания). Остается на выбор два – либо арест, либо лишение свободы, которые согласно толкованию ст. 71 УК РФ, соотносятся в пропорции один к одному. Следовательно, при условии сохранения ареста целесообразно оставить его в качестве единственного заменяющего вида наказания (памятую о сложностях и неэффективности кратких сроков лишения свободы), а в случае исключения ареста из системы наказаний – единственным заменяющим видом следует признать лишение свободы, срок которого, согласно ч. 2 ст. 72 УК РФ, для указанных целей

психологическое воздействие, однако кратковременность изоляции и ее условия уменьшают возможность асоциализации осужденного, усваивания им преступной модели поведения и криминальных навыков» (Антонченко В.В. Неэффективность как имманентное свойство действующего уголовного наказания // Legal Concept = Правовая парадигма. 2023. Т. 22, № 2. С. 141). В тоже время В.М. Степашин замечает, что «эта мера государственного принуждения не имеет перспектив, конкурирует с краткосрочным лишением свободы, дестабилизирует систему наказаний, противоречит международно-правовым рекомендациям, чрезмерно затратна, а потому излишня» (Степашин В.М. Арест как вид наказания // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2011. № 4 (29). С. 134).

¹ Звонов А.В. Аналитический обзор содержания уголовного наказания на примере ареста: тезисы // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2017. Т. 17, № 1. С. 114.

² В период действия советского права было высказано близкое по сути своей суждение. Ю.М. Ткачевский, в частности, отмечал целесообразность замены исправительных работ не лишением свободы, а условным осуждением к лишению свободы с обязательным привлечением осужденного к труду. Предпочтение такому варианту замены, по его мнению, следовало отдавать, руководствуясь интересами экономии репрессии и смягчения отрицательного воздействия кратких сроков нахождения в местах лишения свободы, гуманизации уголовно-правовых мер борьбы с преступностью (Ткачевский Ю.М. О замене исправительных работ лишением свободы // Советская юстиция. 1980. № 7. С. 8).

может исчисляться в днях, при условии, что организация исполнения краткосрочного лишения свободы будет специальным образом урегулирована в УИК РФ.

Подводя итоги исследованию проблем теории и практики замены наказания более строгим видом в случаях уклонения от его отбывания, представляется возможным сформулировать несколько основных выводов:

- субинститут замены наказания более строгим видом не может быть активирован в ситуациях объективной неспособности или невозможности исполнения наказания по причинам, не зависящим от воли осужденного (в подобных ситуациях лицо должно быть освобождено от наказания); основанием замены выступает сознательное, злостное уклонение лица, совершившего преступление, от отбывания назначенного судом наказания; такое виновное поведение не является предметом прогнозной оценки суда в момент вынесения приговора, а потому факты и масштабы замены наказания более строгим не могут восприниматься как свидетельство судебной или уголовно-исполнительной ошибки;

- поведение, связанное с уклонением от исполнения назначенного судом наказания, в зависимости от содержания действий и их направленности, может оцениваться законодателем как основание административной ответственности, основание применения мер уголовно-исполнительного воздействия либо как основание применения мер уголовно-правового реагирования; уголовное право реагирует лишь на активные и целенаправленные действия, свидетельствующие об устойчивом нежелании лица претерпевать определенные в приговоре меры воздействия, в результате которых блокируется безусловное право государство на исполнение назначенных судом наказаний;

- существующая система уголовно-правовых гарантий права государства на наказание является несбалансированной и противоречивой; основные проблемы состоят: а) в одновременном использовании двух принципиально различных моделей реагирования на злостное уклонение от

исполнения наказания – модели ответственности за преступление и модели замены наказания; б) в пробельности правового регулирования, определяемой отсутствием предписаний о замене некоторых видов наказания; в) в установлении различного подхода к реагированию на однотипные наказания, назначенные в качестве основных либо дополнительных; г) в отсутствии четких и однозначных критериев замены наказания более строгим видом; д) в наследовании системой замены наказания недостатков системы видов наказаний;

– устранение выявленных противоречий должно основываться на понимании замены наказания более строгим видом в качестве обеспечительной деятельности, не предполагающей решения вопросов, традиционных для назначения наказания; субинститут замены наказаний более строгим видом должен учитывать в своем содержании: а) необходимость исключения проблемы выбора заменяющего наказания; б) обеспечение исполнимости заменяющего наказания; в) соблюдение начал соотносимости строгости наказаний;

– система правил замены наказаний должна быть согласована с системой наказаний и санкций, а потому должна учитывать решение вопроса о сохранении или исключении из системы наказаний дополнительных видов, видов, предназначенных только для военнослужащих, и ареста; при сохранении существующей системы наказаний, оптимизация правил замены может предполагать: а) допустимость замены дополнительного наказания более строгим основным наказанием с установлением специальных правил их сложения; б) установление правила о замене наказания в виде штрафа только обязательными или исправительными работами (в зависимости от наличия у осужденного основного места работы); в) установление правила о замене обязательных и исправительных работ единственным заменяющим более строгим наказанием в виде принудительных работ; г) сохранение в качестве единственного наказания, заменяющего принудительные работы, лишения свободы; д) установление правила о замене ограничения свободы

исключительно арестом (а в случае исключения ареста из системы наказаний – лишением свободы).

Предложенные правила, разумеется, могут быть оспорены. В частности, правило замены наказания в виде штрафа только обязательными или исправительными работами не будет работать в случае нетрудоспособности осужденного, инвалидности, беременности, наличия статуса военнослужащего. Правило о замене обязательных и исправительных работ единственным заменяющим более строгим наказанием в виде принудительных работ не сможет применяться к несовершеннолетним, а также к лицам, признанным инвалидами второй группы, некоторым лицам, имеющим детей, достигшим возраста, дающего право на назначение страховой пенсии по старости, военнослужащие. Правило о замене ограничения свободы исключительно арестом сделает невозможной замену наказания несовершеннолетним. Мы это сознаем в полной мере. Но, во-первых, ограничения на применение заменяющих видов наказаний существуют и при нынешней редакции уголовного закона, в связи с чем наши предложения не порождают новых, неизвестных теории и практики проблем, не умножают их. Во-вторых, они ориентированы на упорядочение и минимизацию пределов судебного усмотрения в целях обеспечения единообразия судебной практики и защиты равенства граждан. И, наконец, в-третьих, закрепление предложенных правил будет однозначно устанавливать положение, при котором невозможность замены наказания иным видом требует либо интенсификации работы органов исполнения наказаний, либо прекращения исполнения наказания.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Исследование теории и практики законодательного воплощения предписаний о замене наказания и их применения в судебной практике позволяет сформулировать несколько общих выводов, которые в своей совокупности отражают авторскую концепцию понимания предпосылок, актуального состояния и перспектив развития института замены наказания:

1) Формирование и развитие института замены наказания в истории отечественного уголовного права проходило в три отчетливо выделяемых периода:

- первый (доинституциональный) охватывал формирование и развитие русского уголовного права до 1845 года и состоял в накоплении опыта нормативного регулирования основных типологических ситуаций замены наказания;

- второй (институциональный) был связан с Уложением о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года, в котором замена наказания получила статус полноценного структурно обособленного уголовно-правового института;

- третий (постинституциональный) начался с советских уголовных законов и включает современность, в его рамках нормы о замене наказания разрозненно предусматриваются в трех отдельных уголовно-правовых институтах (наказания, освобождения от наказания и преступлений против правосудия).

2) Основные тенденции развития института замены наказания на всем протяжении его многовековой истории заключались:

- в обособлении правил замены наказания от правил индивидуализации наказания в процессе его назначения и от правил индивидуализации исправительного воздействия на осужденного в рамках прогрессивной системы исполнения наказания;

– в структурном обособлении трех типовых ситуаций замены наказания: в связи с негативным поведением осужденного, уклоняющегося от наказания, в связи с позитивной динамикой исправления осужденного, в связи с объективными и не зависящими от поведения осужденного обстоятельствами, делающими невозможным исполнение назначенного судом наказания;

– в сохраняющейся стабильности правил замены наказания более строгим видом в ситуации уклонения от исполнения назначенной по приговору меры (что уходило корнями в представления о незыблемости судебного решения и авторитете суда) и в достаточно позднем формировании, значительной вариативности и изменчивости правил о замене наказания более мягким видом в процессе его исполнения (что связано с поздним и противоречивым формированием теории уголовно-правового исправления).

3) В конституционно-правовом измерении институт замены наказания (более строгим или более мягким) обосновывается необходимостью обеспечить полноценную реализацию установленных приговором суда прав и обязанностей осужденного и государства как участников уголовно-правового отношения. Замена определенного по приговору суда наказания в случае уклонения от его отбывания более строгим видом призвана гарантировать конституционно значимое право государства привлечь виновное лицо к уголовной ответственности и реализовать в отношении него комплекс предусмотренных уголовным законом правоограничений в целях восстановления справедливости, исправления осужденного и предупреждения новых преступлений. Замена наказания, установленного в приговоре, на более мягкий вид призвана гарантировать непосредственно закрепленное на конституционном уровне право осужденного просить о смягчении наказания до минимального уровня, позволяющего эффективно достичь цели наказания.

4) Осуществляемая по итогам судебного контроля замена наказания не является посягательством на принцип стабильности судебного решения, поскольку в процессе замены наказания не происходит изменения или корректировки приговора в силу требований конституционного принципа *res*

judicata, означающего недопустимость изменения в ординарных процедурах окончательного и вступившего в силу судебного акта; напротив, институт замены наказания призван обеспечить требование исполнимости судебного решения. Безусловная исполнимость приговора, в том числе за счет процедуры замены неисполняемого менее строгого наказания более строгим исполняемым наказанием, отчетливо коррелирует с требованиями формальной законности; тогда как замена наказания в процессе его исполнения более мягким, призванная в содержательной части гарантировать достижения целей наказания минимальными правоограничениями, отчетливо коррелирует с требованиями принципа гуманизма; в своей совокупности эти два направления замены наказания обеспечивают справедливость уголовно-правового регулирования.

5) Замена наказания осуществляется в стадии исполнения вступившего в законную силу приговора (чем отличается от изменения наказания в судах проверочных инстанций); осуществляется в пределах нормативных параметров существующего уголовно-правового отношения (чем отличается от изменения наказания при изменении уголовного закона); вызвана необходимостью оценки некриминального постпреступного поведения лица, совершившего преступление (чем отличается от выбора наказания на этапе его назначения). С учетом конституционно предписанной гарантийной, обеспечительной функции замены наказания, она, вопреки распространенному мнению, не может рассматриваться в качестве формы реализации позитивной и негативной ответственности в уголовном праве, меры уголовно-правового характера или элемента прогрессивной системы исполнения наказания. Замена наказания означает корректировку правового статуса лица, совершившего преступление, и предопределена необходимостью обеспечения в процессе существования уголовно-правового отношения гарантий реализации взаимосвязанных прав участников уголовно-правового отношения.

6) Замена наказания обладает всеми основными признаками правового института; это множество взаимосвязанных, самостоятельных, обладающих отраслевой чистотой, идейным и функциональным единством, уголовно-правовых предписаний, которые активируются специфической группой юридических фактов и направлены на цельное и беспробельное регулирование строго определенного участка уголовно-правовых отношений. Завершающим этапом в формировании института замены наказания должно стать его внешнее оформление, предполагающее вычленение в структуре уголовного закона самостоятельной главы, разместить которую целесообразно в разделе III УК РФ «Наказание», после главы о назначении наказания. По своим видовым характеристикам институт замены наказания является регулятивным, функциональным, внутриотраслевым институтом Общей части уголовного права со сложной структурой, элементами которой выступают два субинститута: субинститут замены наказания более строгим видом и субинститут замены наказания более мягким видом.

7) Как компонент самостоятельного института замены наказания, замена неотбытой части наказания более мягким видом наказания, основывается на идеях: а) сопоставимости и взаимозаменяемости видов наказаний в системе наказаний, которая позволяет обеспечить эквивалентную замену одних правоограничений иными правоограничениями; б) прогрессивной системы исполнения наказания, которая позволяет смягчать уровень карательных правоограничений по мере достижения целей исправления лица, совершившего преступление; в) последовательности и планомерности в улучшении правового статуса лица, совершившего преступление. В целях оптимизации системы правил замены наказания более мягким видом целесообразно предусмотреть дифференцированный порядок замены наказания: а) замену неотбытой части лишения свободы (в том числе отбываемого за особо тяжкое преступление) наказанием в виде принудительных работ; б) замену принудительных работ (назначенных судом или отбываемых в порядке замены ими лишения свободы) наказанием в виде

ограничения свободы. При этом в процессе замены необходимо использовать установленные законом коэффициенты пересчета, согласно которым одному дню лишения свободы соответствует один день принудительных работ, а одному дню принудительных работ – два дня ограничения свободы.

8) Замена наказания более строгим видом в качестве обеспечительной деятельности не предполагает решения вопросов, традиционных для назначения наказания; субинститут замены наказаний более строгим видом должен учитывать в своем содержании: а) необходимость исключения проблемы выбора заменяющего наказания; б) обеспечение исполнимости заменяющего наказания; в) соблюдение начал соотносимости строгости наказаний. Система правил замены наказаний должна быть согласована с системой наказаний и санкций, а потому должна учитывать решение вопроса о сохранении или исключении из системы наказаний дополнительных видов, видов, предназначенных только для военнослужащих, и ареста; при сохранении существующей системы наказаний, оптимизация правил замены может предполагать: а) допустимость замены дополнительного наказания более строгим основным наказанием с установлением специальных правил их сложения; б) установление правила о замене наказания в виде штрафа только обязательными или исправительными работами (в зависимости от наличия у осужденного основного места работы); в) установление правила о замене обязательных и исправительных работ единственным заменяющим более строгим наказанием в виде принудительных работ; г) сохранение в качестве единственного наказания, заменяющего принудительные работы, лишения свободы; д) установление правила о замене ограничения свободы исключительно арестом (а в случае исключения ареста из системы наказаний – лишением свободы).

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

Нормативные правовые акты Российской Федерации

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). URL: <http://www.pravo.gov.ru>.
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 25. – Ст. 2954.
3. Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации от 8.01.1997 № 1-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 1997. – № 52 (Ч. 1). – Ст. 4921.
4. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2001. – № 25. – Ст. 2954.
5. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2002. – № 1 (Ч. 1). – Ст. 1.
6. Федеральный закон от 08.12.2003 № 162-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2003. – № 50. – Ст. 4848.
7. Федеральный закон от 27.12.2009 № 377-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с введением в действие положений Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации о наказании в виде ограничения свободы» // Собрание законодательства РФ. – 2009. – № 52 (ч. I). – Ст. 6453.
8. Федеральный закон от 07.12.2011 № 420-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2011. – № 50. – Ст. 7362.

9. Федеральный закон от 01.12.2012 № 208-ФЗ «О внесении изменений в статьи 78 и 175 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации и статью 399 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2012. – № 49. – Ст. 6753.

10. Федеральный закон от 03.12.2012 № 231-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона "О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам"» // Собрание законодательства РФ. – 2012. – № 50 (часть 4). – Ст. 6954.

11. Федеральный закон от 23.04.2018 № 96-ФЗ «О внесении изменений в статью 53.1 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2018. – № 18. – Ст. 2566.

12. Федеральный закон от 27.12.2018 № 540-ФЗ «О внесении изменений в статьи 53.1 и 80 Уголовного кодекса Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2018. – № 53 (ч. I). – Ст. 8466.

13. Федеральный закон от 18.07.2019 № 179-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2019. – № 29 (часть I). – Ст. 3846.

14. Федеральный закон от 24.09.2022 № 365-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2022 – № 39. – Ст. 6535.

15. Федеральный закон от 23.03.2024 № 64-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2024. – № 13. – Ст. 1687.

16. Федеральный закон от 23.07.2025 № 218-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и признании утратившим силу пункта 7.1 части первой статьи 299 Уголовно-

процессуального кодекса Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2025. – № 30 (ч. I). – Ст. 4367.

17. Федеральный закон от 02.10.2007 № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве» // Собрание законодательства РФ. – 2007. – № 41. – Ст. 4849.

18. Федеральный закон от 06.02.2023 № 10-ФЗ «О пробации в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2023. – № 6. – Ст. 917.

19. Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2021. – № 27 (ч. II). – Ст. 5351.

20. Указ Президента РФ от 28.02.2024 № 145 «О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2024. – № 10. – Ст. 1373.

21. Приказ Минюста России от 19.01.2026 № 6 «Об организации исполнения наказаний в виде обязательных работ, лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, исправительных работ, контроля за поведением осужденных, к которым применена отсрочка отбывания наказания, условно осужденных» // Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru>, 20.01.2026.

Исторические памятники права

22. Правда Русская. Т. 2: Комментарии / сост. Б.В. Александров, В.Г. Гейман, Г.Е. Кочин, Н.Ф. Лавров, Б.А. Романов; под общ. ред. Б.Д. Грекова. – М. – Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1947. – 864 с.

23. Российское законодательство X – XX веков: В 9-ти т. Т.1. Законодательство Древней Руси / отв. ред. Янин В.Л. – М.: Юридическая литература, 1984. – 430 с.

24. Псковская судебная грамота (1397 – 1467). Подлинная с в переводе на современный язык с примечаниями по установлению переводного текста /

сост. И.И. Васильев, Н.В. Кирпичников. – Псков: Тип. Губерн. Правления, 1896. – 75 с.

25. Памятники Русского права. В 8 вып. Вып. второй. Памятники права феодально-раздробленной Руси. XII – XV в.в. / сост. А.А. Зимин. – М.: Гос. издат. юрид. лит., 1953. – 442 с.

26. Памятники Русского права. В 8 вып. Вып. четвертый. Памятники права периода укрепления русского централизованного государства XV – XVII вв. / под ред. Л.В. Черепнина. – М.: Гос. издат. юрид. лит., 1956. – 632 с.

27. Памятники Русского права. В 8 вып. Вып. пятый. Памятники права периода сословно-представительной монархии. Первая половина XVII в. / под ред. Л.В. Черепнина. – М.: Гос. издат. юрид. лит., 1959. – 667 с.

28. Памятники Русского права. В 8 вып. Вып. шестой. Соборное Уложение царя Алексея Михайловича 1649 года / под ред. К.А. Софроненко. – М.: Гос. издат. юрид. лит., 1957. – 503 с.

29. Свод законов уголовных. Т. XV. – СПб.: Тип. II Отд. Собств. Его Императорского Величества Канцелярии, 1832. – 565 с.

30. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. – СПб.: Тип. II Отд. Собств. Его Императорского Величества Канцелярии, 1845. – 898 с.

31. Уголовное Уложение. Высочайше утвержденное 22 марта 1903 г. – СПб.: Изд. Сенатской тип., 1903. – 253 с.

32. Филиппов П.А. Уголовное законодательство России: октябрь 1917 – май 1922 года: хрестоматия. – М.: Проспект, 2024. – 279 с.

33. Сборник документов по истории уголовного законодательства СССР и РСФСР. 1917 – 1952. / сост. А.А. Герцензон; под ред. И.Т. Голякова. – М.: Гос. издат. юрид. лит., 1953. – 464 с.

34. Уголовное законодательство Союза ССР и союзных республик. В 2 т. Т. I. / отв. ред. Ф.И. Калинычев. – М.: Гос. издат. юрид. лит., 1963. – 636 с.

Материалы законопроектной деятельности

35. Проект федерального закона «О внесении изменения в статью 80 Уголовного кодекса Российской Федерации» (в части изменения условий

замены неотбытой части наказания осужденным за совершение особо тяжкого преступления). URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/160006-8> (дата обращения: 26.01.2026).

36. Проект Федерального закона «О введении в действие положений Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации о наказании в виде ограничения свободы и внесении изменений в законодательные акты Российской Федерации». URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/321851-4> (дата обращения: 19.03.2026).

37. Законопроект № 321851-4 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с введением в действие положений Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации о наказании в виде ограничения свободы». URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/321851-4> (дата обращения: 28.12.2025).

38. Законопроект № 1241629-8 «О внесении изменений в статью 5 Федерального конституционного закона "О Верховном Суде Российской Федерации" (об обеспечении единообразия судебной практики)». URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/1241629-8> (дата обращения: 10.07.2026).

Международные правовые акты и решения межгосударственных органов

39. Международный пакт о гражданских и политических правах (Принят 16.12.1966 Резолюцией 2200 (XXI) на 1496-ом пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН) // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 1994. – № 12. – С. 5 – 11.

40. Конвенция Содружества Независимых Государств о правах и основных свободах человека (заключена в Минске 26.05.1995) // Собрание законодательства РФ. – 1999. – № 13. – Ст. 1489.

41. Минимальные стандартные правила Организации Объединенных Наций в отношении мер, не связанных с тюремным заключением (Токийские правила). Приняты 14.12.1990 Резолюцией 45/110 Генеральной Ассамблеи

ООН // Сборник стандартов и норм Организации Объединенных Наций в области предупреждения преступности и уголовного правосудия. – Нью Йорк: ООН, 2016. – С. 91 – 101.

42. Постановление ЕСПЧ от 18.11.2004. Дело «Праведная (Pravednaya) против Российской Федерации» (жалоба № 69529/01) // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. – 2005. – № 5.

43. Постановление ЕСПЧ от 18.01.2007. Дело «Булгакова (Bulgakova) против Российской Федерации» (жалоба № 69524/01) // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. – 2007. – № 10.

44. Постановление ЕСПЧ от 24.05.2007. Дело «Радчиков (Radchikov) против Российской Федерации» (жалоба № 65582/01) // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. – 2007. – № 10.

45. Постановление ЕСПЧ от 23.07.2009. Дело «Сутяжник (Sutyazhnik) против Российской Федерации» (жалоба № 8269/02) // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. – 2010. – № 3.

46. Информация о постановлении ЕСПЧ от 12.02.2008 по делу «Кафкарис (Kafkaris) против Кипра» (жалоба № 21906/04) // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. – 2008. – № 8.

47. Информация о постановлении ЕСПЧ от 17.12.2009 по делу «М. (М.) против Германии» (жалоба № 19359/04) // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. – 2010. – № 5.

Материалы судебной практики

Конституционного Суда Российской Федерации

48. Постановление Конституционного Суда РФ от 26.11.2002 № 16-П «По делу о проверке конституционности положений статей 77.1, 77.2, частей первой и десятой статьи 175 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации и статьи 363 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданина А.А. Кизимова» // Вестник Конституционного Суда РФ. – 2003. – № 1.

49. Постановление Конституционного Суда РФ от 08.12.2003 № 18-П

«По делу о проверке конституционности положений статей 125, 219, 227, 229, 236, 237, 239, 246, 254, 271, 378, 405 и 408, а также глав 35 и 39 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросами судов общей юрисдикции и жалобами граждан» // Вестник Конституционного Суда РФ. – 2004. – № 1.

50. Постановление Конституционного Суда РФ от 17.11.2005 № 11-П «По делу о проверке конституционности части 3 статьи 292 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами государственного учреждения культуры "Дом культуры им. октябрьской революции", открытого акционерного общества "Центронефтехимремстрой", гражданина А.А. Лысогора и Администрации Тульской области» // Вестник Конституционного Суда РФ. – 2006. – № 1.

51. Постановление Конституционного Суда РФ от 05.02.2007 № 2-П «По делу о проверке конституционности положений статей 16, 20, 112, 336, 376, 377, 380, 381, 382, 383, 387, 388 и 389 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом Кабинета Министров Республики Татарстан, жалобами открытых акционерных обществ "Нижнекамскнефтехим" и "Хакасэнерго", а также жалобами ряда граждан» // Вестник Конституционного Суда РФ. – 2007. – № 3.

52. Постановление Конституционного Суда РФ от 27.05.2008 № 8-П «По делу о проверке конституционности положения части первой статьи 188 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки М.А. Асламазян» // Собрание законодательства РФ. – 2008. – № 24. – Ст. 2892.

53. Постановление Конституционного Суда РФ от 8.12.2009 № 19-П «По делу о проверке конституционности подпункта 4 статьи 15 Федерального закона «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию» в связи с жалобами граждан В.Ф. Алдошиной и Т.С.-М. Идалова» // Собрание законодательства РФ. – 2009. – № 50. – Ст. 6145.

54. Постановление Конституционного Суда РФ от 19.03.2010 № 7-П «По делу о проверке конституционности части второй статьи 397

Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан И.В. Амосовой, Т.Т. Васильевой, К.Н. Жестковой и других» // Вестник Конституционного Суда РФ. – 2010. – № 3.

55. Постановление Конституционного Суда РФ от 21.12.2011 № 30-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 90 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой граждан В.Д. Власенко и Е.А. Власенко» // Вестник Конституционного Суда РФ. – 2012. – № 1.

56. Постановление Конституционного Суда РФ от 18.03.2014 № 5-П «По делу о проверке конституционности части второй.1 статьи 399 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом Кетовского районного суда Курганской области» // Вестник Конституционного Суда РФ. – 2014. – № 3.

57. Постановление Конституционного Суда РФ от 16.07.2015 № 22-П «По делу о проверке конституционности положения статьи 226.1 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан Республики Казахстан О.Е. Недашковского и С.П. Яковлева» // Собрание законодательства РФ. – 2015. – № 30. – Ст. 4659.

58. Постановление Конституционного Суда РФ от 12.10.2015 № 25-П «По делу о проверке конституционности пункта 5 части 1 статьи 150 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Д.А. Татарникова» // Вестник Конституционного Суда РФ. – 2015. – № 6.

59. Постановление Конституционного Суда РФ от 19.04.2016 № 12-П «По делу о разрешении вопроса о возможности исполнения в соответствии с Конституцией Российской Федерации постановления Европейского Суда по правам человека от 4 июля 2013 года по делу "Анчугов и Гладков против России" в связи с запросом Министерства юстиции Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2016. – № 17. – Ст. 2480.

60. Постановление Конституционного Суда РФ от 06.07.2018 № 29-П

«По делу о проверке конституционности пункта 1 части 3 статьи 311 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой общества с ограниченной ответственностью "Альбатрос"» // Вестник Конституционного Суда РФ. – 2018. – № 6.

61. Постановление Конституционного Суда РФ от 24.02.2022 № 8-П «По делу о проверке конституционности части седьмой статьи 53.1 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина В.Н. Егорова» // Собрание законодательства РФ. – 2022. – № 10. – Ст. 1595.

62. Постановление Конституционного Суда РФ от 24.02.2022 № 8-П «По делу о проверке конституционности части седьмой статьи 53.1 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина В.Н. Егорова» // Собрание законодательства РФ. – 2022. – № 10. – Ст. 1595.

63. Постановление Конституционного Суда РФ от 16.01.2025 № 1-П «По делу о проверке конституционности статьи 390.14 и части третьей статьи 392 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан С.В. Вишнякова, Н.М. Волокитиной, М.З. Каримова и Н.Н. Наливайко» // Собрание законодательства РФ. – 2025. – № 4. – Ст. 277.

64. Определение Конституционного Суда РФ от 09.06.2005 № 248-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы граждан Захаркина Валерия Алексеевича и Захаркиной Ирины Николаевны на нарушение их конституционных прав пунктом "б" части третьей статьи 125 и частью третьей статьи 127 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации». Документ официально не опубликован. URL: <https://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision33746.pdf> (дата обращения: 05.12.2025).

65. Определение Конституционного Суда РФ от 20.10.2005 № 388-О «По жалобе гражданина Елисеева Алексея Юрьевича на нарушение его конституционных прав пунктами 2 и 5 части первой статьи 399 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и частью третьей статьи 175

Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации» // Вестник Конституционного Суда РФ. – 2006. – № 2.

66. Определение Конституционного Суда РФ от 16.02.2006 № 62-О «Об отказе в принятии к рассмотрению запроса Северского городского суда Томской области о проверке конституционности части четвертой статьи 50 Уголовного кодекса Российской Федерации». URL: <https://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision15084.pdf> (дата обращения: 2.08.2025).

67. Определение Конституционного Суда РФ от 17.01.2013 № 2-О «По запросу Курганского областного суда о проверке конституционности положений статей 50, 80 Уголовного кодекса Российской Федерации и статей 396, 397 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Вестник Конституционного Суда РФ. – 2013. – № 4.

68. Определение Конституционного Суда РФ от 17.07.2014 № 1794-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Мировского Алексея Викторовича на нарушение его конституционных прав частью пятой статьи 46 Уголовного кодекса Российской Федерации». URL: <https://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision173930.pdf> (дата обращения: 2.08.2025).

69. Определение Конституционного Суда РФ от 25.09.2014 № 1990-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Ширинкина Олега Олеговича на нарушение его конституционных прав частью пятой статьи 46 Уголовного кодекса Российской Федерации». URL: <https://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision176584.pdf> (дата обращения: 2.08.2025).

70. Определение Конституционного Суда РФ от 25.09.2014 № 2178-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Чеванина Николая Андреевича на нарушение его конституционных прав частью пятой статьи 46 Уголовного кодекса Российской Федерации». URL:

<https://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision177666.pdf> (дата обращения: 2.08.2025).

71. Определение Конституционного Суда РФ от 25.01.2018 № 219-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Латухина Максима Константиновича на нарушение его конституционных прав частью пятой статьи 46 Уголовного кодекса Российской Федерации, статьей 32 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации и статьей 103 Федерального закона «Об исполнительном производстве». URL: <https://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision315982.pdf> (дата обращения: 2.08.2025).

72. Определение Конституционного Суда РФ от 28.06.2018 № 1449-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Захарова Сергея Сергеевича на нарушение его конституционных прав статьями 3, 9, 10 и 79 Уголовного кодекса Российской Федерации». Документ официально не опубликован. URL: <https://www.ksrf.ru/doc/KSRFDecision343458.pdf> (дата обращения: 18.01.2026).

73. Определение Конституционного Суда РФ от 18.07.2019 № 1884-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Мухортова Сергея Евгеньевича на нарушение его конституционных прав частью четвертой статьи 80 Уголовного кодекса Российской Федерации». URL: <https://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision426220.pdf> (дата обращения: 9.08.2025).

74. Определение Конституционного Суда РФ от 19.12.2019 № 3357-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Ткачева Дмитрия Сергеевича на нарушение его конституционных прав частями первой и третьей статьи 79, частями первой и второй статьи 80 Уголовного кодекса Российской Федерации, а также пунктом 2 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О судебной практике условно-досрочного освобождения от отбывания наказания, замены неотбытой части наказания более мягким видом наказания». URL:

<https://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision451035.pdf> (дата обращения: 9.08.2025).

75. Определение Конституционного Суда РФ от 28.05.2020 № 130700 «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Елина Сергея Александровича на нарушение его конституционных прав статьей 80 Уголовного кодекса Российской Федерации и рядом положений Уголовно-процессуального Федерации». URL: <https://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision475118.pdf> (дата обращения: 9.08.2025).

76. Определение Конституционного Суда РФ от 28.09.2021 № 2099-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Ерехинского Ильи Николаевича на нарушение его конституционных прав пунктом «в» части третьей статьи 79 и частью второй статьи 80 Уголовного кодекса Российской Федерации». URL: <https://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision561046.pdf> (дата обращения: 9.08.2025).

77. Определение Конституционного Суда РФ от 30.11.2021 № 2623–О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Шемарова Алексея Геннадьевича на нарушение его конституционных прав частью первой статьи 64 Уголовного кодекса Российской Федерации». Документ официально не опубликован. URL: <https://www.ksrf.ru/doc/KSRFDecision573591.pdf> (дата обращения: 06.12.2025).

78. Определение Конституционного Суда РФ от 31.01.2023 № 26–О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Мостового Александра Андреевича на нарушение его конституционных прав статьей 64 Уголовного кодекса Российской Федерации». Документ официально не опубликован. URL: <https://www.ksrf.ru/doc/KSRFDecision663511.pdf> (дата обращения: 06.12.2025).

79. Определение Конституционного Суда РФ от 28.02.2023 № 227-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Аминова Андрея Владимировича на нарушение его конституционных прав частью второй

статьи 80 Уголовного кодекса Российской Федерации и Федеральным законом «О внесении изменений в статьи 531 и 80 Уголовного кодекса Российской Федерации». URL: <https://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision672745.pdf> (дата обращения: 9.08.2025).

80. Определение Конституционного Суда РФ от 28.02.2023 № 463-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Стерлигова Ильи Владимировича на нарушение его конституционных прав частью второй статьи 80 Уголовного кодекса Российской Федерации». URL: <https://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision668908.pdf> (дата обращения: 9.08.2025).

81. Определение Конституционного Суда РФ от 27.06.2023 № 1735-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Крымшамхалова Юсуфа Ибрагимовича на нарушение его конституционных прав статьей 80 Уголовного кодекса Российской Федерации». URL: <https://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision695222.pdf> (дата обращения: 9.08.2025).

82. Определение Конституционного Суда РФ от 20.07.2023 № 1837-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Байдина Андрея Александровича на нарушение его конституционных прав статьей 80 Уголовного кодекса Российской Федерации». URL: <https://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision707819.pdf> (дата обращения: 9.08.2025).

83. Определение Конституционного Суда РФ от 31.10.2023 № 2735-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Золотаревой Марии Владимировны на нарушение ее конституционных прав статьями 79, 80, 93 и 95 Уголовного кодекса Российской Федерации». URL: <https://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision718151.pdf> (дата обращения: 9.08.2025).

84. Определение Конституционного Суда РФ от 27.02.2024 № 271-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Крылова Романа

Александровича на нарушение его конституционных прав частью второй статьи 43 и частью четвертой статьи 80 Уголовного кодекса Российской Федерации, статьей 9 и частью третьей статьи 175 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации». URL: <https://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision743363.pdf> (дата обращения: 9.08.2025).

85. Определение Конституционного Суда РФ от 29.11.2024 № 3009-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Лемдясова Дмитрия Владимировича на нарушение его конституционных прав частью второй статьи 80 Уголовного кодекса Российской Федерации». URL: <https://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision802429.pdf> (дата обращения: 9.08.2025).

86. Определение Конституционного Суда РФ от 27.03.2025 № 627-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Клепчи Николая Алексеевича на нарушение его конституционных прав частью второй статьи 57 и частью второй статьи 80 Уголовного кодекса Российской Федерации». URL: <https://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision827938.pdf> (дата обращения: 9.08.2025).

87. Определение Конституционного Суда РФ от 29.05.2025 № 1254-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Романова Вячеслава Геннадьевича на нарушение его конституционных прав статьями 3 и 4, частью второй статьи 6 и статьей 175 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации». Документ опубликован не был. URL: <https://www.ksrf.ru/doc/KSRFDecision841498.pdf> (дата обращения: 27.12.2025).

88. Информация «Конституционно-правовые аспекты совершенствования нормотворческой деятельности (на основе решений Конституционного Суда Российской Федерации 2013 – 2015 годов)». Одобрено решением Конституционного Суда РФ от 23.06.2016. URL: https://www.ksrf.ru/about/Maintenance/Documents/Information_2015.pdf (дата обращения: 20.12.2025).

89. Информация Конституционного Суда РФ «Методологические аспекты конституционного контроля (к 30-летию Конституционного Суда Российской Федерации)». Одобрено решением Конституционного Суда РФ от 19.10.2021. URL:

<https://www.ksrf.ru/about/Maintenance/Documents/Aspects2021.pdf> (дата обращения: 20.12.2025).

**Материалы судебной практики Верховного суда Российской Федерации
и судов общей юрисдикции**

90. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21.04.2009 № 8 «О судебной практике условно-досрочного освобождения от отбывания наказания, замены неотбытой части наказания более мягким видом наказания» // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2009. – № 7.

91. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 01.02.2011 № 1 «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних» // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2011. – № 4.

92. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 20.12.2011 № 21 «О практике применения судами законодательства об исполнении приговора» // Ведомости уголовно-исполнительной системы. – 2012. – № 3

93. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.05.2014 № 9 «О практике назначения и изменения судами видов исправительных учреждений» // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2014. – № 7.

94. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22.12.2015 № 58 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания» // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2016. – № 2.

95. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.11.2016 № 55 «О судебном приговоре» // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2017. – № 1.

96. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 07.06.2022 № 14 «О практике применения судами при рассмотрении уголовных дел

законодательства, регламентирующего исчисление срока погашения и порядок снятия судимости» // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2022. – № 8.

97. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 18.05.2023 № 11 «О практике рассмотрения судами уголовных дел о преступлениях против военной службы» // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2023. – № 7.

98. Определение Верховного Суда РФ от 16.08.2007 по делу № 49Дп07145к.

99. Кассационное определение Верховного Суда РФ от 15.01.2007 по делу № 1-О06-56.

100. Кассационное определение Верховного Суда РФ от 16.11.2009 № 88-о09-30

101. Кассационное определение Верховного Суда РФ от 30.04.2009 по делу № 2-6/08.

102. Кассационное определение Судебной коллегии по административным делам Верховного Суда РФ от 16.02.2022 по делу № 83-КАД21-11-К1.

103. Апелляционное определение Верховного Суда РФ от 24.09.2014 по делу № 46-АПУ14-30.

104. Апелляционное определение Верховного Суда РФ от 8.08.2019 по делу № 2-24/2018.

105. Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 17.09.2024 по делу № 77-3337/2024.

106. Постановление Первого кассационного суда общей юрисдикции от 05.02.2025 по делу № 77-407/2025.

107. Постановление Первого кассационного суда общей юрисдикции от 10.02.2026 по делу № 77-345/2026.

108. Постановление Первого кассационного суда общей юрисдикции от 13.06.2024 по делу № 77-1963/2024.

109. Постановление Первого кассационного суда общей юрисдикции от 13.06.2024 по делу № 77-2119/2024.

110. Постановление Первого кассационного суда общей юрисдикции от 16.10.2024 по делу № 77-3602/2024.

111. Постановление Первого кассационного суда общей юрисдикции от 20.11.2024 по делу № 77-4234/2024.

112. Постановление Первого кассационного суда общей юрисдикции от 26.04.2023 по делу № 77-1730/2023.

113. Кассационное определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 19.08.2021 по делу № 77-2588/2021.

114. Кассационное определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 08.07.2021 по делу № 77-1862/2021.

115. Кассационное постановление Второго кассационного суда общей юрисдикции от 23.05.2024 по делу № 77-1353/2024.

116. Кассационное постановление Второго кассационного суда общей юрисдикции от 11.12.2024 по делу № 77-3241/2024.

117. Кассационное постановление Второго кассационного суда общей юрисдикции от 10.09.2024 по делу № 77-2321/2024.

118. Кассационное постановление Второго кассационного суда общей юрисдикции от 11.12.2024 по делу № 77-3241/2024.

119. Кассационное постановление Второго кассационного суда общей юрисдикции от 14.11.2024 по делу № 77-2818/2024.

120. Постановление Второго кассационного суда общей юрисдикции от 16.02.2023 по делу № У-513/2023.

121. Постановление Второго кассационного суда общей юрисдикции от 16.08.2023 по делу № 77-2611/2023.

122. Кассационное определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 28.01.2021 по делу № 77-80/2021.

123. Кассационное определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 13.09.2022 по делу № 77-2514/2022.

124. Кассационное постановление Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 20.11.2025 по делу № 77-2212/2025.

125. Кассационное постановление Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 11.11.2025 по делу № 77-2106/2025.

126. Постановление Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 02.02.2023 по делу № 77-168/2023.

127. Постановление Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 24.11.2022 по делу № 77-4597/2022

128. Кассационное постановление Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 17.12.2024 № 77-3444/2024.

129. Кассационное постановление Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 24.01.2023 по делу № 77-286/2023.

130. Кассационное определение Пятого кассационного суда общей юрисдикции от 26.10.2022 по делу № 77-1926/2022.

131. Кассационное определение Пятого кассационного суда общей юрисдикции от 23.06.2021 по делу № 77-723/2021.

132. Кассационное постановление Пятого кассационного суда общей юрисдикции от 20.01.2025 по делу № 77-92/2025.

133. Кассационное постановление Пятого кассационного суда общей юрисдикции от 10.09.2024 по делу № 77-1062/2024.

134. Кассационное постановление Пятого кассационного суда общей юрисдикции от 26.05.2025 по делу № 77-600/2025.

135. Определение Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 26.02.2025 по делу № 77-641/2025.

136. Постановление Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 08.09.2022 по делу № 77-4478/2022.

137. Постановление Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 12.02.2025 по делу № 77-353/2025.

138. Постановление Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 15.03.2022 по делу № 77-1476/2022.

139. Постановление Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 17.07.2025 по делу № 77-2052/2025.

140. Постановление Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 17.10.2023 по делу № 77-4284/2023.

141. Постановление Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 19.02.2025 по делу № 77-572/2025.

142. Постановление Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 20.02.2025 по делу № 77-524/2025.

143. Постановление Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 20.08.2025 по делу № 77-2373/2025.

144. Постановление Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 24.09.2024 по делу № 77-3047/2024.

145. Постановление Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 26.11.2025 по делу № 77-3392/2025.

146. Постановление Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 27.11.2025 по делу № 77-3435/2025.

147. Кассационное определение Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 28.11.2024 по делу № 77-3739/2024.

148. Кассационное определение Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 22.09.2021 по делу № 77-4021/2021.

149. Кассационное определение Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 17.08.2022 по делу № 77-3544/2022.

150. Кассационное постановление Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 18.02.2026 по делу № 77-577/2026.

151. Кассационное постановление Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 09.12.2025 по делу № 77-3340/2025.

152. Кассационное постановление Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 25.09.2025 по делу № 77-3367/2025.

153. Кассационное определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 13.11.2025 по делу № 77-3788/2025.

154. Кассационное определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 18.02.2025 по делу № 77-732/2025.

155. Кассационное определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 14.08.2025 по делу № 77-2583/2025.

156. Постановление Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 24.10.2023 по делу № 16-6361/2023.

157. Кассационное постановление Девятого кассационного суда общей юрисдикции от 30.01.2025 по делу № 77-142/2025.

158. Постановление Девятого кассационного суда общей юрисдикции от 11.04.2022 по делу № 77-643/2022.

159. Постановление Президиума Забайкальского краевого суда от 14.06.2018 по делу № 44у-76/2018.

160. Постановление Президиума Красноярского краевого суда от 10.10.2017 по делу № 44У-229/2017.

161. Постановление Московского городского суда от 18.06.2015 по делу № 4у/3-2596/15.

162. Кассационное постановление Санкт-Петербургского городского суда от 25.02.2015 по делу № 44у8/15.

163. Апелляционное постановление Верховного Суда Республики Алтай от 26.08.2020 по делу № 4/10-1/20.

164. Апелляционное постановление Верховного суда Республики Дагестан от 17.11.2021 по делу № 22-2124/2021.

165. Апелляционное определение Верховного суда Республики Карелия от 23.12.2019 по делу № 22-1852/2019.

166. Апелляционное постановление Верховного Суда Республики Карелия от 7.09.2025 по делу № 4/17-610/2025.

167. Решение Верховного Суда Республики Коми от 11.06.2025 по делу № 12-253/2025(5-153/2025).

168. Апелляционное постановление Воронежского областного суда от 8.06.2020 по делу № 4/10-2/2020.

169. Решение Забайкальского краевого суда от 15.12.2025 по делу № 7-12-156/2025.

170. Апелляционное постановление Калужского областного суда от 27.05.2025 по делу № 4/17-3-53/2025.

171. Апелляционное постановление Калужского областного суда от 29.05.2025 по делу № 4/17-3-49/2025.

172. Апелляционное постановление Красноярского краевого суда от 1.09.2025 по делу № 4/17-520/2025.

173. Апелляционное постановление Красноярского краевого суда от 8.01.2024 по делу № 4/10-15/2023.

174. Апелляционное постановление Ленинградского областного суда от 09.01.2025 по делу № 22-37/2025.

175. Апелляционное постановление Ленинградского областного суда от 30.01.2025 по делу № 22-107/2025.

176. Апелляционное постановление Московского областного суда от 24.07.2023 по делу № 4-138/2023.

177. Апелляционное постановление Пермского краевого суда от 27.08.2025 по делу № 4/10-7/2025.

178. Апелляционное постановление Ростовского областного суда от 9.01.2023 по делу № 4/10-45/2022.

179. Апелляционное постановление Рязанского областного суда от 28.07.2025 по делу № 4/16-15/2025.

180. Апелляционное постановление Саратовского областного суда от 07.06.2021 по делу № 22-1331/2021.

181. Апелляционное постановление Саратовского областного суда от 11.08.2022 по делу № 22-2286/2022.

182. Апелляционное постановление Саратовского областного суда от 15.06.2021 по делу № 22-1382/2021.

183. Апелляционное постановление Ставропольского краевого суда от 10.12.2021 по делу № 22-6281/2021.

184. Апелляционное постановление Ставропольского краевого суда от 27.03.2025 по делу № 4/10-3/2025.

185. Апелляционное постановление Ставропольского краевого суда от 29.05.2025 по делу № 4/17-103/2025.

186. Апелляционное постановление Тверского областного суда от 28.05.2025 по делу № 4/17-2-4/2025.

187. Апелляционное постановление Хабаровского краевого суда от 3.09.2025 по делу № 4/17-189/2025.

188. Апелляционное постановление Ярославского областного суда от 14.05.2023 по делу № 4/10-1/2023.

189. Апелляционное постановление Ворошиловского районного суда г. Ростова-на-Дону от 5.03.2025 по делу № 4/16-7-1/2025.

190. Апелляционное постановление Ленинского районного суда от 25.03.2025 по делу № 10-7/2025.

191. Обзор апелляционной практики Брянского областного суда по уголовным делам за четвертый квартал 2020 года. Утвержден президиумом Брянского областного суда 10.02.2021 (Апелляционное постановление от 29.10.2020 по делу № 22-1589). URL: <https://base.garant.ru/400506267/> (дата обращения: 18.01.2026).

192. Обзор апелляционной практики Брянского областного суда по уголовным делам и материалам за первый квартал 2025 года (утвержден президиумом Брянского областного суда 10 апреля 2025 г.). Документ официально не опубликован. URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 18.01.2026).

193. Обзор по отдельным вопросам судебной практики, связанным с применением законодательства и мер по противодействию распространению на территории Российской Федерации новой коронавирусной инфекции (COVID-19) № 2 (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 30.04.2020) // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2020. – № 6.

194. Обзор судебной практики условно-досрочного освобождения от отбывания наказания (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 29.04.2014) // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2014. – № 8.

195. Обобщение практики рассмотрения судами Челябинской области ходатайств о замене неотбытой части наказания более мягким видом наказания в соответствии со ст. 80 Уголовного кодекса Российской Федерации. Утверждено президиумом Челябинского областного суда 2.02.2021.

196. Обобщение судебной практики по уголовным делам Седьмого кассационного суда общей юрисдикции за II полугодие 2024 года. Утверждено постановлением президиума Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 10.03.2025 № 5.

Монографии, научные статьи, учебная литература

197. Азаров В.А., Иванов В.И. О соотношении понятий «судопроизводство», «судебный контроль», «правосудие» // Научный вестник Омской академии МВД России. – 2009. – № 2 (33). – С. 7 – 13.

198. Азаров В.А., Таричко И.Ю. Функция судебного контроля в истории, теории и практике уголовного процесса России. – Омск: Ом. университет, 2004. – 379 с.

199. Алексеев С.С. Структура советского права. – М.: Юридическая литература, 1975. – 263 с.

200. Алексеева Т.М. Реализация принципа правовой определенности в уголовном судопроизводстве // Вестник Московского университета. Серия 11: Право. – 2014. – № 6. – С. 74 – 83.

201. Алиев А.А. Замена наказания – вид освобождения от отбывания наказания? // Образование. Наука. Научные кадры. – 2018. – № 3. – С. 68 – 70.

202. Андрианов В.К. Освобождение от наказания и динамика уголовных правоотношений // Российское правосудие. – 2024. – № 5. – С. 84 – 91.

203. Антипов С.А. Конституционные основы Общей части уголовного права. – М.: Проспект, 2012. – 144 с.

204. Антонченко В.В. Неэффективность как имманентное свойство действующего уголовного наказания // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2023. – Т. 22, № 2. – С. 139 – 146.

205. Асланян Р.Г. Теоретико-методологические основы историко-правового анализа системы особенной части уголовного права // Юридический вестник Кубанского государственного университета. – 2020. – № 4. – С. 30 – 38.

206. Бабаев М.М., Пудовочкин Ю.Е. Диалектика традиций и новаций в уголовном праве // Библиотека криминалиста. Научный журнал. – 2015. – № 2 (19). – С. 9 – 28.

207. Бабаян С.Л. К вопросу о совершенствовании поощрительных институтов, применяемых к лицам, осужденным к наказаниям без изоляции от общества // Вестник института: преступление, наказание, исправление. – 2013. – № 3 (23). – С. 19 – 22.

208. Бабаян С.Л. Условно-досрочное освобождение и замена неотбытой части наказания более мягким его видом как межотраслевые поощрительные институты // Российское правосудие. – 2012. – № 9 (77). – С. 77 – 84.

209. Бадамшин И.Д., Фасхутдинов Р.Ф. К вопросу о реализации замены неотбытой части наказания более мягким видом наказания // Черные дыры в Российском законодательстве. – 2015. – № 3. – С. 105 – 110.

210. Басаев В.А. Развитие института смягчения наказания в уголовной политике Русского государства XV–XVI веков // Молодой ученый. – 2015. – № 23 (103). – С. 721 – 723.

211. Безверхов А.Г., Голенко Д.В. О соотношении Общей и Особенной частей Уголовного кодекса Российской Федерации // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). – 2024. – № 4 (116). – С. 39 – 48.

212. Безверхов А.Г., Коростелев В.С. Проект Уголовного Уложения Российской империи 1813 года. – Самара: Самарский университет, 2013. – 191 с.

213. Белогриц-Котляревский Л.С. Учебник русского уголовного права. Части Общая и Особенная. – Киев: Типо-лит. И.И. Чоколова, 1903. – 618 с.
214. Бернер А.Ф. Учебник уголовного права: Части общая и особенная / с прим., прил. и доп. по истории рус. права и законодательству положит. Н. Неклюдова. Т. 1. Часть Общая. – СПб: Изд. Н. Неклюдова, 1865. – 916 с.
215. Бибило В.Н. Свойства судебного приговора как проявление легитимации правосудия // Журнал Белорусского государственного университета. Право. – 2017. – № 3. – С. 75 – 82.
216. Благов Е.В. Наказание без назначения и скрытые формы наказания в уголовном праве России // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. – 2023. – Т. 25, № 4. – С. 98 – 113.
217. Благов Е.В. Освобождение от наказания (традиции, реалии, перспективы). – М.: Юрлитинформ, 2023. – 400 с.
218. Бурмагин С.В. Судебные производства в уголовном процессе: понятие и виды // Государство и право. – 2019. – № 2. – С. 146 – 159.
219. Верина Г. Ограничение свободы как вид уголовного наказания в свете законодательных новелл // Уголовное право. – 2010. – № 5. – С. 8 – 10.
220. Власов В.И. История судебной власти в России. Книга первая (1019 – 1917). – М.: Спутник+, 2003. – 622 с.
221. Волков К.А. Проблемы судебной практики при замене неотбытой части наказания более мягким видом наказания // Уголовное право. – 2016. – № 1. – С. 14 – 22.
222. Генрих Н.В. Предмет и метод уголовно-правового регулирования: история, теория, практика. – М.: Норма, 2011. – 318 с.
223. Георгиевский Э.В. Формирование и развитие общих положений древнерусского уголовного права. – М.: Юрлитинформ, 2013. – 317 с.
224. Глазков М.Б. Замена неотбытой части наказания в виде лишения свободы наказанием в виде ограничения свободы в порядке ст. 80 Уголовного кодекса Российской Федерации: вопросы правоприменения // Уголовная юстиция. – 2022. – № 20. – С. 15 – 20.

225. Горбань Д.В. К понятию прогрессивной системы исполнения и отбывания наказаний // Юрист Юга России и Закавказья. – 2015. – № 3 (11). – С. 11 – 17.
226. Горбань Д.В. Прогрессивная система исполнения и отбывания уголовных наказаний на современном этапе функционирования уголовно-исполнительной системы Российской Федерации // Ведомости уголовно-исполнительной системы. – 2023. – № 1 (248). – С. 14 – 22.
227. Горегляд О. Опыт начертания российского уголовного права. – СПб.: Тип. Иос. Иоаннесова, 1815. – 168 с.
228. Гришко А.Я. Амнистия. Помилование. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Логос, 2014. – 234 с.
229. Губко И.В., Прохоров Л.А. Криминализация злостного уклонения от отбывания ограничения свободы (ч. 1 ст. 314 УК РФ): вопросы обоснованности и целесообразности // Российский следователь. – 2012. – № 16. – С. 24 – 26.
230. Гузеева О.С. Конституционные начала соразмерности и пропорциональности уголовного наказания // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2021. – № 3 (91). – С. 73 – 81.
231. Гузеева О.С. Права и обязанности государства как участника уголовно-правового отношения // Legal Bulletin. – 2023. – Т. 8, № 4. – С. 76 – 93.
232. Гузеева О.С. Проблемы теории конституционализации уголовно-правовых норм. – М.: Проспект, 2021. – 448 с.
233. Гузеева О.С. Статус лица, совершившего преступление, в уголовно-правовых отношениях // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2020. – № 4. – С. 93 – 98.
234. Демченко Г.В. Наказание по Литовскому Статуту в его трех редакциях (1529, 1566 и 1588 гг). Часть первая. – Киев: Тип. Императорск. Ун-та Св. Владимира, 1894. – 276 с.

235. Денисова А.В. Межотраслевые правовые институты как средство обеспечения системности российского уголовного законодательства // Общество и право. – 2011. – № 1 (33). – С. 94 – 98.

236. Дербышева Е.А. О соотношении принципа правовой определенности и *res judicata* // Правовое государство: теория и практика. – 2016. – № 4 (46). – С. 61 – 67.

237. Дикарев И.С. Исполнимость судебных решений в уголовном процессе // Вестник Волгоградской академии МВД России. – 2014. – № 3 (30). – С. 80 – 86.

238. Донская О.Г., Поляков Н.Н. Формы реализации ответственности за злостное уклонение от отбывания наказаний, не связанных с лишением свободы // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского Юридические науки. – 2021. – Т. 7 (73), № 3, Ч. 1. – С. 252 – 257.

239. Дроздов А.И., Орлов А.В. Принудительные работы и лишение свободы в колониях-поселениях: сравнительно-правовой анализ // Уголовно-исполнительное право. – 2015. – № 1 (19). – С. 40 – 44.

240. Дуюнов В.К. Уголовно-правовое воздействие: теория и практика. – М.: Научная книга, 2003. – 520 с.

241. Дуюнов В.К., Подройкина И.А., Закомолдин Р.В. Освобождение от уголовной ответственности и от уголовного наказания в механизме уголовно-правового воздействия. – М.: Юрлитинформ, 2022. – 264 с.

242. Евтошук Ю.О. Требования принципа пропорциональности в сфере правоприменения // Современное право. – 2013. – № 2. – С. 117 – 121.

243. Елинский А.В. Отдельные вопросы освобождения от уголовной ответственности и от наказания в решениях Конституционного суда России // Следователь. – 2010. – № 20. – С. 8 – 13.

244. Елинский А.В. Проблемы уголовного права в конституционном измерении. – М.: Юрлитинформ, 2012. – 496 с.

245. Ершов В.В. Российское право с позиций легизма и интегративного понимания // Российское правосудие. – 2011. – № 10 (66). – С. 5 – 22.

246. Жилияев Р.М., Строгович Ю.Н., Зорин Д.Н. Совершенствование института замены неотбытой части наказания лишением свободы несовершеннолетним осужденным, злостно уклоняющимся от отбывания наказания в виде обязательных работ, исправительных работ, ограничения свободы: аналитические материалы. – М.: ФКУ НИИ ФСИН России, 2022. – 28 с.

247. Жилияев Р.М., Строгович Ю.Н. Применение института замены неотбытой части наказания лишением свободы к несовершеннолетним осужденным, злостно уклоняющимся от отбывания наказания в виде обязательных работ, исправительных работ, ограничения свободы в случае, если им не может быть назначено наказание в виде лишения свободы в соответствии с частью шестой статьи 88 Уголовного кодекса Российской Федерации: Аналитический обзор с предложениями. – М.: ФКУ НИИ ФСИН России, 2017. – 20 с.

248. Жилияев Р.М., Строгович Ю.Н. Возвращаясь к проблеме замены неотбытой части наказания лишением свободы несовершеннолетним осужденным (по результатам экспертного опроса, проведенного в 2022 г.) // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. – 2022. – № 5. – С. 9 – 11.

249. Жук М.С. Теоретические и прикладные проблемы взаимосвязи Общей и Особенной частей уголовного права // Российское правосудие. – 2010. – № 12 (56). – С. 54 – 64.

250. Жук М.С. Становление и развитие институтов российского уголовного права // Lex Russica (Русский закон). – 2013. – Т. 95, № 7. – С. 750 – 766.

251. Загородников Н.И. О содержании уголовно-правовых отношений // Советское государство и право. – 1963. – № 11. – С. 85 – 89.

252. Зайнутдинов Р.С. Ограничение свободы: уголовно-правовые и уголовно-исполнительные аспекты // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2014. – № 4, Т. 3. – С. 280 – 284.

253. Закомолдин Р.В. Специальные воинские уголовные наказания: состояние и перспективы // Сибирский юридический вестник. – 2020. – № 4 (91). – С. 67 – 71.
254. Звонов А.В., Соколова О.В. О месте ограничения свободы в системе мер уголовно-правового воздействия // Уголовно-исполнительное право. – 2015. – № 4 (22). – С. 18 – 23.
255. Звечаровский И.Э. Современное уголовное право России: понятие, принципы, политика. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2001. – 97 с.
256. Звечаровский И.Э. Освобождение от ответственности и наказания в уголовном праве России // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). – 2018. – № 12 (52). – С. 81 – 87.
257. Звечаровский И.Э. Ответственность в уголовном праве. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2008. – 100 с.
258. Звечаровский И.Э. Понятие мер уголовно-правового характера // Законность. – 2007. – № 1. – С. 19 – 21.
259. Звечаровский И.Э. Российское уголовное право. Закон, преступление, ответственность. Учебник. – М.: Проспект, 2022. – 160 с.
260. Звечаровский И.Э. Уголовное право России. Курс Общей части, во многом определяющий действенность положений его Особенной части. – М.: Проспект, 2024. – 396 с.
261. Звонов А.В. Аналитический обзор содержания уголовного наказания на примере ареста: тезисы // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. – 2017. – Т. 17, № 1. – С. 113 – 117.
262. Зелюка П.А. Замена наказания более мягким видом: проблемы судебной практики и перспективы законодательных решений // Союз криминалистов и криминологов. – 2026. – № 2. – С. 148 – 154.
263. Зелюка П.А. Замена наказания более строгим видом: вопросы теории // Материалы III Всероссийской научно-практической конференции «Стратегии противодействия преступности в условиях изменяющейся

реальности». – Севастополь, 2026.

264. Зелюка П.А. Замена наказания как уголовно-правовой институт // Вестник МГЛУ. Образование и педагогические науки. – 2026. – Вып. 2 (859). – С. 124–131.

265. Зелюка П.А. Институт замены наказания в контексте уголовно-процессуальной характеристики исполнения приговора // Общество и право. – 2025. – № 4 (94). – С. 49 – 54.

266. Зелюка П.А. Конституционные основания уголовно-правового института замены наказания // Уголовная политика и правоприменительная практика, 31 октября 2025 г. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Санкт-Петербург, 31 октября 2025 г. / Сост. Е.Н. Рахманова, Н.Ю. Филатова. – СПб: Северо-Западный филиал ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия имени В.М. Лебедева», 2026. – С. 296 – 307.

267. Зелюка П.А. О невозможности признания замены наказания мерой уголовно-правового характера // XXX лет Уголовному и Уголовно-исполнительному кодексам Российской Федерации: итоги и перспективы: материалы XV Российского конгресса уголовного права, состоявшегося 28-29 мая 2026 г. – М.: Юрлитинформ, 2026. – С. 186 – 190.

268. Зелюка П.А. Правовая природа замены наказания // Юрислингвистика. – 2026. – № 39 (50). – С. 44 – 48.

269. Зелюка П.А. Проблемы и перспективы развития практики замены наказания более строгим видом // Судебная экспертиза и исследования. – 2026. – № 2. – С. 60 – 70.

270. Зелюка П.А. Развитие института замены наказания в уголовном праве России во второй половине XIX - первой половине XX в. // Вестник Краснодарского университета МВД России. – 2025. – № 4 (70). – С. 29 – 34.

271. Зелюка П.А. Становление института замены наказания в российском уголовном праве // Вестник Краснодарского университета МВД России. – 2025. – № 3 (69). – С. 102 – 107.

272. Иванов А.Л. Замена исправительных работ более строгим видом наказания // Закон и право. – 2016. – № 9. – С. 67 – 70.
273. Иванов А.Л. Замена неотбытой части ограничения свободы более строгим видом наказания (часть 5 статьи 53 Уголовного кодекса Российской Федерации) // Вестник Российской правовой академии. – 2016. – № 2. – С. 60 – 62.
274. Иванчин А.В. О необходимости конструирования в уголовном законе состава уклонения от уплаты штрафа // Вестник института: преступление, наказание, исправление. – 2008. – № 2. – С. 38 – 40.
275. Камардина А.А. Исполнение приговора как стадия уголовного судопроизводства // Вестник Оренбургского государственного университета. – 2010. – № 3 (109). – С. 64 – 66.
276. Каплин М.Н. Виды уголовно-правовых последствий преступления // Актуальные проблемы уголовного права и процесса на современном этапе – 2019. – № 8. – С. 62 – 71.
277. Кауфман М. Уклонение от исполнения и отбывания наказания как вид негативного посткриминального поведения и его уголовно-правовое значение // Уголовное право. – 2018. – № 1. – С. 53 – 60.
278. Качалов В.И. Способы корректировки судом приговора при его исполнении // Правовая парадигма. – 2017. – Т. 16, № 3. – С. 106 – 111.
279. Качалов В.И. О характере судебной деятельности на этапе исполнения приговора и иных итоговых судебных решений // Вестник экономической безопасности. – 2016. – № 5. – С. 102 – 105.
280. Келина С.Г. Теоретические вопросы освобождения от уголовной ответственности. – М.: Юридическая литература, 1974. – 232 с.
281. Кленова Т.В. Соотнесение норм и предписаний в институтах уголовного права // Системность в уголовном праве: материалы II Российского конгресса уголовного права, состоявшегося 31 мая – 1 июня 2007 г. – М.: Проспект, 2007. – С. 186 – 187.

282. Князькина А.К., Лупарев Е.Б., Прохорова М.Л. Эволюция системы наказаний – революционная модель, представленная в Руководящих началах по уголовному праву РСФСР 1919 года // Юридический вестник Кубанского государственного университета. – 2020. – № 2. – С. 38 – 43.

283. Ковтун Н.Н., Зорин А.А. Принцип правовой определенности в системе правовых позиций и итоговых выводов Конституционного Суда РФ // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 5: Юриспруденция. – 2015. – № 3(28). – С. 143 – 149.

284. Конституционализация российского права в учении академика О.Е. Кутафина / рук. авт. кол. и отв. ред. В.В. Комарова. – М.: Норма, 2023. – 368 с.

285. Коняхин В.П. Теоретические вопросы построения Общей части российского уголовного права. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2002. – 346 с.

286. Коняхин В.П., Асланян Р.Г. Первичные системно-структурные элементы российского уголовного права // Российский следователь. – 2024. – № 1. – С. 18 – 22.

287. Коняхин В.П., Асланян Р.Г. Система уголовного права России: доктринальная модель кубанской научной школы // Труды Института государства и права РАН / Proceedings of the Institute of State and Law of the RAS. – 2026. – Т. 21, № 1. – С. 123 – 155.

288. Коняхин В.П., Полатвец В.В. Система наказаний в международном уголовном праве в контексте современных геополитических реалий // Вестник Кыргызско-Российского Славянского университета. – 2023. – Т. 23, № 3. – С. 49 – 54.

289. Коняхин В.П., Полтавец В.В. Система мер уголовно-правового характера: концептуальные основы построения // Актуальные проблемы уголовного права на современном этапе (вопросы дифференциации ответственности и законодательной техники). – 2020. – № 9. – С. 38 – 45.

290. Коняхин В.П., Прохорова М.Л., Куфлева В.Н. Институциональные основы уголовного права Российской Федерации // Российский следователь. – 2024. – № 1. – С. 2 – 7.
291. Коробов П. Освобождение от наказания: теория и практика // Уголовное право. – 2007. – № 1. – С. 30 – 34.
292. Кругликов Л.Л. Проблемы замены наказания более строгим не по приговору суда с позиции международно-правовых стандартов // Российская правовая система и международное право: современные проблемы взаимодействия: материалы Всерос. науч.-практ. конф. – Нижний Новгород: Нижегородский юридический институт МВД РФ, 1996. – 160 с.
293. Крусс В.И. Конституционализация права: основы теории. – М.: Норма, Инфра-М, 2017. – 239 с.
294. Крымов А.А. Передача осужденных лиц для дальнейшего отбывания наказания как межотраслевой комплексный институт права // Lex Russica (Русский закон). – 2014. – Т. 96, № 9. – С. 1114 – 1119.
295. Курганов С. Меры уголовно-правового характера // Уголовное право. – 2007. – № 2. – С. 59 – 63.
296. Курганов С.И. Теория и практика освобождения от наказания в свете решений Конституционного Суда Российской Федерации // Российское правосудие. – 2010. – № 7 (51). – С. 77 – 87.
297. Курганский М. Замена неотбытой части наказания более мягким видом наказания // Законность. – 2007. – № 7 (873). – С. 50 – 52.
298. Курс уголовного процесса / под ред. Л.В. Головки. – 2-е изд., испр. – М.: Статут, 2017. – 1278 с.
299. Куфлева В.Н. Институт иных мер уголовно-правового характера: особенности применения и исполнения // Институциональные основы уголовного права РФ: к 70-летию юбилею профессора В.П. Коняхина: материалы Междунар. науч.-практ. конф. г. Краснодар, 1–2 февраля 2024 г. / отв. ред. Коняхин В.П. и Прохорова М.Л. – Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2024. – С. 308 – 319.

300. Куфлева В.Н. Лицо, совершившее преступление, и проблемы теории уголовно-правового регулирования. – М.: Юрлитинформ, 2025. – 352 с.

301. Куфлева В.Н. Обязанности лица, совершившего преступление, в рамках уголовно-правовых отношений // Алтайский юридический вестник. – 2025. – № 4. – С. 167 – 175.

302. Куфлева В.Н. Права лица, совершившего преступление, в рамках уголовно-правовых отношений // Научный вестник Омской академии МВД России. – 2025. – № 4. – С. 414 – 419.

303. Ларина Л.Ю. Государство как субъект уголовно-правовых отношений // Юридическая наука. – 2017. – № 3. – С. 130 – 134.

304. Лебедев В.М. Судебная защита свободы и личной неприкосновенности граждан на предварительном следствии: учебное пособие. – М.: Рос. акад. правосудия, 2001. – 158 с.

305. Лебедева Р.Р. Определение понятия «прогрессивная система отбывания наказания» // Тенденции развития науки и образования. – 2025. – № 123-1. – С. 168 – 170.

306. Лист Ф. Учебник уголовного права. Общая часть / пер. с 12 перераб. изд. Ф. Ельяшевич; с предисл. М.В. Духовского. – М.: Тип. А.П. Мамонтова, 1903. – 334 с.

307. Лоба В.Е., Малахов С.Н. Уголовное право Псковской феодальной республики. – Армавир: РИО АГПА, 2012. – 115 с.

308. Лопашенко Н.А. Введение в уголовное право. – М.: Волтерс Клувер, 2009. – 224 с.

309. Лошенкова Е.В. Институт ответственности за злостное уклонение от отбывания уголовного наказания требует совершенствования // Актуальные проблемы российского права. – 2007. – № 2. – С. 331 – 337.

310. Маликов Б.З. Политика либерализации уголовной ответственности и наказания: принудительные работы вместо лишения свободы // Человек: преступление и наказание. – 2012. – № 4. – С. 77 – 81.

311. Малин П.М. Об элементах (подсистемах) прогрессивных систем исполнения и отбывания уголовных наказаний и мер уголовно-правового характера // Уголовно-исполнительное право. – 2018. – Т. 13, № 3. – С. 282 – 288.
312. Мальцев В.В. Введение в уголовное право. – Волгоград: ВА МВД России, 2000. – 202 с.
313. Мальчук О.И., Румянцев Н.В. Развитие института замены наказания в России в X-XIX вв // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Образование и педагогические науки. – 2016. – № 2 (766). – С. 99 – 104.
314. Мартысевич И.Д. Псковская судная грамота. Историко-юридическое исследование. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1951. – 208 с.
315. Международное уголовное право: российский концепт. Общая, Особенная и Специальная части. Учебник для вузов / под ред. В.П. Коняхина. – М.: Проспект, 2025. – 680 с.
316. Мелентьев М.П., Бажанов О.И. Изменение условий содержания осужденных в ИТУ. – Рязань: Рязанская высшая школа МВД СССР, 1975. – 34 с.
317. Меры уголовно-правового характера / под ред. Ю.Е. Пудовочкина. – М.: РГУП, 2022. – 608 с.
318. Михайлов К.В. Уголовно-правовой институт освобождения от наказания. – М.: Юрлитинформ, 2008. – 309 с.
319. Мичурина О.В. О месте стадии исполнения приговора в системе уголовного судопроизводства // Российская юстиция. – 2017. – № 10. – С. 33 – 35.
320. Наумов А.В. Российское уголовное право. Общая часть. Курс лекций. – 7-е изд., перераб. и доп. – М.: Проспект, 2024. – 816 с.
321. Неклюдов Н.А. Общая часть уголовного права (конспект). – СПб.: Типограф. И.П. Меркульева, 1875. – 192 с.

322. Николюк В., Пупышева Л. Замена наказания в виде обязательных работ лишением свободы // Уголовное право. – 2017. – № 6. – С. 110 – 119.
323. Николюк В.В. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 20 декабря 2011 г. № 21 «О практике применения судами законодательства об исполнении приговора» // Уголовное право. – 2012. – № 3. – С. 93 – 100.
324. Николюк В.В., Пупышева В.В. Исполнение приговора в системе уголовного процесса: процессуальная стадия или особое судебное производство? // Российское правосудие. – 2021. – № 1. – С. 97 – 106.
325. Нистратова И.С. Ретроспективный анализ нормативно-правового регулирования замены неотбытой части наказания более мягким видом наказания // Евразийский юридический журнал. – 2021. – № 12 (163). – С. 331 – 332.
326. Новиков Е.Е. О продлении срока лишения свободы как элементе института неопределённых приговоров в законодательстве России второй половины XIX – первой четверти XX вв // Вестник Томского института повышения квалификации работников ФСИН России. – 2024. – № 2 (20). – С. 94 – 104.
327. Ображиев К.В. Система формальных (юридических) источников российского уголовного права. – М.: Юрлитинформ, 2015. – 502 с.
328. Огородникова Н.В., Полтавец В.В. К вопросу о диапазоне судейского усмотрения: законодательные предпосылки // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2021. – № 11-2. – С. 101 – 104.
329. Огурцов Н.А. Правоотношения и ответственность в советском уголовном праве. – Рязань: Рязанская высшая школа МВД СССР, 1975. – 206 с.
330. Освобождение от уголовного наказания: закон, теория, практика / под ред. Ю.Е. Пудовочкина. – М.: Юрлитинформ, 2023. – 526 с.
331. Перлов И.Д. Исполнение приговора в советском уголовном процессе. – М.: Юридическая литература, 1963. – 227 с.

332. Пермиловская Е.А. К вопросу о месте ограничения свободы в современной системе уголовных наказаний // Вестник института: преступление, наказание, исправление. – 2017. – № 4 (40). – С. 47 – 52.
333. Петрухин И.Л. Прокурорский надзор и судебный контроль за следствием // Российская юстиция. – 1998. – № 9. – С. 12 – 14.
334. Подройкина И.А. К вопросу о наказании в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. – 2012. – № 4. – С. 244 – 247.
335. Познышев С.В. Учение о карательных мерах и мере наказания. – М.: Типо-лит. Русского Товарищества печатного и издательского дела, 1908. – 181 с.
336. Поленина С.В. Комплексные правовые институты и становление новых отраслей права // Известия вузов. Правоведение. – 1975. – № 3. – С. 71 – 79.
337. Полянский П.Л. Зарождение института неопределенных приговоров в советском законодательстве 1918–1921 гг. // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. – 2023. – № 5. – С. 3 – 27.
338. Полянский П.Л. Неопределенные приговоры в советском законодательстве, практике и науке периода нэпа // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. – 2024. – № 1. – С. 3 – 26.
339. Простосердов М.А. О некоторых проблемах несогласованности санкций норм Особенной части с положениями Общей части Уголовного кодекса России // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2023. – № 5. – С. 72 – 75.
340. Простосердов М.А. Понятие, признаки и причины возникновения дефектов в санкциях уголовно-правовых норм в УК РФ // Российское правосудие. – 2023. – № 6. – С. 77 – 83.

341. Прохоров Л.А., Полтавец В.В., Елец Е.А. Специальные правила назначения наказания: концептуальные основы и проблемы взаимодействия // Правосудие. – 2021. – Т. 3, № 2. – С. 117 – 138.

342. Прохоров Л.А., Прохорова М.Л. Основные критерии назначения наказания: регламентация в Руководящих началах по уголовному праву РСФСР 1919 года // Юридический вестник Кубанского государственного университета. – 2019. – № 4. – С. 82 – 86.

343. Прохорова М.Л., Полтавец В.В. Институт назначения наказания: проблемы реализации и направления оптимизации // Оптимизация правовой основы противодействия преступности: к 25-летию Конституции Российской Федерации: сборник научных трудов по итогам Всерос. науч.-практ. конф. с международным участием: в 2 частях, Волгоград, 12–13 декабря 2018 года / под ред. Л. В. Лобановой, С.М. Мкртчян. Том Часть 1. – Волгоград: Волгоградский государственный университет, 2018. – С. 242 – 247.

344. Прудников А.С., Швец В.М. История становления и развития судебной власти в концепции разделения властей // Вестник Московского университета МВД России. – 2016. – № 1. – С. 52 – 54.

345. Пудовочкин Ю.Е. Содержание уголовно-правовых отношений в решениях Конституционного Суда Российской Федерации // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. – 2008. – № 2. – С. 9 – 16.

346. Пудовочкин Ю.Е., Генрих Н.В. Замена неотбытой части наказания более мягким видом наказания: проблемы судебной практики // Уголовное право. – 2022. – № 5 (141). – С. 13 – 25.

347. Радаев А.Г. О категории «меры уголовно-правового характера» // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке: Материалы Восьмой Международ. науч.-практ. конф. (Москва, 27–28 января 2011 г.). – М.: Проспект, 2011. – С. 318 – 323.

348. Российское уголовное право. Общая часть. Учебник для вузов / под ред. В.П. Коняхина, М.Л. Прохоровой. – М.: Контракт, 2014. – 559 с.

349. Сабитов Р.А. Посткриминальное поведение (понятие, регулирование, последствия). – Томск: Томский государственный университет, 1985. – 193 с.

350. Санташов А.Л., Скаков А.Б. Идея прогрессивной системы исполнения уголовных наказаний и ее развитие в отечественной пенитенциарной науке // Пенитенциарная наука. – 2020. – Т. 14, № 2 (50). – С. 176 – 184.

351. Свиридов М.К. Отраслевая принадлежность норм, регулирующих судебную деятельность по исполнению приговора // Вестник Томского государственного университета. Право. – 2020. – № 36. – С. 83 – 91.

352. Свиридов М.К. Сущность и предмет стадии исполнения приговора. – Томск: Изд. Томск. ун-та, 1978. – 221 с.

353. Серков П.П. О понятии юридической ответственности // Журнал российского права. – 2010. – № 8 (164). – С. 42 – 49.

354. Сидоренко М.В. Свойство *res judicata* как отражение правовой определенности окончательных актов суда // Вестник Краснодарского университета МВД России. – 2016. – № 1 (31). – С. 74 – 76.

355. Сизый А.Ф. Поощрительные нормы уголовно-исполнительного права и их стимулирующая функция в процессе формирования правомерного поведения осужденных (проблемы теории и практики). – Рязань: Рязанская высшая школа МВД РФ, 1994. – 213 с.

356. Словарь по уголовному праву / отв. ред. А.В. Наумов. – М.: БЕК, 1997. – 682 с.

357. Современные проблемы и стратегия борьбы с преступностью / науч. ред. В.Н. Бурлаков, Б.В. Волженкин. – СПб.: СПбГУ, 2005. – 590 с.

358. Соколова О., Степанова И. Замена исправительных и обязательных работ иным видом наказания в случае злостного уклонения от их отбывания: анализ судебной практики // Уголовное право. – 2018. – № 6. – С. 90 – 99.

359. Солоницын П.С. Юридическая ответственность как правовое состояние // Вестник Самарского юридического института. – 2021. – № 2 (43). – С. 82 – 88.

360. Степашин В.М. Арест как вид наказания // Вестник Омского университета. Серия «Право». – 2011. – № 4 (29). – С. 130 – 134.

361. Степашин В.М. Институт замены наказания более строгим в механизме обеспечения наказания // Право. Законодательство. Личность. – 2015. – № 2 (21). – С. 191 – 199.

362. Степашин В.М. Некоторые проблемы замены наказания более строгим // Вестник Омского университета. Серия: Право. – 2006. – № 1 (6). – С. 146 – 155.

363. Степашин В.М. Ответственность осужденных к лишению права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью и ограничению по военной службе за уклонение от отбывания наказания // Вестник Омского университета. Серия «Право». – 2016. – № 1 (46). – С. 210 – 215.

364. Сумин А.А. Стадия исполнения приговора не должна присутствовать в системе стадий уголовного судопроизводства // Вестник экономической безопасности. – 2019. – № 1. – С. 79 – 81.

365. Сырых В.М. Комплексные институты как компоненты системы российского права// Журнал российского права. – 2002. – № 10. – С. 22 – 27.

366. Таганцев Н.С. Русское уголовное право. Часть общая. Лекции в 2-х т. Т. 2. – СПб.: Гос. тип., 1902. – С. 816 – 1460.

367. Тарбагаев А.Н. Ответственность в уголовном праве // Известия вузов. Правоведение. – 1994. – № 3. – С. 102 – 106.

368. Тарханов И.А. Замена наказания по советскому уголовному праву. – Казань: Изд. Казан. ун-та, 1982. – 104 с.

369. Тарыкин В.К., Плохих Г.И., Серенко Р.С. Замена неотбытой части наказания более мягким видом наказания: вопросы теоретической и

практической реализации // Современное общество и право. – 2024. – № 3 (70). – С. 122 – 130.

370. Тимошенко Ю.А. Комментарий к постановлению Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О судебной практике условно-досрочного освобождения от отбывания наказания, за мены неотбытой части наказания более мягким видом наказания» от 21 апреля 2009 года № 8 с изменениями, внесенными Постановлением Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 декабря 2010 года № 31. – СПб.: Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации, 2011. – 91 с.

371. Титаренко А.П. Влияние правил замены наказания при злостном уклонении осужденного от его отбывания на уголовно-исполнительные отношения // Алтайский юридический вестник. – 2013. – № 3 (3). – С. 62 – 64.

372. Ткачевский Ю.М. Замена неотбытой части наказания более мягким // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 1981. – № 3. – С. 87 – 91.

373. Ткачевский Ю.М. О замене исправительных работ лишением свободы // Советская юстиция. – 1980. – № 7. – С. 8 – 10.

374. Ткачевский Ю.М. Российская прогрессивная система исполнения уголовных наказаний // Вестник Московского университета. – 1997. – № 6. – С. 12 – 25.

375. Ткачевский Ю.М. Российская прогрессивная система исполнения уголовных наказаний. – М.: Городец, 2007. – 237 с.

376. Толстой Ю.К. О теоретических основах кодификации гражданского законодательства // Известия вузов. Правоведение. – 1975. – № 1. – С. 42 – 55.

377. Уголовное право Российской Федерации: проблемный курс для магистрантов и аспирантов. В 3 т. Т. 2. Книга 2 / под общ. ред. А.Н. Савенкова; науч. ред. А.И. Чучаев. – М.: Проспект, 2026. – 680 с.

378. Уголовный кодекс Российской Федерации (научный проект) / под ред. Н. А. Лопашенко. – М.: Юрлитинформ, 2019. – 320 с.
379. Упоров И.В. Пенитенциарная политика России в XVIII – XX вв.: историко-правовой анализ тенденций развития. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2004. – 608 с.
380. Урусов А.А. Принцип пропорциональности при злостном уклонении от отбывания уголовного наказания // Правоприменение в публичном и частном праве: Материалы международной научной конференции (Омск, 29 марта 2024 г.). – Омск: Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, 2024. – С. 201 – 207.
381. Усенко С.П. Генезис субинститутов уголовного права // Общество и право. – 2023. – № 1(83). – С. 33 – 38.
382. Филимонов В. Проблемы дифференциации видов наказаний, не связанных с лишением свободы, и ответственности за уклонение от их отбывания // Уголовное право. – 2013. – № 2. – С. 42 – 46.
383. Филимонов В.Д. Норма уголовного права. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2004. – 279 с.
384. Фойницкий И.Я. Учение о наказании в связи с тюрьмоведением. – М.: Городец, 2000. – 463 с.
385. Хорунжий С.Н. Пропорциональность как самостоятельный конституционный принцип // Конституционализм и государственное устройство. – 2022. – № 2 (26). – С. 9 – 24.
386. Черненко Т.Г. Некоторые вопросы замены наказания более строгим видом наказания // Вестник Кузбасского института. – 2021. – № 1 (46). – С. 91 – 98.
387. Черненко Т.Г., Масалитина И.В. Некоторые проблемные вопросы замены уголовного наказания более мягким видом наказания // Вестник Томского государственного университета. Право. – 2019. – № 32. – С. 122 – 132.

388. Черняков С.А. Эволюция института замены наказания в российском уголовном праве // Законность и правопорядок в современном обществе. – 2013. – № 14. – С. 156 – 159.

389. Чугаев А.П., Куфлева В.Н. Уголовно-правовое воздействие и его соотношение с мерами уголовно-правового характера: законодательный аспект // Право. Законодательство. Личность. – 2015. – № 1(20). – С. 255 – 261.

390. Шаргородский М.Д. Избранные работы по уголовному праву. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2003. – 434 с.

391. Шаргородский М.Д. Курс уголовного права. Т. 3. Уголовный закон. – М.: Юрид. изд-во, 1948. – 312 с.

392. Шлинк Б. Пропорциональность. К проблеме баланса фундаментальных прав и общественных целей // Сравнительное конституционное обозрение. – 2012. – № 2 (87). – С. 56 – 76.

393. Южанин В.Е., Горбань Д.В. Принцип прогрессивной системы отбывания наказания в виде лишения свободы // Lex Russica (Русский закон). – 2017. – № 2 (123). – С. 123 – 134.

394. Якимович Ю.К. Доказательства и доказывание в уголовном процессе России. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2015. – 75 с.

Диссертации и авторефераты диссертаций

395. Абдуллин Э.М. Замена наказания в уголовном праве России (юридическая природа, виды, характеристика): дисс. ... канд. юрид. наук. – Ульяновск, 2008. – 159 с.

396. Алексеева Т.М. Правовая определенность судебных решений в уголовном судопроизводстве: понятие, значение и пределы: дисс. ... канд. юрид. наук. – М., 2015. – 263 с.

397. Андрианов В.К. Юридические факты в уголовном праве: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – М., 2013. – 26 с.

398. Бажанов А.А. Соразмерность как принцип права: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук – М., 2019. – 30 с.

399. Баласанов М.Р. Замена неотбытой части наказания более мягким видом наказания: уголовно-правовые и уголовно-исполнительные аспекты: дисс. ... канд. юрид. наук. – М., 2025. – 322 с.

400. Бочкарева Ю.В. Проблемы совершенствования системы наказаний в уголовном законодательстве Российской Федерации: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – Тамбов, 2009. – 26 с.

401. Гаманенко Л.И. Уголовно-правовое обеспечение реализации назначенного наказания: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – Рязань, 2010. – 24 с.

402. Гараева А.Р. Смягчение наказания при его исполнении в российском уголовном праве: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – Казань, 2007. – 23 с.

403. Грищенко А.В. Институт исполнения приговора в уголовном судопроизводстве: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – Владимир, 2006. – 25 с.

404. Давыдова И.А. Судебный контроль за исполнением уголовных наказаний: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – Рязань, 2005. – 24 с.

405. Дедов Д.И. Реализация принципа соразмерности в правовом регулировании предпринимательской деятельности: дисс. ... д-ра юрид. наук. – М., 2005. – 423 с.

406. Демидов О.Г. Уклонение от наказания: уголовно-правовой и криминологический аспекты: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – Рязань, 2004. – 26 с.

407. Денисова А.В. Системность Российского уголовного права: теория, закон, практика: дисс. ... д-ра юрид. наук. – М., 2018. – 633 с.

408. Должиков А.В. Соразмерность как общеправовой принцип в конституционном правосудии России (на примере основных социальных прав): дисс. ... д-ра юрид. наук. – СПб., 2022. – 579 с.

409. Жук М.С. Институты российского уголовного права: понятие, система и перспективы развития: дисс. ... д-ра юрид. наук. – Краснодар 2013. – 380 с.

410. Жуков А.В. Замена наказания в уголовном праве России: дисс. ... канд. юрид. наук. – Самара, 2002. – 254 с.

411. Звечаровский И.Э. Посткриминальное поведение личности: ответственность и стимулирование: автореф. дисс. ... д-ра юрид. наук. – СПб., 1993. – 39 с.

412. Иванова С.И. Уклонение от отбывания уголовного наказания: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – Красноярск, 2004. – 22 с.

413. Качалов В.И. Производство по исполнению итоговых судебных решений в российском уголовном процессе: дисс. ... д-ра юрид. наук. – М., 2017. – 492 с.

414. Киримова Е.А. Правовой институт (теоретико-правовое исследование): дисс. ... канд. юрид. наук. – Саратов, 1998. – 170 с.

415. Ковтун Н.Н. Судебный контроль в уголовном судопроизводстве России: понятие, сущность, формы: автореф. дисс. ... д-ра юрид. наук. – Нижний Новгород, 2002. – 59 с.

416. Колосов А.С. Ответственность за уклонение от отбывания наказаний, не связанных с изоляцией осужденного от общества: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – М., 2005. – 22 с.

417. Конкина О.В. Замена неотбытой наказания более мягким видом наказания: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – Рязань, 2000. – 23 с.

418. Лаптев Д.А. Акцессорные уголовно-правовые меры: дисс. ... д-ра юрид. наук. – М., 2023. – 456 с.

419. Лесниченко И.П. Уголовная ответственность: понятие и проблемы реализации: дисс. ... канд. юрид. наук. – Ставрополь, 2005. – 178 с.

420. Лошенкова Е.В. Ответственность в уголовном праве: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – М., 2007. – 30 с.

421. Матвеев Д.Н. Замена наказания как институт уголовного права: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – Рязань, 2006. – 26 с.
422. Муратова Н.Г. Система судебного контроля в уголовном судопроизводстве: вопросы теории, законодательного регулирования и практики: автореф. дисс. ... д-ра юрид. наук. – Екатеринбург, 2004. – 46 с.
423. Николюк В.В. Уголовно-исполнительное судопроизводство в СССР: дисс. ... д-ра юрид. наук. – М., 1990. – 448 с.
424. Нурмиев М.М. Заменяющие наказания по российскому уголовному праву: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – Казань, 2005. – 23 с.
425. Огородникова Н.В. Санкции за имущественные преступления (виды, обоснованность, построение): автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – Саратов, 1991. – 17 с.
426. Переверзев А.А. Основания ограничения конституционных прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – Ставрополь, 2006. – 23 с.
427. Петров Д.Е. Отрасль права: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – Саратов, 2001. – 30 с.
428. Подройкина И.А. Теоретические основы построения системы наказаний в уголовном законодательстве России: автореф. дисс. ... д-ра юрид. наук. – Омск, 2017. – 43 с.
429. Прохоров Л.А. Общие начала назначения наказания по советскому уголовному праву: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – М., 1972. – 24 с.
430. Пупышева Л.А. Производство по рассмотрению и разрешению вопросов, связанных с исполнением приговора, в системе уголовного процесса: автореф. дисс. ... д-ра юрид. наук. – Омск, 2022. – 39 с.
431. Рахмаев Э.С. Исправительные работы как вид уголовного наказания: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – Рязань, 2005. – 26 с.
432. Сакаев А.И. Система наказаний по уголовному праву России: история и современность: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – Самара, 1999. – 21 с.

433. Сафин Л.Р. Ответственность осужденных за злостное уклонение от наказаний, не связанных с изоляцией от общества в российском уголовном праве: дисс. ... канд. юрид. наук. – Казань, 2004. – 222 с.

434. Скаков А.Б. Прогрессивная система исполнения лишения свободы и ее отражение в новом законодательстве Республики Казахстан: автореф. дисс. ... д-ра юрид. наук. – Рязань, 2004. – 41 с.

435. Степашин В.М. Экономия репрессии как принцип уголовного права и его реализация в назначении наказания и мер уголовной ответственности: дисс. ... д-ра юрид. наук. – Омск, 2019. – 527 с.

436. Тимофеева Е.А. Уголовно-правовые средства реагирования на уклонение (злостное уклонение) от отбывания наказания: проблемы дифференциации ответственности и законодательной техники: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – Краснодар, 2008. – 28 с.

437. Терентьева В.А. Правовой режим освобождения несовершеннолетних от уголовного наказания: дис. ... д-ра юрид. наук. – Кемерово, 2025. – 439 с.

438. Тулянский Д.В. Стадия исполнения приговора в уголовном судопроизводстве: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – М., 2004. – 22 с.

439. Усенко А.С. Подотрасли уголовного права: теоретико-прикладное исследование: дисс. ... канд. юрид. наук. – Краснодар, 2025. – 268 с.

440. Усенко С.П. Субинституты российского уголовного права: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – Краснодар, 2023. – 32 с.

441. Химичева О.В. Концептуальные основы процессуального контроля и надзора на досудебных стадиях уголовного судопроизводства: автореф. дисс. ... д-ра юрид. наук. – М., 2004. – 46 с.

442. Шихвердиев В.А. Уклонение от отбывания наказания: проблемы оптимизации уголовно-правовых средств реагирования: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – Курск, 2017. – 29 с.

443. Яковлева Л.В. Институт освобождения от наказания в российском праве: автореф. дисс. ... д-ра юрид. наук. – М., 2003. – 54 с.

Результаты анкетирования

Уважаемый коллега! На кафедре уголовного права и криминологии Кубанского государственного университета проводится исследование, посвященное уголовно-правовым проблемам толкования и применения правовых предписаний, регламентирующих вопросы замены наказания более мягким или более строгим видом. Учитывая Ваши профессиональные знания и опыт, прошу уделить время и ответить на вопросы предлагаемой анкеты. Благодарю за содействие и поддержку.

1) На ваш взгляд, с точки зрения теории организации уголовного процесса, разрешение вопросов, связанных с заменой уголовного наказания, при исполнении приговора, является:

- А) самостоятельной стадией уголовного процесса – 78%
- Б) отдельным (особым) видом уголовного судопроизводства – 20%
- В) затрудняюсь ответить – 2%

2) Замена наказания в процессе его исполнения более мягким или более строгим видом, с Вашей точки зрения:

- А) не является вмешательством в содержание приговора – 90%
- Б) означает изменение ранее вынесенного приговора – 5%
- В) затрудняюсь ответить – 5%

3) Верным ли будет утверждение о том, что замена наказания более строгим видом в ситуациях, когда лицо злостно уклоняется от исполнения назначенного судом наказания, ориентирована на обеспечение права государства на наказание?

- А) да 95%
- Б) нет 0%
- Г) затрудняюсь ответить 5%

4) Верным ли будет утверждение о том, что замена неотбытой части наказания более мягким видом ориентирована на обеспечение права осужденного просить о смягчении наказания?

- А) да 87%
- Б) нет 9%
- В) затрудняюсь ответить 4%

5) Правила о замене наказания более мягким и правила о замене наказания более строгим видом:

- А) обладают единой природой и могут рассматриваться как составные части единого института замены наказания 45%
- Б) обладают принципиально различной природой и не могут быть интегрированы в рамки одного правового института 43%

В) затрудняюсь ответить 12%

6) В процессе существования и развития уголовно-правового отношения, порожденного преступлением, могут возникать иные юридические факты (осужденное лицо может выполнить какие-то значимые действия, например, уклониться от наказания, могут наступить какие-то события, например беременность). Появление таких фактов:

А) влияет на динамику уже существующего отношения 56%

Б) порождает новые правовые отношения 37%

В) затрудняюсь ответить 7%

7) Является ли замена наказания более мягким или более строгим видом, осуществляемая в процессе исполнения приговора, частью содержания уголовной ответственности, частью процесса реализации уголовной ответственности?

А) да 73%

Б) нет 20%

В) затрудняюсь ответить 7%

8) В литературе высказано суждение о том, что замена наказания (более мягким или более строгим видов) является самостоятельной мерой уголовно-правового характера. Это суждение, на Ваш взгляд:

А) является верным 34%

Б) является ошибочным 49%

В) затрудняюсь ответить 17%

9) Меры уголовно-правового характера, на Ваш взгляд:

А) применяются только за преступление 37%

Б) применяются за преступление и за постпреступные действия 21%

В) применяются только за постпреступные действия 15%

Г) нет правильного ответа среди предложенных 27%

10) Выберите ответ, который, на Ваш взгляд, наиболее точно характеризуют правовую природу замены наказания:

А) замена наказания есть проявление индивидуализации наказания 16%

Б) замена наказания есть меры уголовно-правового характера 34%

В) замена наказания есть элемент прогрессивной системы исполнения наказания 32%

Г) нет подходящего ответа среди предложенных 18%

11) На Ваш взгляд, относятся ли к институту замены наказания ситуации, когда согласно закону суд имеет возможность не в процессе исполнения приговора, а в момент вынесения приговора заменить назначенное наказание иным (например, при замене лишения свободы принудительными работами

или при замене лишения свободы содержанием в дисциплинарной воинской части)?

- А) да 40%
- Б) нет 53%
- В) затрудняюсь ответить 7%

12) Можно ли утверждать, что ситуации замены наказания иными мерами уголовно-правового воздействия (например, принудительными мерами воспитательного воздействия) составляют часть института замены наказания, наряду с ситуациями замены одного вида наказания другим видом наказания?

- А) да 26%
- Б) нет 68%
- В) затрудняюсь ответить 6%

13) Выберите суждение, которое, с Вашей точки зрения, является наиболее точным:

А) институт замены наказания образуют все нормативные предписания, регулирующие как вопросы изменения вида наказания, установленного в санкции, в процессе его назначения, так и вопросы изменения вида наказания, назначенного судом, в процессе исполнения приговора 35%

Б) нормативные предписания, регулирующие вопросы изменения вида наказания, установленного в санкции, в процессе его назначения, и вопросы изменения вида наказания, назначенного судом, в процессе исполнения приговора, не образуют единого уголовно-правового института замены наказания 55%

В) затрудняюсь ответить или выбор не отражает моей позиции 10%

14) Выберите суждение, которое, с Вашей точки зрения, является наиболее точным:

А) институт замены наказания образуют предписания, определяющие последствия совершения осужденным лицом действия, связанных с недобросовестным или добросовестным исполнением (отбыванием) уголовного наказания 55%

Б) институт замены наказания образуют предписания, определяющие возможности изменения назначенного судом наказания как при совершении осужденным каких-либо сознательно-волевых действий, так и при наступлении каких-либо событий (например, при амнистии или изменении уголовного закона) – 45%

В) затрудняюсь ответить или выбор не отражает моей позиции 5%

15) Выберите суждение, которое, с Вашей точки зрения, является наиболее точным:

А) институт замены наказания более мягким видом и институт замены наказания более строгим видом представляют собой различные уголовно-правовые институты – 40%

Б) институт замены наказания более мягким видом и институт замены наказания более строгим видом представляют собой составные части единого уголовно-правового института – 50%

В) затрудняюсь ответить или выбор не отражает моей позиции 10%

16) На Ваш взгляд, целесообразно ли выделить в структуре уголовного закона отдельную главу, содержанием которой станут все разрозненные правила замены наказания?

А) да 62%

Б) нет 30%

В) затрудняюсь ответить 8%

17) По Вашему мнению, при замене неотбытой части наказания более мягким видом (ст. 80 УК РФ):

А) суд должен установить факт исправления осужденного 13%

Б) факт исправления осужденного не должен устанавливаться судом 87%

18) По Вашему мнению, при замене неотбытой части наказания более мягким видом (ст. 80 УК РФ):

А) суд должен принять во внимание особенности совершенного преступления 10%

Б) суд не должен принимать во внимание особенности совершенного преступления 82%

В) не должен, но может учесть особенности совершенного преступления 8%

19) В системе наказаний, с учетом реального содержания правоограничений, ограничение свободы нельзя признать более строгим видом наказания, нежели исправительные или обязательные работы. Верно ли это суждение, на Ваш взгляд?

А) да 58%

Б) нет 40%

В) затрудняюсь ответить 2%

20) На ваш Взгляд, предусмотренные в законе правила о возможности замены неотбытой части наказания в виде содержания в дисциплинарной воинской части иным, более мягким видом наказания:

А) являются обоснованными и согласованными с практикой конструирования и применения наказаний 28%

Б) являются необоснованными, поскольку это наказание не имеет реальной более мягкой альтернативы 69%

В) затрудняюсь ответить 3%

21) Действующий закон не предусматривает положений о замене неотбытой части исправительных работ обязательными работами или штрафом как более мягкими видами наказаний. Такое решение является, на Ваш взгляд:

- А) обоснованным 60%
- Б) не обоснованным 32%
- В) затрудняюсь ответить 8%

22) Действующий закон не предусматривает положений о замене пожизненного лишения свободы более мягким видом наказания. Такое решение, на Ваш взгляд, является:

- А) обоснованным 57%
- Б) не обоснованным 40%
- В) затрудняюсь ответить 3%

23) Действующий закон не предусматривает положений о замене неотбытой части дополнительного наказания более мягким видом. Такое решение является, на Ваш взгляд:

- А) обоснованным 65%
- Б) не обоснованным 30%
- В) затрудняюсь ответить 5%

24) На Ваш взгляд, неотбытую часть наказания в виде лишения свободы или принудительных работ целесообразно заменять (выберите один или несколько ответов):

- А) штрафом 12%
- Б) лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью 5%
- В) обязательными работами 78%
- Г) исправительными работами – 96%
- Д) ограничением свободы – 69%
- Е) арестом 4%

25) На Ваш взгляд, при пересчете неотбытой части более строгого наказания в более мягкое наказание (выберите один или несколько ответов):

- А) срок заменяющего наказания должен быть равен сроку неотбытой части заменяемого наказания 67%
- Б) срок заменяющего наказания может быть меньше срока неотбытой части заменяемого наказания 33%
- В) срок заменяющего наказания может быть больше срока неотбытой части заменяемого наказания 52%

26) Процедура замены неотбытой части наказания более мягким видом наказания предполагает:

А) механический пересчет одного наказания в другое с учетом установленных коэффициентов 39%

Б) назначение более мягкого наказания, в том числе с учетом общих правил индивидуализации наказания 61%

27) Потребность в замене назначенного судом наказания более строгим видом:

А) как правило, не связана с допущенной при назначении или исполнении наказания ошибкой 89%

Б) как правило, связана с допущенной при назначении или исполнении наказания ошибкой 10%

В) затрудняюсь ответить 1%

28) Решая вопрос о замене наказания более строгим видом при уклонении лица от исполнения назначенной по приговору меры воздействия подлежат учету (выберите один или несколько ответов):

А) опасности преступления 68%

Б) данные о личности 76%

В) содержания действий, связанных с уклонением от исполнения наказания 97%

Г) причины уклонения от исполнения наказания 99%

29) Поддерживаете ли Вы высказанное в литературе мнение о необходимости установления ответственности за уклонение от отбывания наказания на уровне самостоятельной статьи (или нескольких статей) Особенной части УК РФ?

А) да 65%

Б) нет 30%

В) затрудняюсь ответить 5%

30) Считаете ли Вы, что последствия уклонения от исполнения одинаковых по содержанию наказаний, но назначенных в качестве основного либо в качестве дополнительного (в частности, штрафа как основного или дополнительного наказания, ограничения свободы как основного или дополнительного наказания) должны быть тождественными?

А) да 69%

Б) нет 29%

В) затрудняюсь ответить 2%

31) При осуждении лица по ч. 1 ст. 314 УК РФ за уклонение от исполнения ограничения свободы, к наказанию, назначенному за это преступление, полностью или частично должно быть присоединено неотбытое наказание в виде ограничения свободы:

А) да 80%

Б) нет 15%

В) затрудняюсь ответить 5%

32) На Ваш взгляд, целесообразно ли предусмотреть в законе правило о замене неотбытого дополнительного наказания иным, более строгим видом основного наказания?

Да) 45%

Б) нет 55%

В) затрудняюсь ответить 0%

33) Согласны ли Вы с тем, что оптимальным заменяющим наказанием в случае уклонения от обязательных, исправительных работ или ограничения свободы, выступает наказание, предполагающее изоляцию осужденного от общества?

А) да 79%

Б) нет 10%

В) затрудняюсь ответить 11%

34) Какое наказание, на ваш взгляд, служит оптимальным заменяющим наказанием в ситуациях уклонения от уплаты штрафа (выберите один или несколько ответов)?

А) принудительные работы 67%

Б) обязательные работы 43%

В) исправительные работы 37%

Г) ограничение свободы 26%

Приложение 2. Динамика рассмотрения материалов о применении ст. 80 УК РФ

	Годы	Остаток производств по материалам на начало года	Поступило в производство материалов	Окончено производством	Из них:			Остаток производств по материалам на конец года
					удовлетворено	отказано в удовлетворении	прекращено, отозвано, возвращено, передано по подсудности	
Всего	2025	Сопоставимые данные не опубликованы						
	2024	65334	2746532	2752628	2283104	180987	288537	59238
	2023	76217	2804996	2813920	2328762	208696	276462	67293
	2022	78387	2764542	2765508	2246620	223136	295752	77421
	2021	77068	2793521	2790862	2292365	219033	279464	79727
	2020	78330	2756970	2757023	2276015	220366	260642	78277
	2005	Нет данных		1725184	1281866	Нет данных		
О замене лишения свободы более мягким видом наказания (кроме принудительных работ)	2025	Сопоставимые данные не опубликованы						
	2024	2864	25767	26585	8240	10080	8265	2046
	2023	5328	41564	44004	15070	16028	12 906	2888
	2022	6732	57752	59112	18873	24115	16124	5372
	2021	6441	63317	62997	21487	25646	15864	6761
	2020	7131	67486	68139	24791	27626	15722	6478
	2005	Нет данных		12658	10705	Нет данных		
О замене лишения свободы принудительными работами	2025	Сопоставимые данные не опубликованы						
	2024	3732	33678	34648	13097	13203	8348	2762
	2023	3435	48974	48678	19277	18037	11364	3731
	2022	2002	28331	26953	7124	12271	7558	3380
	2021	981	15323	14306	3425	6951	3930	1998
	2020	456	7741	7220	1747	3403	2070	977
О замене принудительных работ более мягким видом наказания	2025	Сопоставимые данные не опубликованы						
	2024	223	3384	3412	1240	796	1376	195
	2023	185	2930	2864	1044	792	1028	251
	2022	14	2271	2085	685	669	731	200
	2021	Нет данных						
	2020							

Составлено и подсчитано нами на основании сведений, официально опубликованных Судебным департаментом при Верховном Суде Российской Федерации. Использованы данные следующих форм: Форма 1 «Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел по первой инстанции», Раздел 4. Рассмотрение представлений, ходатайств и жалоб (по числу лиц). Информация размещена в сети «Интернет» на официальном сайте Судебного Департамента по адресу: <https://cdep.ru/?id=79> (дата обращения: 04.01.2026).

Приложение 3. Динамика рассмотрения материалов о замене наказания более строгим видом

	Годы	Остаток производств по материалам на начало года	Поступило в производство материалов	Окончено производством	Из них:			Остаток производств по материалам на конец года
					удовлетворено	отказано в удовлетворении	прекращено, отозвано, возвращено, передано по подсудности	
О замене штрафа (кроме кратного штрафа) иными видами наказаний, не связанными с лишением свободы (пп. «а» п. 2 ст. 297 УПК РФ) В 2006 г. графа именовалась «о замене штрафа исправительными работами»)	2025	Сопоставимые данные не опубликованы						
	2024	1051	10320	10290	2307	1532	6451	1081
	2023	1827	10971	11748	3190	1987	6571	1050
	2022	2521	15285	15980	4468	2856	8656	1826
	2021	1706	17197	16377	5092	2966	8319	2526
	2020	1782	14250	14329	4841	2699	6789	1703
	2006	нет данных		2211	1005	нет данных		
О замене кратного штрафа, назначенного по ст. 204, 204.1, 204.2, 290, 291, 291.1 УК РФ (ч. 5 ст. 46 УК РФ, пп. "а" п. 2 ст. 397 УПК РФ)	2025	Сопоставимые данные не опубликованы						
	2024	38	316	321	55	55	211	33
	2023	47	314	323	72	50	201	38
	2022	66	356	375	87	55	233	47
	2021	67	408	409	89	72	248	66
	2020	61	477	471	127	86	258	67
О замене обязательных работ лишением свободы (пп. "б" п. 2 ст. 397 УПК РФ). Несмотря на наименование этой и последующих граф, в них отражается информация о замене наказания всеми предусмотренными законом наказаниями.	2025	Сопоставимые данные не опубликованы						
	2024	2643	21667	22314	9713	4811	7790	1996
	2023	2946	26537	26854	12009	6019	8826	2629
	2022	2973	28454	28444	13103	6574	8767	2983
	2021	2883	27267	27147	12799	6304	8044	3003
	2020	2380	26286	25790	12364	6199	7227	2876
	2006	нет данных		6025	4482	нет данных		
О замене исправительных работ лишением свободы (пп. "в" п.2 ст. 397 УПК РФ)	2025	Сопоставимые данные не опубликованы						
	2024	4034	32290	33082	15801	8896	8385	3242
	2023	4678	35520	36218	17827	10315	8076	3980
	2022	4742	39389	39505	19716	11355	8434	4826
	2021	4668	37764	37735	19054	10892	7789	4697
	2020	4559	36823	36749	18956	10620	7173	4633
	2006	нет данных		24425	18965	нет данных		

О замене ограничения свободы лишением свободы (пп. "г" п. 2 ст. 397 УПК РФ)	2025	Сопоставимые данные не опубликованы						
	2024	499	4476	4567	2078	1062	1427	408
	2023	455	5191	5146	2332	1355	1459	500
	2022	490	5022	5059	2337	1314	1408	453
	2021	545	5182	5236	2442	1323	1471	491
	2020	432	5030	4918	2370	1281	1267	544
	2006	нет данных		0	0	нет данных		
О замене принудительных работ лишением свободы (ч. 6 (до 23.07.2025) или ч. 4 ст. 53.1 УК РФ, п.2.1 ст. 397 УПК РФ)	2025	Сопоставимые данные не опубликованы						
	2024	1255	17510	17774	10999	1432	5343	991
	2023	455	12320	11519	7574	1127	2818	1256
	2022	293	3998	3838	2821	454	563	453
	2021	271	2800	2772	1988	348	436	299
	2020	199	2303	2231	1498	334	399	271
Злостное уклонение лица, осужденного к ограничению свободы, от отбывания наказания (ч. 1 ст. 314 УК РФ)		Осуждено лиц			Назначено ограничение свободы как дополнительное наказание			
	2025	Сопоставимые данные не опубликованы						
	2024	388			7212			
	2023	443			7676			
	2022	431			7390			
	2021	501			7204			
	2020	506			6919			
	2005	Нормы не существовало			—			
Невозвращение в исправительное учреждение осужденного к лишению свободы (ч. 2 ст. 314 УК РФ)		Осуждено лиц						
	2025	Сопоставимые данные не опубликованы						
	2024	11						
	2023	12						
	2022	13						
	2021	18						
	2020	15						
	2005	95 (ст.314 УК РФ «Уклонение от отбывания лишения свободы», в ред. 09.03.2001)						

Составлено и подсчитано нами на основании сведений, официально опубликованных Судебным департаментом при Верховном Суде Российской Федерации. Использованы данные следующих форм: Форма 1 «Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел по первой инстанции», Раздел 4. Рассмотрение представлений, ходатайств и жалоб (по числу лиц); Форма 10а «Отчет о числе осужденных по всем составам преступлений Уголовного Кодекса Российской Федерации и иных лиц, в отношении которых вынесены судебные акты по уголовным делам», Раздел 17. Глава 31. Преступления против правосудия. Информация размещена в сети «Интернет» на официальном сайте Судебного Департамента по адресу: <https://cdep.ru/?id=79> (дата обращения: 09.03.2026). Данные за 2005 и 2006 год собирались с учетом сопоставимости форм наблюдения